

Ю.Я.Рассамакин

КВИТЯНСКАЯ КУЛЬТУРА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Yu.Ya. Rassamakin. The Kvityanskaya Culture: History and Current State of the Problem.

The main subject of the article is tumulus burials in the extended position of the Lower Dnieper region which are known in archaeological literature as the post-Mariupol (after I. Kovaleva) or Kvityanskaya (after Yu. Rassamakin) culture (c. 4000-3500 B.C.). The author discusses in details the history and current state of studies related to the culture in question. Further specific traits of the burial rite and grave goods are characterized which single out the culture among other cultural groups of the steppe and forest-steppe zones of eastern Europe. The attempt is done to relate the pottery from the graves to certain settlement sites. It is proved that it has no parallels in the settlements of the Skelyanskaya or Sredny Stog II cultures and represents a separate phenomenon connected mainly with the forest-steppe zone. According to parallels in neighboring cultural units the Kvityanskaya culture has probably developed during the period from the Tripolye B2 to Tripolye C2 stages. Additionally to the general problem a new material from Kamenka Dneprovskaya is published.

1. Краткий очерк истории термина и его интерпретации

1.1. Эпонимный памятник

В 1951 году у с. Федоровка, на правом берегу Днепра, на мысу между балками Квитяна и Куценька, А.В.Бодянский исследовал погребальные комплексы под двумя каменными закладками (Бодянский 1954). Я хотел бы привести здесь в обобщенном виде архивные сведения об этом памятнике, которые имеются в Дневнике, Кратком отчете (рукопись) и в Отчете А.В.Бодянского (Бодянский 1951а: 45-53; 1951б: 19-20; 1951в: 38-40).

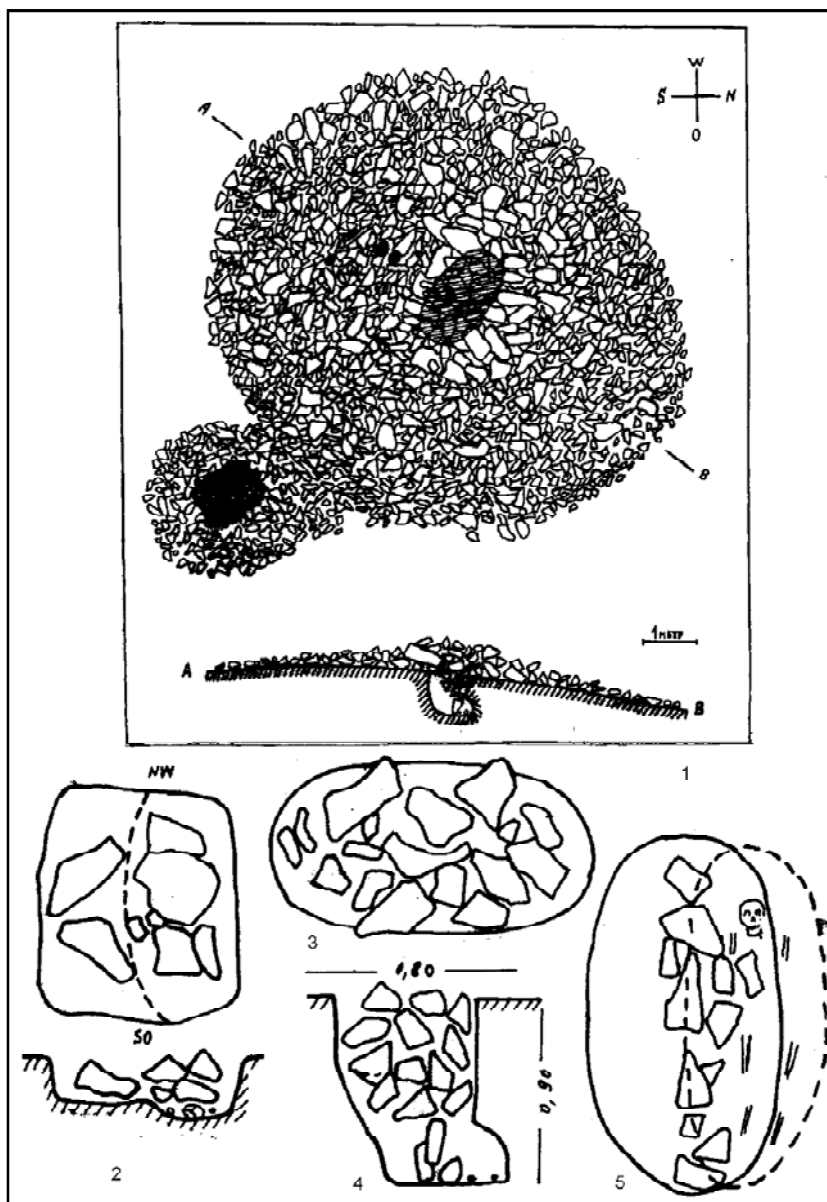
Две закладки были обнаружены на правом, очень пологом склоне балки Квитяной (рис.1,1). Они были перекрыты слоем бурого песчанистого грунта мощностью до 0,4 м. Водой этот слой был размыт, но закладки не были нарушены. Большая закладка была сложена в 1-4 ряда из гранитных камней размерами от 0,15 × 0,2 м до 0,45 × 0,5 м (всего 3002 камня). Диаметр закладки 8,6 м, высота 0,6 м. Периферия закладки сложена из одного слоя больших камней, а ее юго-восточная часть сложена в основном из мелких камней, преимущественно в один слой. В строении закладки отмечено шесть рядов из наиболее крупных камней, которые были расположены один от другого через неодинаковые интервалы, шириной от 0,3 до 0,6 м. Эти кольцевые ряды к центру постепенно уменьша-

лись в диаметре. Они были хорошо видны после снятия верхних слоев камней. Центр закладки сложен из 3-4 рядов камней.

В центре, на вершине закладки, возвышалась надстройка овальной формы из крупных камней, ориентированная по линии СЗ-ЮВ, длиной 2,8 м, шириной 1,7 м. После снятия камней выяснилось, что группа центральных больших камней лежит в 3-4 слоя, наклонившись к центру. Поверхность земли под закладкой состояла из бурой супеси и имела слегка выпуклую форму из-за размыва земли вокруг закладки.

В центре закладки, под надстройкой, на уровне бурой супеси, обнаружены вершины отдельных камней, перекрывавших и заполнявших погребальную яму. Яма удлиненно-овальной формы, ориентирована по оси СЗ-ЮВ, длиной 1,8 м, шириной 0,8 м, глубиной 0,9 м (рис.1, 3-4). На дне ямы ряд камней закрывал вход в подбой, где лежал на спине скелет подростка в вытянутом положении, головой на СЗ, с левой подогнутой рукой, кистью на тазе и правой — слегка согнутой и отведенной в сторону — погр.2 (рис.1,5). В процессе расчистки этого погребения, в его заполнении, начиная с гл. 0,2 м, обнаружены обломки ключицы и локтевой кости, а также часть верхней челюсти взросло-

Рис.1. Погребальные комплексы в балке Кви-тяной (с. Федоровка): 1 — общий вид каменных закладок; 2 — погр.1; 3-5 — погр.3 (по отчету и дневнику А.В.Бодянского).

го человека со следами охры. Здесь же были найдены и крупинки охры¹ (курсив Ю.Р.).

В 1,4 м к ЮЗ от ямы погр.2, в квадрате 73, в бурой супеси на гл. 0,25 м, под закладкой, обнаружено погр.3. Яма не прослежена. Отмечена однородная ненарушенная материковая супесь. Скелет очень плохой сохранности лежал на правом боку, в сильно скорченном положении, головой на СЗ² (рис. 2, 1). Положение рук не восстанавливается, но судя по сохранившемуся обломку плечевой кости, они лежали в направлении колен и могли быть, по предположению автора раскопок, подведены кисти к лицу. В 10 см от черепа стоял остродонный лепной сосуд (рис.2, 2).

В 1,5 м к югу от этого погребения, в кв.83, под закладкой, был найден развал сосуда больших размеров, разбитого в древности. Одна часть фрагментов была найдена в бурой супеси, другая — между камнями закладки³.

С ЮВ к большой закладке примыкала другая, меньших размеров, округлой формы, сложенная в один слой, с большим округло-остроконечным камнем в центре, размерами 0,45 × 0,35 × 0,2 м. В центре закладки отмечена яма прямоугольной формы с одним суженым краем, с закругленными углами, длиной 1,35 м, шириной 1,25 м, глубиной 0,5 м от основания закладки. Яма имела приступку, после чего приобрела овальные очертания (рис.1,2). Скелет хорошей сохранности лежал на спине, с подогнутыми ногами, упавшими влево, головой на Ю. Руки вытянуты вдоль тела, череп развернут вправо и сильно приподнят (погр.1)⁴.

Описание сосудов⁵:

1. Развал большого лепного остродонного сосуда, с яйцевидным туловом, высокой, слегка раздутой горловиной и отогнутым наружу венчиком. Глина пористая, с большой примесью толченых раковин. На внешней поверхности

серо-желтого цвета видны следы полосчатого гребенчатого сглаживания, на внутренней, в верхней части, эти следы составляют аккуратные горизонтальные ряды. Орнамент из тонких оттисков гребенчатого штампа расположен двумя зонами в верхней части сосуда. Первая зона состоит из ряда косых длинных оттисков на поверхности отогнутого венчика, под которым, на прилегающей части горловины, нанесены вертикальные ряды из более коротких оттисков аналогичной гребенки, образующих широкую ленту из своеобразных лесенок. Вторая орнаментальная зона оставлена на месте уступчатого перехода горла в тулово. Она представлена одним рядом из длинных косых оттисков тонкого гребенчатого штампа, который ограничен с обеих сторон зигзагами из таких же, но более коротких оттисков. Реконструируемая высота сосуда около 0,5 м, диаметр венчика 0,3 м (рис.2,3);

2. Сосуд лепной, остродонный, с яйцевидным туловом, высоким, немного сужающимся, слегка раздутым горлом и отогнутым наружу венчиком. Поверхность серо-желтого цвета, тщательно заглажена гребенкой, тесто пористое, с примесью толченой ракушки. Орнамент мелкозубчатым штампом нанесен под венчиком и на переходе горла в тулово. В верхней части — это ряд из косо поставленного тонкого зубчатого штампа, ограниченного снизу двумя пересекающимися зигзагами, образующими таким образом горизонтальную цепочку ромбов. В месте перехода от горла к тулову нанесен аналогичный ряд косых оттисков, имеющий разрыв в месте уступчатого соединения горла и плечиков и двойной зигзаг снизу. Высота сосуда 20 см, диаметр венчика 13 см, плечиков 16 см (рис.2,2).

К сожалению, полевая графическая фиксация памятника не представлена в имеющихся архивных материалах детальными чертежами,

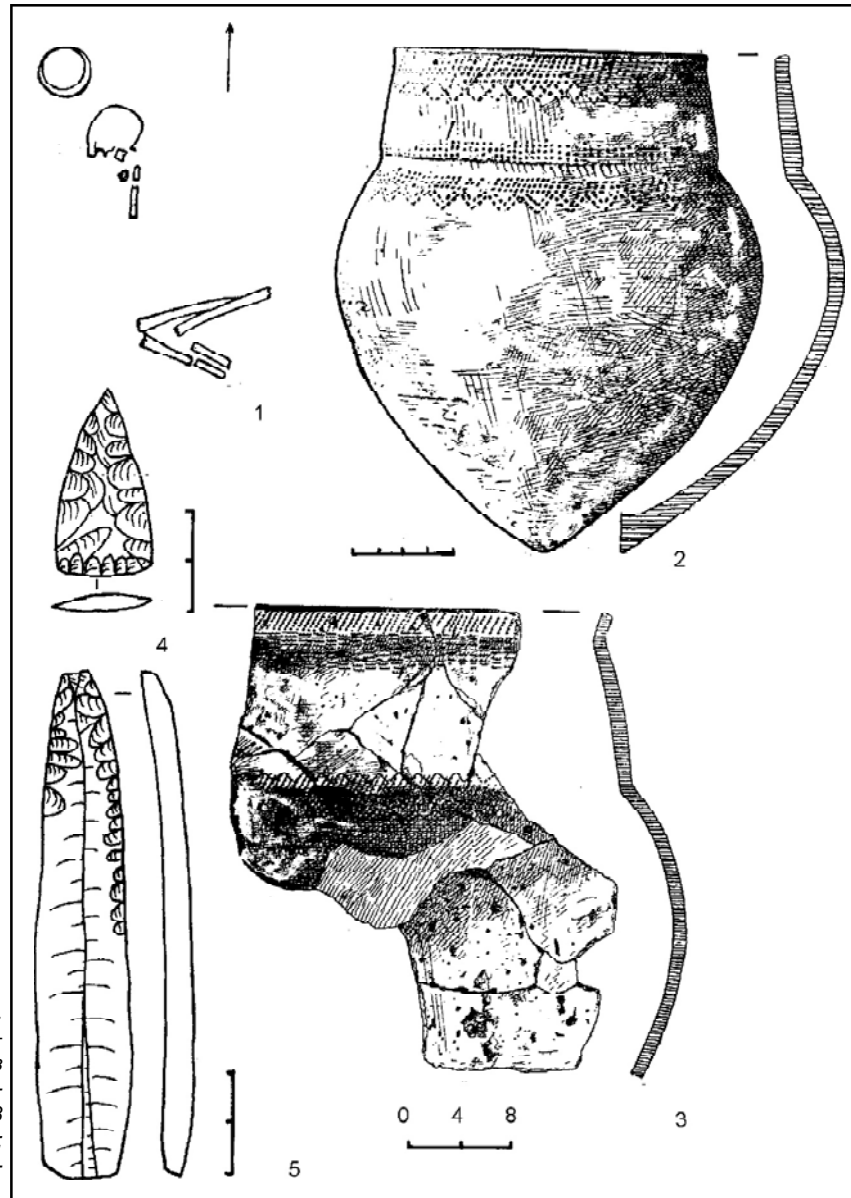

Рис.2. Балка Квитяна (с Федоровка): 1—2 — погр.3; 3 — сосуд из тризны; 4-5 — случайные находки (1-3 по Бодянский, 1954; 4-5 — рисунки по Бодянский, 1951а).

которые позволили бы уточнить ряд спорных или неясных моментов. Поэтому, при анализе этого памятника остаются вопросы, на которые уже невозможно ответить⁶. Это относится, прежде всего, к определению основного погребения, хотя нет оснований не доверять здесь автору раскопок, но и необходимых доказательств также нет. Сложно определить место погр.3 и принадлежность развала сосуда, который, несомненно, представлял тризну⁷. Здесь может быть несколько вариантов решения проблемы⁸, одно из которых предложил В.Н.Даниленко. Он считал, что основное разрушенное погребение и погр.3 с сосудом могли быть одновременными, и тогда развал сосуда мог относиться к тризне погр.3 (Даниленко 1974: 64). Возможно, что это одна из наиболее приемлемых версий, но тогда принадлежность сосуда из тризны вряд ли относится только к погр.3. В этом случае тризна должна относиться к обоим основным погребениям. Могло ли погр.3 предшествовать основному погребению и сооружению закладки над последним, как считал собственно А.В.Бодянский? Судя по глубине залегания погр.3, это маловероятно. Этому противоречит и наличие тризны под закладкой, представленной сосудом, который идентичен по форме и орнаментальному стилю сосуду из погребения. В этом слу-

чае нужно предположить наличие первоначально небольшой насыпи над этим комплексом. Маловероятным является и предположение, что погр.3 могло быть впущено в закладку и затем перекрыто теми же камнями, так как нарушение закладки не отмечено. Другой проблемой является культурная принадлежность погр.1 под второй, меньшей закладкой, и его хронологическое соотношение с большой закладкой. В.Н.Даниленко считал его более поздним, не соглашаясь, правда, с датировкой этого погребения эпохой поздней бронзы (Даниленко 1974: 64).

В целом же, значение большой закладки в балке Квитяной заключается в том, что она была первым зафиксированным погребальным комплексом с сосудами того стандартного вида, которые впоследствии стали эталоном для сравнительного анализа не только новых находок, но и керамики из более ранних раскопок, в частности, из раскопок днепровских многослойных поселений экспедицией Днепрогэс (Похильный, Виноградный, Собачки, Игрень и др.), что способствовало, в конечном счете, выделению не только отдельного устойчивого керамического типа, но и самостоятельного культурного явления или же самостоятельного хронологического звена в развитии степного энеолита, названного квитянским.

1.2. 50-60-е годы — появление термина

В.Н.Даниленко в поисках «памятников, характеризующих промежуточные звенья между памятниками типа Средний Стог и его аналогами и так называемыми древнеямными» тезисно предложил несколько таких звеньев, которые предшествовали, по его мнению, распространению шнуровой орнаментации на сосудах: 1 — тип Чигирин (в Поднепровье — от Тясьмина до Херсона, в бассейне Северского Донца — Миневский Яр), сложившийся на Среднем Днепре; 2 — тип Сунка (Правобережье южной части Киевщины); 3 — тип Осокоровка — Михайловка I (Даниленко 1955: 126-127). Несколькими годами позже В.Н.Даниленко подтвердил выделение первых двух звеньев в связи с раскопками поселения Молюхов Бугор, где исследователь предположил наличие трех стратиграфических горизонтов: нижний — неолитический; средний и верхний — медного века. Подтверждение необходимости выделения памятников типа Сунки, основой которого прежде служили отдельные находки сосудов (Сунка, Мокра Калыгирка, Веселый Кут), исследователь видел в материалах среднего горизонта поселения (Даниленко 1959: 16). А необходимость выделения более древнего звена той же культуры — памятников типа Чигирин — исследователь нашел в материалах из сборов керамики «чигиринского типа» на распаханном поселении в урочище Тетянчино, расположенного в 0,7 км выше по течению Тясьмина от поселения Молюхов Бугор, а так-

же в материалах верхнего горизонта последнего (Даниленко 1959: 16-17). Необходимо отметить, что среди рисунков трех сосудов типа Чигирин один принадлежал сосуду из погребения в балке Квитяной (Даниленко 1959: Рис. 2,2). Обобщая характеристику поселений Молюхов Бугор и Тетянчино, В.Н.Даниленко поставил вопрос о выделении в бассейне р.Тясьмин и на прилегающих территориях Поднепровья особой культуры — чигиринской (Даниленко 1959: 19). Но этот тезис не был развернут более детально, и осталось неясным, идет ли речь о тех памятниках, которые были отнесены к типу Чигирин, или же об обоих типах — Чигирин и Сунка. Остался неясным и вопрос, почему тип Чигирин назван более древним звеном, чем тип Сунка, но последний рассматривался в связи со средним горизонтом поселения, а первый — в связи с верхним. Или это лишь результат нечеткого изложения? С другой стороны, по представленным материалам возникли вопросы о правомерности отнесения тех или иных сосудов к типу Чигирин. Это относится к сосуду из Миневского Яра, к фрагментам сосудов из Тетянчино, а также к керамике из Молюхового Бугора, т.к. последние представляли несколько другой тип посуды. Это можно объяснить тем, что были еще мало известны материалы из раскопок на поселении Александрия, первая информация о котором вышла в 1959 году, но уже после статьи В.Н.Даниленко (Телегин 1959), а поселение Де-

реивка было только открыто в год публикации обеих статей.

Д.Я.Телегин в первой публикации о поселениях Александрия, выделяя две группы керамики из нижнего культурного слоя эпохи энеолита (верхний был определен как раннеямный), сравнил вторую группу керамики (пористую высокогорлую, с примесью ракушки) с керамикой поселений Средний Стог 2 и Молюхов Бугор, а также с одним сосудом из балки Квитяной. Со второй группой керамики был сопоставлен и сосуд из Миневского Яра (Телегин 1959: 16; 19).

В 60-х годах было исследовано несколько поселений с энеолитическими слоями, из которых можно выделить Дереевку на Днестре (1960-67 гг.), Раздольное на Кальмиусе (1963-65 гг.) и Ливенцовку I на Нижнем Дону (1962-64 гг.). Для поселения Дереевка Д.Я.Телегин не отмечал наличие керамики типа балки Квитяной (Телегин 1973: 48-52). На поселении Раздольное среди материалов энеолита (комплекс II) О.Г.Шапошникова, выделив три группы керамики, сравнила их, в целом, с памятниками типа Средний Стог 2, отметив при этом, что имеется в виду наиболее ранняя группа — балка Квитяна (Шапошникова 1970: 144-145). Что касается поселения Ливенцовка I, то С.Н.Братченко в нижнем энеолитическом слое выделил пять групп керамики, большинство из которых исследователь

весьма обтекаемо сопоставил с керамикой из островных поселений Днестра — Похильный и Виноградный, близких к культуре типа Средний Стог 2, а также отметил определенную близость с керамикой нижнего культурного слоя эпохи энеолита поселения Александрия (Братченко 1969: 212; 224-225)⁹.

Таким образом, в период 50-60-х гг. начало лишь намечается общее представление о керамике квитянского типа. Эти представления складывались в процессе разработки общих моделей развития так называемого доянного степного энеолита, первые варианты которых появились во второй половине 60-х гг. Так, В.Н.Даниленко, совершенствуя первоначальную схему, выступил с моделью двух линий развития степного энеолита, в которой квитянский период с двумя фазами — каспийско-днепровской и квитяно-чигиринской — представлял начало древнеямной линии развития (Даниленко 1969: 225). В разрабатываемой Д.Я.Телегиным модели среднестоговской культуры комплекс из балки Квитяной вместе с аналогичной керамикой был отнесен также к наиболее раннему этапу первого дошнурового периода развития среднестоговской культуры — Iа (Телегин 1969; Телегин 1970). Но более детально оба исследователя представили свои концепции в первой половине 70-х годов¹⁰.

1.3. 70-80-е годы — распространение термина

В концепции В.Н.Даниленко двух линий развития степного энеолита — древнеямной и азово-черноморской — для темы данного исследования важен анализ первой, в развитии которой исследователь выделил три периода, разделенных в общей сложности на десять фаз:

квитянский период — каспийско-днепровская и чигиринско-квитянская фазы;

среднестоговский период — бережновская, скелянская, стоговская и дереивская фазы;

михайловский период — репинско-рогачикская, михайловская II, михайловская III и «городцовская» фазы.

Выделение чигиринско-квитянской фазы было дальнейшим развитием идеи В.Н.Даниленко о существовании памятников типа Чигирин, представлявших в более ранней версии исследователя отдельное звено развития степного энеолита, входившего в предполагаемую локальную чигиринскую культуру в бассейне р.Тясмин. Теперь исследователь более четко обозначил культурное и хронологическое место этих памятников, отделив от них памятники типа Сунки и материалы Миневского Яра. Памятники типа Сунки он включил уже в следующий среднестоговский период, рассматривая их в качестве особого локального варианта памятников стоговской фазы на Среднем Днестре. Правда, этот вариант был представлен всего четырьмя памятниками: средним энеолитическим слоем

поселения Молюхов Бугор и тремя отдельными сосудами, предположительно, из разрушенных погребений — Сунка, Веселый Кут и Мокрая Кальгирка. При этом, В.Н.Даниленко отмечал близость этих сосудов к керамике чигиринско-квитянского типа, что «дало в свое время повод их не различать» (Даниленко 1974: 74-75). Исследователь указывает теперь на очевидное хронологическое отличие обоих типов памятников, а их сходство объясняет вероятным наличием генетических связей, которые могли возникнуть в процессе передвижения населения с чигиринско-квитянским типом культуры на Средний Днестр и в Днепро-Бугское междуречье, где, по мнению исследователя, намечается следующая последовательность развития локального варианта: Чигирин — Тетянчино — Сунка — Молюхов Бугор. Миграцию населения с чигиринско-квитянским типом культуры на север В.Н.Даниленко рассматривал как результат его вытеснения населением со стоговским типом культуры на этапе продвижения последнего в Надпорожье (Даниленко 1974: 75)¹¹. Керамику из Миневского Яра, которая ранее была отнесена к типу Чигирин, а также часть новых материалов из многослойного поселения Александрия и некоторые материалы из других многослойных поселений (о. Виноградный, Скеля-Каменоломня), В.Н.Даниленко включил уже в следующую, дереивскую, фазу среднестоговского периода, ука-

зывая на определяющую роль для такого вывода материалов поселения Деревка (Даниленко 1974: 75).

Что касается памятников чигирино-квитянской фазы, то, отделив от них указанные выше материалы, В.Н.Даниленко расширил характеристику этих памятников за счет материалов из более южных территорий — Нижний Днепр (Золотая Балка, Капуловка, Михайловка-погребение и др.), Приазовье и Южная Донеччина (Каменная Могила, Подгоровка, Раздольное и др.). Исследователь упоминает, кроме того, и другие материалы этой фазы развития: в Надпорожье и на Нижнем Днепре — стоянки на о. Демский, в балке Ключникова возле Вовнигского порога, на о. Виноградный и о. Похилый, в Леонтьевке; в Приазовье — находки из Новофилипповки и Новотроицкого¹²; на Донеччине — один из горизонтов поселения Александрия, материалы с поселений у г. Изюм — Изюм V, Яремовка и др. (Даниленко 1974: 63-64).

Для характеристики погребального обряда чигирино-квитянской фазы исследователь берет в качестве эталона комплекс из балки Квитяной. В целом им отмечается характерность для данной фазы скорченных погребений в грунтовых ямах или каменных ящиках, перекрытых каменными закладами, или расположенных в центре кромлехов. К погребальным комплексам чигирино-квитянской фазы были отнесены, кроме погребений в балке Квитяной, также следующие комплексы (Даниленко 1974: 64-66):

1 — каменные закладки над Вовнигскими порогами (балка Башмачка) из раскопок Е.Ф.Лагодской в 1946 году (по неясным причинам);

2 — два кромлеха с погребениями в каменных ящиках у с.Золотая Балка из раскопок О.Г.Шапошниковой в 1957 году, в одном из которых со скорченным на спине скелетом ребенка (кромлех 1) был найден фрагмент керамики у головы и медная гривна на шее);

3 — погребение под каменным закладом, со скорченным на спине скелетом взрослого человека, сопровождавшийся сосудом, в балке Майорка у с. Волошское, из раскопок А.В.Бодянского в 1958 году (полевая документация отсутствует);

4 — сосуд из района г. Чигирина, давший ранее название одноименному типу, предположительно из разрушенного погребения;

5 — могильник Капуловка, погр. 1 и 40 и фрагменты сосудов квитянского типа, найденные на площади могильника, а также под костями руки погр.5.

Эпицентром происхождения памятников квитянского типа В.Н.Даниленко рассматривал Восточное Приазовье и примыкающий к нему угол Прикаспия, откуда этот тип культуры и распространился в Поднепровье, где в результате начался процесс ассимиляции предшествующей азово-днепровской культуры (Даниленко 1974: 66).

Д.Я.Телегин, после изложения общей концепции развития среднестоговской культуры (Телегин 1971), опубликовал более детальное монографическое исследование, где в рамках среднестоговской культуры были объединены те материалы, которые в модели В.Н.Даниленко представляли два первых периода древнеямной линии развития степного энеолита — квитянского и среднестоговского, с очень близким хронологическим распределением памятников, но не в виде отдельных последовательных фаз, а в рамках двух последовательных периодов, каждый из которых был дополнительно разделен на два этапа (Телегин 1973):

Период I — среднестоговский (волошский), дошнуровой:

этап а — Похилый, балка Квитяна, Чигирин, Майорка, Тетянчино¹³;

этап б — Средний Стог 2, Стрильча Скеля (с.Волошское), Кичкас.

Период II — дереивский, шнуровой;

этап а — Молюхов Бугор I, Деревка, Александрия III, Игрень;

этап б — Молюхов Бугор II, Константиновка¹⁴.

Как видно, материалы с керамикой типа балки Квитяной представляют наиболее ранний этап развития среднестоговской культуры, но они не выделены у Д.Я.Телегина в качестве особого явления, а представляют лишь отдельный тип керамики, объединенный с типом Майорка в майорско-квитянскую группу керамики класса А среднестоговской культуры, наряду с еще двумя другими группами керамики этого класса, т.е. пористой керамики с примесью ракушки в тесте¹⁵ — волошской (или собственно, среднестоговской) и дереивско-молюховской (Телегин 1973: 83-89; 100). Следует отметить, что выделение майорского типа керамики было явно ошибочным. Во всяком случае, сосуд из Майорки является ярким образцом керамики квитянского типа, но с несколько деформированной при обжиге одной из сторон верхней части сосуда, что и дало повод писать Д.Я.Телегину о бесшейности этого сосуда и выделяемого типа керамики в целом (Телегин 1973: 83). Поэтому вполне закономерно, что тип Майорка был объединен, в конечном итоге, с квитянским типом в одну группу¹⁶. Д.Я.Телегин отмечает следующие пункты, где встречена керамика майорского и квитянского типов (Телегин 1973: 83-84)¹⁷:

- Поднепровье, от г. Каховки до р. Тясмин — балка Квитяна, Тягинка, Майорка, Чигирин, Вовнигская стоянка, о. Малый Дубовый, Собачки, Веселый Кут, Мокра Калыгирка, Сунка;
- Приазовье — Раздольное.

При этом Д.Я.Телегин отмечает, что сосуды из Веселого Кута и Сунки близки к одной из форм керамики волошского (среднестоговского) типа, отличаясь от них прямыми венчиками и майорско-квитянским орнаментом (Телегин 1973: 85). В то же время, при описании дереивского типа

посуды, исследователь указывает на большую близость последней по форме и пропорциям к майорскому и квитянскому типам керамики, чем к волошской (среднепестовской) (Телегин 1973: 88). Деревский тип керамики представлен, кроме собственно Деревки, на поселениях Александрия, Молюхов Бугор, Тетянчино¹⁸, Миневский Яр и др.

Таким образом, рассматриваемые нами памятники к середине 70-х гг. прочно вошли в литературу в составе двух различных моделей развития степного энеолита. В модели В.Н.Даниленко они изначально рассматривались как определенное самостоятельное явление (первоначально — тип Чигирин, а затем чигирино-квитянская фаза), тогда как в модели Д.Я.Телегина эти памятники представляли лишь отдельную группу керамики — майорско-квитянскую¹⁹. Тем не менее, несмотря на принципиальные расхождения в подходах, включая и разногласия в оценке отдельных групп керамики и отдельных памятников, общая направленность обеих концепций была похожей, поскольку речь шла, в конечном итоге, о формировании древнейшей культуры. Практически идентичными были общие хронологические построения, в которых памятники квитянского типа занимали наиболее древние, исходные ступени развития²⁰.

Но если мы углубимся в анализ, то увидим полное отсутствие аргументации для такого вывода. У В.Н.Даниленко исходным пунктом являлся тезис о древности памятников типа Чигирин и Сунка, которые предшествовали распространению шнуровой орнаментации (Даниленко 1955: 126-127). В монографическом исследовании древность чигирино-квитянской фазы не подкреплялась конкретными доказательствами, зато хорошо вписывалась в построенную исследователем последовательность периодов и фаз, с общими рассуждениями о появлении сосудов со стянутым верхом, но не более того (Даниленко 1974: 66).

Д.Я.Телегин построил периодизацию памятников выделяемой им среднепестовской культуры также в зависимости от наличия или отсутствия гусеничной и шнуровой орнаментации, добавляя к ним изменения форм и мотивов орнаментации. Поэтому, отмечая отсутствие гусенички и шнура на керамике майорского и квитянского типа, исследователь поместил оба типа в основание своей периодизационной схемы (Телегин 1973: 119-123). С методической точки зрения, переход от дошнурового к шнуровому периоду можно рассматривать как тенденцию, но не как доказательство отнесения тех или иных памятников, а тем более отдельных находок, к определенному периоду. Например, в соответствии с находками импортов Триполья В2/С1, поселение Молюхов Бугор не уступает в древности Деревке, хотя процент шнуровой орна-

ментации здесь многократно выше²¹. Интересно, что оба исследователя периодически путали керамику квитянского типа с керамикой деревского типа и типа Сунка (у В.Н.Даниленко), что объяснялось, в частности, их культурной преемственностью. Это достаточно ясно выражено у В.Н.Даниленко в форме выстроенной им линии развития для Среднего Поднепровья: Чигирин — Тетянчино — Сунка — Молюхов Бугор, хотя второй и последний пункты представляют деревский тип керамики у Д.Я.Телегина. Д.Я.Телегин так и не уточнил близость майорско-квитянской группы керамики к деревскому типу, и можно лишь догадываться из общей концепции развития среднепестовской культуры, что эта близость связана с преемственностью дошнурового и шнурового периодов ее развития, хотя между деревским этапом (IIa) и квитянским (Ia) находился еще один среднепестовский этап (Iб) с совершенно иным типом керамики.

Что касается погребального обряда, связанного с квитянским типом керамики, то эта проблема осталась вообще открытой. Д.Я.Телегин не уделил особого внимания этому вопросу, а комплекс из балки Квитяной был упомянут лишь в общем контексте характеристики обряда среднепестовской культуры (Телегин 1973: 102-115). Но уже тогда бросалось в глаза резкое отличие обряда погребения 3 от очень прочных традиций, со стандартным и устойчивым положением умерших в погребениях всех известных к тому времени «среднепестовских» могильников, в которых ни один скелет не находился в сильно скорченном положении на боку, тем более с предполагаемой позицией рук кистями перед лицом. В.Н.Даниленко, хотя и писал о характерности скорченного положения для погребального обряда чигирино-квитянской фазы, но по отмеченным исследователем нескольким погребениям дать достоверную характеристику было невозможно²².

Модель среднепестовской культуры Д.Я.Телегина приобрела значительно большую популярность, чем модель В.Н.Даниленко. Это привело к тому, что памятники с керамикой квитянского типа оказались в тени всепоглотившей среднепестовской культуры. Исследователи не обращали особого внимания на памятники с квитянской керамикой в качестве самостоятельного явления. Кроме того, несмотря на то, что хронологическое положение памятников с керамикой квитянского типа не было надежно установлено, их гипотетическая глубокая древность стала, в силу непонятных причин, аксиомой²³. Подобная неопределенность хронологического положения памятников с керамикой квитянского типа сказывалась в других обобщающих исследованиях. Ярким примером могут служить работы О.Г.Шапошниковой. Кратко изложенная этой исследовательницей схема развития средне-

стоговской культуры очень близка моделям В.Н.Даниленко и Д.Я.Телегина. В ней выделяется три последовательных периода (Шапошникова 1987: 6-9):

1 — ранний, квитянский:

Поднепровье — Леонтьевка, Золотая Балка, Майорка, о.Демский, Виноградный, Похилый; Приазовье — Раздольное;

Подонье — Бессергеновка;

2 — средний, стоговский: Средний Стог, Стрильча Скеля, Кодачек;

3 — поздний, дереивский: Дереевка, Молюхов Бугор.

Квитянский период в этой схеме синхронизируется с хвалынской культурой Поволжья и с концом раннего Триполья. Относительно погребального обряда этого периода О.Г.Шапошникова отмечает наличие грунтовых могильников под каменными захоронениями, а в конце периода — появление подкурганых погребений, в частности, в Орельско-Самарском междуречье, с вытянутым обрядом, сопровождавшийся керамикой квитянского типа (Шапошникова 1987: 6-

7). Используя такую схему развития среднестоговской культуры, О.Г.Шапошникова строит периодизацию памятников нижнемихайловского типа, выделяя в развитии последних два периода — ранний, ливенцовский и поздний, михайловский (Шапошникова 1985: 324; 1987: 12-14). Поскольку, по мнению О.Г.Шапошниковой, керамика ливенцовского периода встречается на поселениях вместе с керамикой квитянского типа (поселение Раздольное и др.), то это свидетельствует о синхронности ранних этапов обеих культур (Шапошникова 1985: 325; 1987: 12)²⁴. Другие доказательства отсутствуют, а следовательно, ранняя хронология памятников нижнемихайловского типа в схеме О.Г.Шапошниковой осталась без серьезной аргументации, точно так же, как и сам термин «ливенцовский период», так как оказалось, что материалы этого слоя поселения Ливенцовка на Нижнем Дону, во всяком случае, часть из них, имеют, без сомнения, соответствия в значительно более поздней местной константиновской культуре (Кияшко 1994: 24-25; 79-80)²⁵.

2. Современное состояние проблемы

2.1. «Вытянутые» подкурганые энеолитические погребения — основные концепции

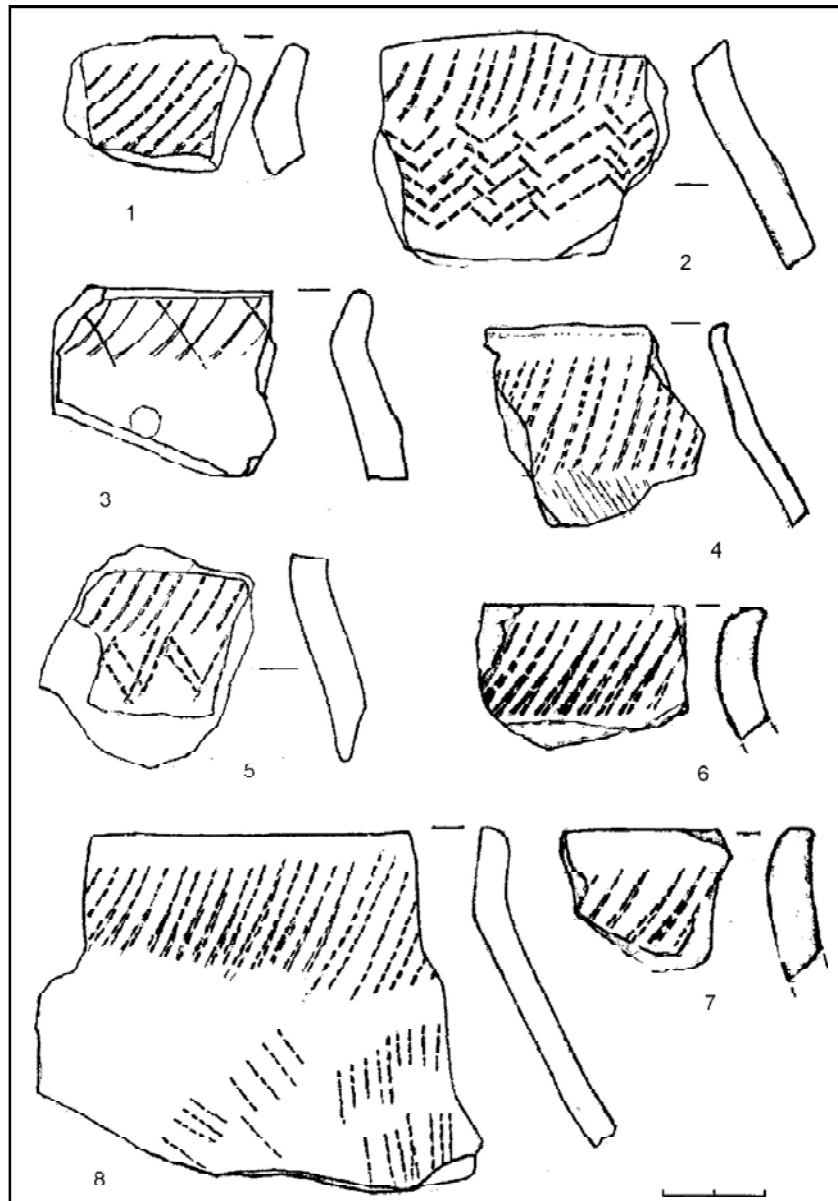
Особый импульс в процессе выяснения характера памятников с керамикой квитянского типа на современном этапе их изучения дали так называемые «вытянутые» энеолитические погребения, систематическое изучение и новые попытки интерпретации которых начались в начале 70-х гг., после выхода статьи Л.П.Крыловой (Крилова 1971). В этой работе, на основании новой серии «вытянутых» погребений (около 25) из раскопок курганов на Правобережье и Левобережье Днепра во второй пол. 60-х гг., была выделена самостоятельная «энеолитическая культурная группа племен доямного времени», названная ингулецкой по первому, по мнению Л.П.Крыловой, месту их обнаружения на р. Ингулец (Крилова 1971: 29-31). Прошло почти десятилетие, когда на новых, более многочисленных материалах из раскопок в Орельско-Самарском междуречье И.Ф.Ковалева, развивая, по существу, идею Л.П.Крыловой, предложила выделить «постмариупольскую» культуру, генезис которой рассматривается исследовательницей исключительно в русле концепции В.Н.Даниленко, как явление, возникшее в результате деструкции культур мариупольского типа, в частности, азово-днепровской культуры (Ковалева 1979: 69; 1980б; 1984: 50-53; 1990: 41-42; 1991: 36).

Два противоположных по содержанию взгляда на проблему «вытянутых» погребений изложил Д.Я.Телегин (Телегин 1987; 1999). В первой из статей исследователь, прежде всего по отношению к позиции И.Ф.Ковалевой, полностью

отрицал «гомогенность» группы «вытянутых» погребений и ставил под сомнение предложенную для них хронологию и культурную атрибуцию (Телегин 1987: 19; 26-28). Позиция Д.Я.Телегина сводилась к тому, что на основании находок керамики «вытянутые» погребения относятся не к самостоятельной новой «постмариупольской» культуре, а, по меньшей мере, к трем уже известным культурам — среднестоговской, ямной и нижнемихайловской, для которых был характерен как скорченный, так и вытянутый обряд труположения (Телегин 1987: 26). Что касается хронологической позиции данных погребальных памятников, то, по мнению исследователя, она не ограничена узкими рамками, поскольку вытянутый обряд существовал параллельно со скорченным в течении длительного времени — в доямный, ямный и катакомбный периоды (Телегин 1987: 23). Собственно, вытянутый обряд он рассматривал как реликт старых традиций охотников и рыболовов северных областей Евразии, а его длительное существование наряду со скорченным обрядом — как противоборство двух религиозных традиций, характерных, с одной стороны, остаткам охотников и рыболовов северных областей Евразии, с другой — более передовым земледельческо-скотоводческим племенам (Телегин 1987: 28).

Вторую статью Д.Я.Телегина можно рассматривать как полную противоположность первой (Телегин 1999), что можно объяснить не столько появлением принципиально новых материалов, которые так сильно повлияли на взгляды исследователя, сколько попыткой сохранить в неизменен-

Рис. 3. Керамика квитянского типа: 1, 2 — с. Кичкас (1927); 3 — с. Кут, шурф 2 (раскопки: Березовец Д. Т., 1951); 4 — Серогозская балка III (разведки Каховская экспедиция ИА НАНУ, 1970); 5 — с. Капуловка, могильник, кв. 10, погр. 5 (1962); 6-7 — с. Раздольное, траншеи 2 и 3, гл. 1, 5 м (1965); 8 — о-в Виноградный (А. Добровольский, 1929-30).

ном виде устаревшую модель среднестоговской культуры. Это является, несомненно, реакцией на те работы последних лет, в которых были сделаны попытки поставить под сомнение и пересмотреть эту модель (Рассамакин, Будников 1993: 135-137; Рассамакин 1993: 9; 1994; Rassaмакин 1994; 1997). Суть новой позиции Д.Я.Телегина заключена в простом принятии и повторении концепции И.Ф.Ковалевой. Исследователь теперь не сомневается в существовании гомогенной и многочисленной постмариупольской группы, генетической основой которой были памятники днепро-донецкой общности, без уточнения последних (Телегин 1999: 62; 65). Есть, правда, одно существенное и принципиальное, на мой взгляд, отличие от позиции И.Ф.Ковалевой. Исследователь не считает керамику из тризн принадлежностью «вытянутых» погребений, хотя, по его предположению, возможно, ее нахождение на древнем горизонте под курганами указывает на

синхронность и влияния среднестоговской культуры (Телегин 1999: 67).

«Вытянутые» погребения длительное время изучает и автор данной статьи, первая тезисная публикация которого была посвящена небольшой группе «вытянутых» погребений из раскопок Верхнетарасовской экспедиции на Правобережье Днепра, рассмотренная тогда в рамках памятников нижнемихайловского типа (Рассамакин 1979)²⁶. Но выход на более широкий круг энеолитических погребальных памятников Поднепровья, Приазовья, Побужья, Подонцовья, Днестро-Бугского междуречья и сложности в их интерпретации на основании концепций В.Н.Даниленко и Д.Я.Телегина, заставили искать другие пути решения проблемы (Рассамакин 1981; 1987а: 37-42; 1987б; 1987в; 1989; 1990: 89-74). В конечном результате, было избрано два направления: первое — создание общей

классификации погребальных памятников степного энеолита и выделение основных обрядовых традиций, где «вытянутые» погребения занимали одну из наиболее многочисленных групп памятников (Рассамакин 1993; Levine, Rassamakin et al. 1999: 73, Fig.3.4); второе — сопоставление этих обрядовых традиций с бытовыми памятниками, что позволило предло-

жить предварительный вариант новой модели развития энеолитических культур, в которой «вытянутые» погребения вместе с керамикой квиянского типа были объединены в рамках квиянской культуры (Рассамакин 1994; 1997; Rassamakin 1996: 31-47; Levine, Rassamakin et al. 1999: 75-97), что вызвало неоднозначную реакцию исследователей.

2.2. «Вытянутые» погребения и керамика квиянского типа из тризн

При оценке места «вытянутых» погребений в системе энеолитических культур понтийских степей одно из важнейших значений действительно имеет керамика из тризн. Этой точки зрения придерживается и И.Ф.Ковалева, которая рассматривает эту керамику не только в качестве одной из характерных черт выделяемой «постмариупольской» культуры, но и одним из главных факторов происхождения последней. Но хотелось бы отметить некоторую противоречивость характеристики этой керамики в работах И.Ф.Ковалевой. Например, в ряде статей указывается, что в отличие от сосудов в погребениях, «в тех случаях, когда керамика найдена в составе тризны, сосуды отличает единство

технологии и приемов орнаментации при неизменности формы округло- или остродонного горшка с желобчатым перегибом в основании отведенного наружу венчика, часто с внутренним утолщением по срезу последнего» (Ковалева 1979: 67; см. также Ковалева 1980: 45; 1990: 42)²⁷. В других работах указывается уже, что общим элементом для этой керамики являются примесь раковины и отсутствие шнура, а в остальном существует сильная вариабельность в оформлении венчика и профилированности корпуса (Ковалева 1984: 26). Но в целом, в силу приверженности концепции ямной линии развития В.Н.Даниленко, И.Ф.Ковалева указывает на типологическую близость керамики из тризн

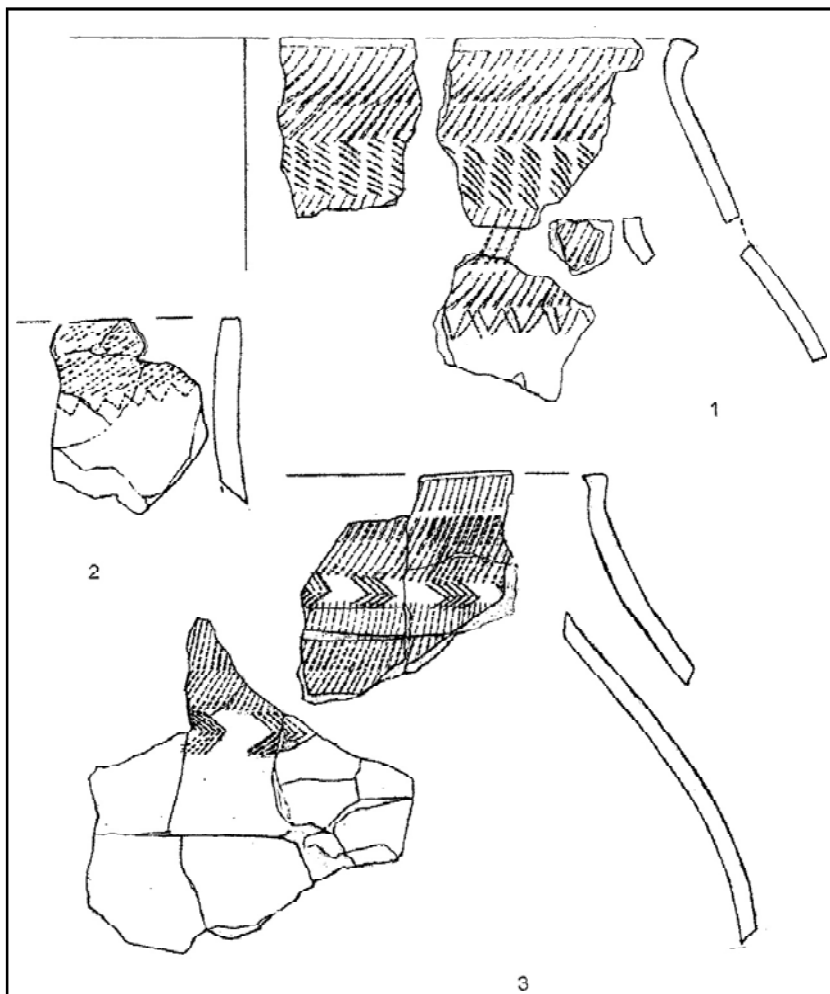

Рис.4. Керамика квиянского типа (тризны в курганах): 1 — с. Кичкас II, кург.5 (1928 г.); 2 — с. Зимогорье, 2/2-3; с. Вильногрушевка, кург.2.

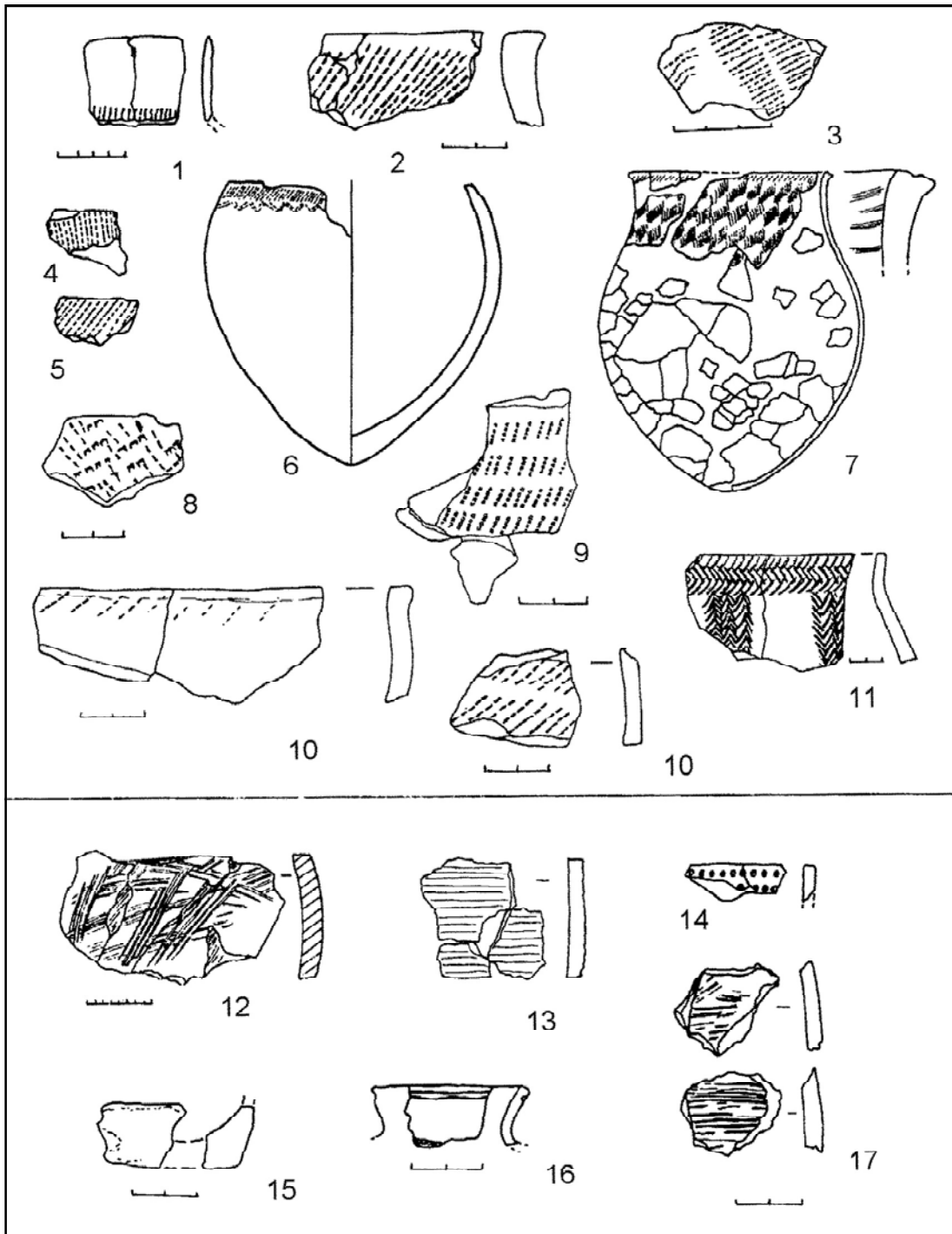

Рис.5. Керамика квитянского типа (тризны в курганах): 1 — с. Булаховка III, 1/1 (по Ковалева 1979); 2 — с. Спасское XI, 3/14 (по Ковалева 1980); 3 — с. Верхняя Маевка XVIII, 2/6 (по Ковалева 1980); 4, 5 — с. Бузовка III, 4/5 (по Марина, Костенко, Никитин 1981); 6 — с. Бузовка XXIV, 1/3 (по Ковалева 1984); 7 — с. Новоалександровка I, 6/16 (по Ковалева 1991); 8 — с. Золотая Балка, кромлех 1, погребение (прорисовка по фотографии в альбоме отчета: Шапошникова та ін. 1957, табл.XI,1); 9-10 — г. Никополь, 2/4 (прорисовки фотографий в альбоме отчета: Чурилова, Нор 1989, табл. XXV, 2-4); 11 — с. Михайловка, разрушенное погребение (?) (прорисовка фотографии в альбоме отчета: Шапошникова та ін., 1957, табл.XI,5,6); 12 — с. Васильевка, 2/11; 13 — с. Верхняя Маевка XIV, 1/6 (по Ковалева 1980); 14 — с. Верхняя Тарасовка, 59/21; 15 — с. Михайловка, 2/3 (по Самар 1992); 16 — хут. Ливенцовка, 1/8 (по Братченко 1976, табл.VII,6); 17 — с. Куйбышево, 1/11 (по Кравец, Посредников 1990, рис.1,в-д).

сосудам раннего этапа азово-днепровской культуры Надпорожья (Ковалева 1984: 52; 1990: 42) и видит аналогии ей в энеолитических слоях островов Похилый, Виноградный и др. (Ковалева 1979: 67; 1980: 45; 1990: 42)²⁸. Особенно выразителен сосуд из Новоалександровки, который не только находит прямые соответствия керамике из тризн других «вытянутых» погребений, но и указывает, по мнению И.Ф.Ковалевой, на основании доквитянского S-видного профиля в сочетании с гребенчатой орнаментацией квитянского типа на доквитянское или раннеквитянское время (Ковалева 1991: 35-36). Подобная трактовка вполне созвучна позиции исследовательницы о генезисе выделяемой ей постмариупольской культуры, достаточно жестко подгоняемой к схеме В.Н.Даниленко. К сожалению, цитирование последнего, а не критический анализ его модели, стало неоднократно использоваться в качестве веского научного аргумента, хотя в работе В.Н.Даниленко много ошибочно трактуемых источников, включая и керамику с островных поселений. В редких случаях И.Ф.Ковалева прямо пишет о близости, и тем более об идентичности керамики из тризн керамике квитянского типа, в частности, это можно видеть в отношении к сосуду из Бузовки XXIV, 1/3 (Ковалева 1984: 27). В лучшем случае отмечается частичная сопоставимость с керамикой дошнурового этапа среднестоговской культуры по модели Д.Я.Телегина (Ковалева 1983: 22; 1984: 47). Но, судя по последним работам, И.Ф.Ковалева вообще отрицает близость керамики из тризн керамике квитянского типа (Ковалева 1998: 58-60), что совершенно неправомочно.

В отличие от И.Ф.Ковалевой, Д.Я.Телегин вообще не придал важного значения керамике из тризн. В первой работе он назвал большинство сосудов дереивскими, в частности из Зимогорья 2/3, Булаховки III, 1/1, Спасского XI, 3/14, Вильногрушевки и др., используя это для отнесения части погребений к позднему этапу среднестоговской культуры (Телегин 1987: 24). В настоящий момент его позиция мало изменилась. Исследователь, с одной стороны, высказывает сомнения в прямой связи этой керамики, которую, правда, он называет теперь квитянской типологической группой среднестоговской посуды, с «вытянутыми» погребениями в курганах, а с другой стороны, ее нахождение под насыпью, на древнем горизонте, рассматривает как возможную синхронность постмариупольской культуры со среднестоговской, «хотя сам факт такого сосуществования еще требует объяснения» (Телегин 1999: 65; 67). Следовательно, это можно интерпретировать и как признание того факта, что керамика квитянского типа все же связана с основными «квитянскими» погребениями? Кроме того, сомнения в принадлежности керамики из тризн «вытянутым» погребениям совсем не согласуются с безоговорочным признанием Д.Я.Телегиным постмариупольской

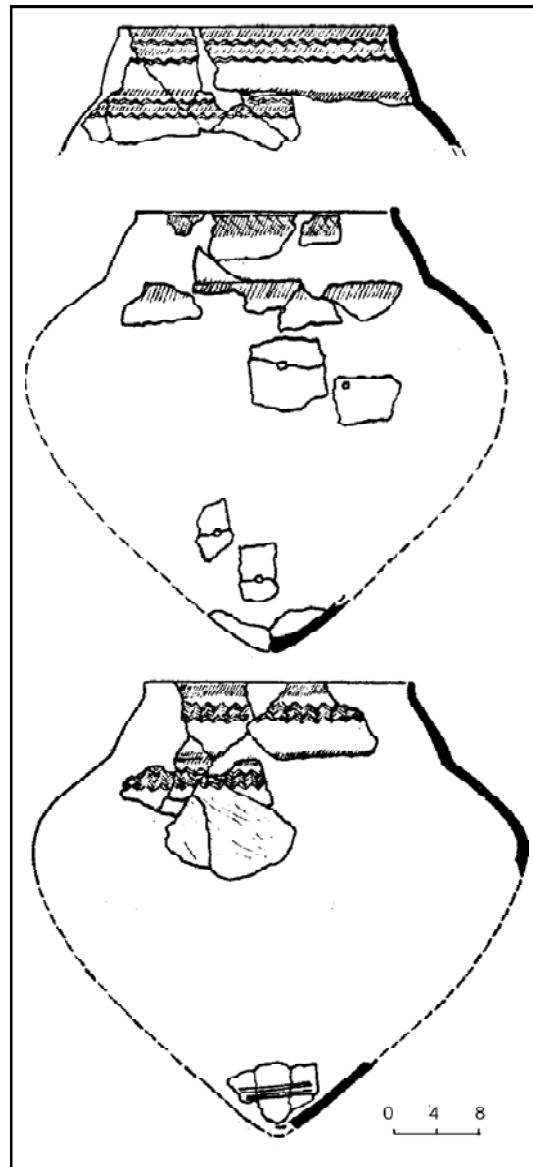
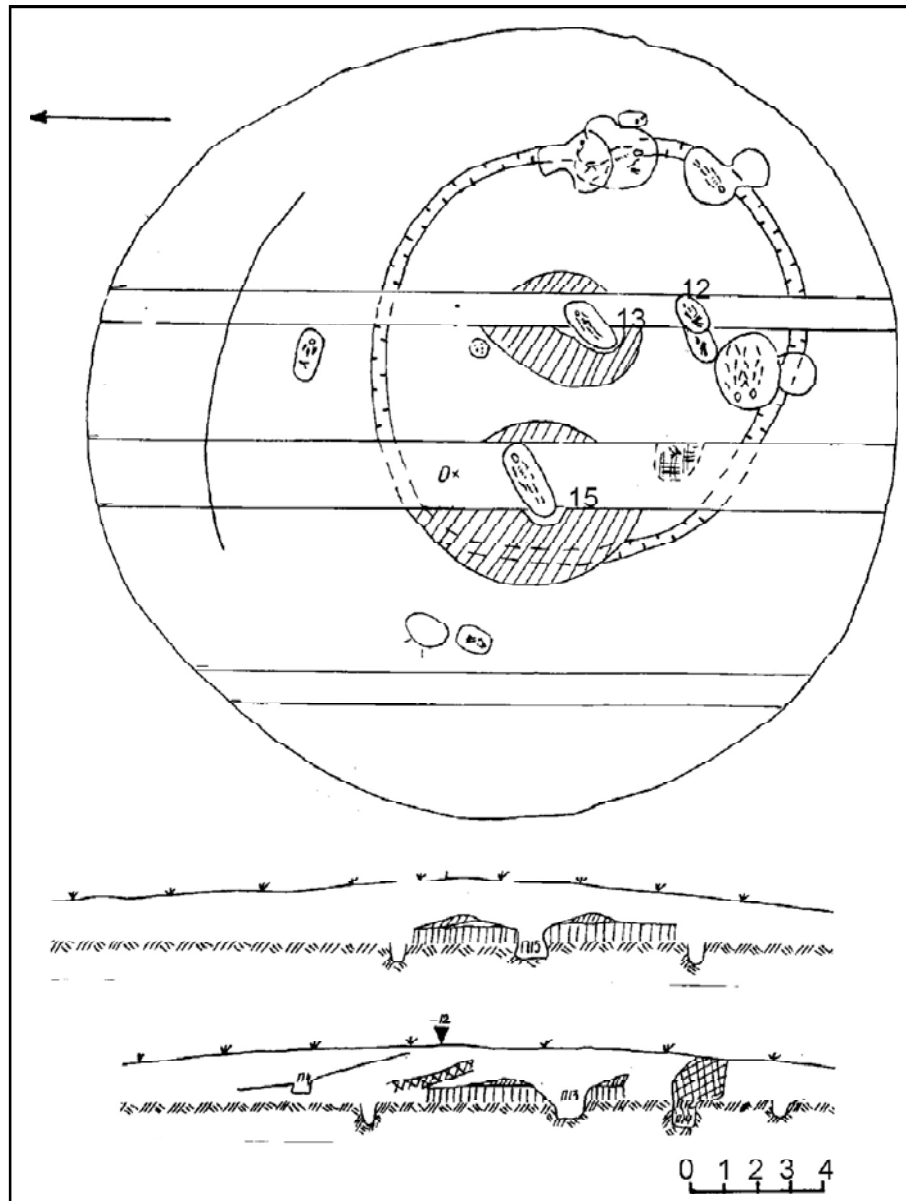

Рис.6. Керамика квитянского типа (тризна в кургане): с. Пидлужне, курган 1 «Цегельня» (по Шилову и др. 1992).

культуры по И.Ф.Ковалевой, поскольку именно эта керамика играет важную роль в концепции последней. Отрицание же того факта, что керамика в тризнах не связана с погребениями, свидетельствует о недостаточно хорошем знании источников (см. к этому, например, Ковалева 1984: 26). Но здесь нужно отметить, что первоначально находки отдельных фрагментов в заполнении или вблизи погребений не давали полной уверенности в их прямой связи с погребениями. Постепенно материалы увеличивались и устанавливалось более надежно единство комплексов, тем более что тризна как черта общего ритуала для «вытянутых» погребений становилась все очевиднее. Косвенно, такая постановка вопроса подтверждалась и тем, что для энеолитических погребений другой выделяемой мной группы (III A и B), тризна также яв-

Рис.7. г. Каменка-Днепровская. Общий план и профили бровок кургана 8.

лялась характерной чертой, но с керамикой, близкой посуде нижнего слоя Михайловки (Рассамакин 1990; 1993а; Плешивенко, Рассамакин 1994). В целом, наличие тризн для энеолитических комплексов в курганах вообще можно считать характерной чертой ритуала, в отличие, например, от более поздней ямной культуры. Для данной статьи я специально свел в одну таблицу известные мне находки керамики квитянского типа и неопределенных точно фрагментов в курганах при основных «вытянутых» погребениях, а также под курганными насыпями с неопределенными или незафиксированными погребениями (таблица 1) (рис.4-6). Не отрицая возможности случайного попадания керамики в отдельных случаях, тем не менее, исходя из контекста нахождения керамики, можно говорить о нескольких важных выводах:

а) керамика из тризн является частью погребального ритуала, включая также отдельные

находки фрагментов в заполнении ям, на древнем горизонте или в погребальных конструкциях (кромлех, ров);

б) устанавливается очевидное преобладание керамики квитянского типа в тризнах при основных «вытянутых» погребениях, которые совпадают с основной зоной концентрации последних, составляя ядро культуры;

в) в тех случаях, где тип керамики надежно не определен в силу отсутствия орнамента или профиля, качественная характеристика фрагментов не противоречит их возможной принадлежности к квитянскому типу;

г) в тех случаях, где не определено точно положение скелета или не зафиксировано основное погребение, параметры погребальных сооружений или контекст находок, характер памятника, а также его географическое положение не противоречат возможной первоначальной связи этих памятников с разрушенными или

Таблица 1. Керамика из тризн и фрагменты сосудов из погребений.

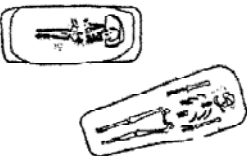

№	Пункт	Кург./ погр.	Обряд	Инвентарь погребения	Условия находки керамики
1	с. Зимогорье, Славяносерб. р-н, Луганская обл., р. Лугань.	2/2-3		15 каменных (?) кольцевых и цилиндрических бус, медное кольцо и полоска, кремн. нуклеус вторичного использования.	Фрагменты керамики с примесью ракушки среди плах кольцевой конструкции и крупный фрагмент между плахами перекрытия - плавно выгнутая горловина большого сосуда, с отбитым краем венчика. Поверхность ярко-желтого цвета, в изломе чернеет трехцветный - желто-черно-желтый, с большой примесью ракушки. В верхней части, под венчиком, нанесен орнамент из нескольких рядов кося поставленных оттисков мелкого гребенчатого штампа, которые заканчиваются вглубь зигзагом из такого же штампа. Размеры фрагмента 7,5 x 6,0 см (Рис.4,2).
2	с. Васильевка, Старобешевск. р-н, Донецкая обл., р. Кальмиус.	2/11		Нет	В пределах кострища I, у плиты кромлеха, и рядом найдены фрагменты стенок крупного лепного сосуда с глубокими расчесами на поверхности, обильной примесью ракушки. Венчик и фрагменты с орнаментом не представлены (Рис.5,12).
3	с. Куйбышево, Володарский р-н, Донецкая обл.	1/11		Нет	В насыпи - кремневые изделия и фрагменты керамики с примесью раковины и глубокими расчесами на поверхности.
4	г. Орехов, Запорожская обл., р. Конка.	1А/33,34, 35, 1Б/6, 8		В основных погребениях найдены створки „Ulio“, кремневые орудия, медные пронизи и обоймы.	Фрагмент с примесью раковин в заполнении погр. 33.
5	с. Новопилиповка Аккермень I, Мелитопольск. р-н, Запорожская обл., р. Молочная.	13/3, 4, 5, 6, 7		Погр.3 - сосуд, кремневое орудие; Погр.7 - медные (?) скобы и пронизи.	На чертеже погр. 4, в ногах одного скелета, отмечен фрагмент керамики без описания.
6	с. Терпенье, Мелитопольск. р-н, Запорожская обл., р. Молочная.	Кург./2	Отсутствует графическая информация.	Сосуд из песчанистой глины, оvoidной формы с невысоким отогнутым венчиком.	Рядом с погребением, вместе с остатками кострища и жертвенной ямкой с остатками сожжения и костями животных - фрагменты с обильной примесью ракушки и мелкозубчатым орнаментом.
7	с. Виноградное, Токмакский р-н, Запорожская обл., р. Молочная.	3/41		Мелкие кольцевые бусы из гагата (?) и раковин, костяные фигурные пронизи с боковыми вырезами.	Мелкий фрагмент тонкостенного сосуда, с обильной примесью ракушки, с хорошо заглаженной поверхностью черного цвета.

Таблица 1. Керамика из тризн и фрагменты сосудов из погребений (продолжение).

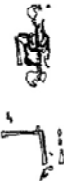
8	Там же.	14/2		Поделки из створок „Улю“, округлый керамический окатыш.	В северной части рва, на дне, найдены фрагменты рога и трубчатых костей животных, мелкие кремневые ошпы и два фрагмента стенок толстостенного сосуда с заглаженной внешней поверхностью и со следами глубоких расчесов на внутренней. Тесто с обильной примесью ракушки. Размер большого фрагмента 3,5 x 4 см, толщина стенки 0,8 - 1 см.
9	г. Каменка – Днепроовская. Запорожская обл., р. Белозерка.	14/2	См. публикацию в данной статье, рис.13.	Каменный молоток – наваршне, медные трубчатые проиизи.	
10	Там же	11/18	См. публикацию в данной статье, рис.10.	Нет	
11	с. Богдановка I, Павлоградский р-н, Днепропетровск. обл., р. Самара.	3/34		Нет	В погребении найдены два невыразительных фрагмента керамики.
12	С. Булаховка III, Павлоградский р-н, Днепропетровск. обл., р. Самара.	1/1		Нет	В засыпке ямы, выше черепа, найден фрагмент венчика высокогорлого сосуда с раковинно-песчанистой примесью. Край венчика сточен, а в основании горла прослеживалась верхняя часть орнамента из вертикально поставленных оттисков мелкозубчатого штампа. Высота фрагмента 5 см (Рис. 5.1).
13	о. Самарский. Новомосковский р-н, Днепропетровск. обл., р. Самара.	2/6. 10. 1, 4, 5, 7		Нет	В погр.6, на уровне кисти правой руки, у стенки ямы, найден фрагмент стенки лепного сосуда с обильной примесью ракушки в глине. Внешняя поверхность подлощена, на внутренней – следы расчесов. В погр.10, в верхнем уровне захоронения ямы, найдены фрагменты от двух разных по массе сосудов: привенчиковая часть слабо профилированного лепного сосуда с раковинной примесью в глине. Обе поверхности сглажены, а верхняя подлощена; фрагмент стенки лепного сосуда с раковинно-растительными примесями, с расчесами на внешней поверхности (рисунков нет).
14	С. Спаское XI. Новомосковский р-н, Днепропетровск. обл., р. Кильчесь.	3/14		Нет	Слева от черепа, в пятне ярко-красной охры, найден фрагмент венчика лепного сосуда с примесью ракушки, и маслянистой на ощупь поверхностью. Край ровно орезанного венчика имеет с внешней стороны слегка выступающую закраину за счет нанесенных ниже косых оттисков мелкозубчатого длинного штампа (Рис.5.2).

Таблица 1. Керамика из тризн и фрагменты сосудов из погребений
(продолжение).

15	с. Верхняя Маевка, XIV, Днепропетровск. р-н, Днепропетровск. обл., р. Кильчень.	1/6, 9, 10, 11, 16		<p>Погр. 6 – костяные проколки, медные пронизи, тальковая подвеска, кремневые орудия; Погр. 16 – медное (?) шило, кремневое орудие и сосуд, с невысоким отогнутым венчиком, слабо выраженными плечиками, с примесью раковины. Внешняя поверхность светло-серого цвета, подлощена; внутренняя - со следами сглаживания. Высота 12 см, диаметр 9 см. (см. Табл.2, №7 и Рис.14,7).</p>	<p>Фрагмент стенки на бревне кромлеха и в ногах погр. 6, в пятые охры вместе с кремневым орудием - мелкие фрагменты тонкостенного лепного сосуда с обильной примесью ракушки, со сглаженной, слегка подлощенной внешней поверхностью и с расчесами зубчатым инструментом на внутренней (Рис.5,13).</p>
16	Там же, XVIII	2/6		Кремневое орудие	<p>Версия отчета и первой публикации (1977): в 3,9 м к ЮЗ от центра, на гл. 0,45 м от 0, найден фрагмент верхней части лепного сосуда, с поверхностью юрпичного цвета и с обильной примесью ракушки в тесте. У основания желобчатого венчика размещены две параллельных прочерченных линии, и от нижней из них, на тулово, спускаются часто набегающие косые короткие черточки. В публикации 1980 г. – фрагмент стенки с мелким гребенчатым штампом (Рис.5,3).</p>
17	Бузовья III, Магдалиновский р-н, Днепропетровск. обл., р. Орель	2/6		Нет	<p>В восточном секторе рва обнаружен фрагмент сосуда с примесью раковины, с заглаженной внешней поверхностью и с мелкими расчесами на внутренней</p>
18	Там же	4/5		Медные трубчатые пронизи.	<p>В кювете, вблизи погребения, к юго-востоку от него, найдены фрагменты керамики с обильной примесью раковин. Одна часть представлена мелкими фрагментами от стенок, внутренняя поверхность покрыта слоем нагара, внешняя - мелкими расчесами. Другие фрагменты - от привенчиковой части, указывающие на отогнутость венчика, и от придонной заостренной. На нескольких фрагментах нанесен орнамент из косо поставленных оттисков мелкозубчатой гребенки (Рис. 5,4,5).</p>
19	Там же, XXIV	1/3		Нет	<p>В 5 м к западу от центра, на древнем горизонте - развал большого лепного сосуда с отбитой в древности шейкой</p>

Таблица 1. Керамика из тризн и фрагменты сосудов из погребений (продолжение).

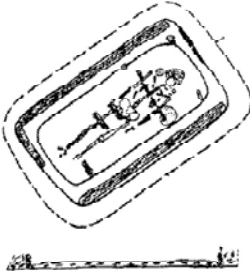

					и венчиком. Плечики округлены, с максимальным диаметром на середине тулова, переходит в округло-приостренное дно. В глине примесь крупнодробленой ракушки, поверхности обработаны мелкими круговыми расчесами. На плечиках, при переходе к горловине, нанесен орнамент из косых оттисков мелкозубчатого штампа, завершающегося зигзагом. Сохранившаяся высота 57 см, диаметр 37 см (Рис. 5,6).
20	с. Ново-Александровка I, Солонянский р-н Днепропетровск. обл., р. Мокрая Сура.	6/16		Кремневое орудие, ожерелье из осмий (?).	В пределах кромлеха, в северо-восточной части на древнем горизонте, лежал развал сосуда – лепной округлодонный, больших размеров, с высокой плавной изогнутой горловиной и утолщенным по краю плоско срезанным венчиком. За счет утолщения венчик имеет ярко выраженный желобок по поверхности. Поверхность светло-серого цвета, с внешней стороны слегка подлощена, с внутренней обработана горизонтальными расчесами. В глине обильная примесь ракушки. Верхняя часть украшена орнаментом, нанесенным мелкозубчатым штампом, образуя группы из косых оттисков, расположенных рядами, в шахматном порядке. Под венчиком нанесен один ряд реже расположенных косых оттисков. Высота сосуда 54 см, диаметр венчика 34,5 см (Рис. 5,7).
21	с. Новая Мир I, Томаковский р-н Днепропетровск. обл., р. Томаковка	2В/11		Нет	С погребением связана находка на древнем горизонте мелких фрагментов сосуда с примесью ракушки (но из описания неясно, в пределах кромлеха или за его границами).
22	пос. Солнечный, Запорожский р-н, Запорожская обл., р. Днепр.	1/ 16, 4, 6, 7		Погр. 7 – медные трубчатые пронизи.	В записи погр. 1, разрушенном погр. 16, найден фрагмент керамики с примесью ракушки, очевидно, происходящий от разбитого сосуда погр. 16
23	с. Верхняя Тарасовка, Томаковский р-н Днепропетровск. обл., р. Днепр.	59/21		Нет	Недалеко от ямы, на уровне древнего горизонта – фрагмент венчика сосуда с обильной примесью крупнотолченых ракушек. Пористый, желтого цвета, с внутренней стороны несколько вогнут и покрыта горизонтальными расчесами, а с внешней стороны украшен двумя рядами ямок.

Таблица 1. Керамика из тризн и фрагменты сосудов из погребений
(продолжение).

					Срез венчика ровный, горизонтальный. Длина фрагмента 5,5 см, высота 2 см (Рис.5,14).
24	с. Нагорное, Никопольский р-н, Днепропетровская обл., р. Солёная.	1/10		Нет	У черепа был найден мелкий фрагмент керамики черного цвета (подробного описания нет).
25	с. Михайловка - 1989, Нововоронцовский р-н, Херсонская обл., р. Днепр.	2/3		Нет	Справа от черепа найден фрагмент придонной части лепного сосуда, который указывает на уплощенность дна. Поверхность темно-желтого цвета, на внутренней поверхности следы заглаживания, тесто слоистое, с примесью ракушки. Размеры 2,4 x 2,3 см, толщина стенки 1,2 см (Рис.5,15).
26	с. Осокорювка, Нововоронцовский р-н, Херсонская обл., р. Днепр.	Раскоп III, кромлек	Нет данных.	Нет	Справа от костей обнаружен невыразительный фрагмент гладкой стенки сероглиняного сосуда с примесью ракушки в тесте.
27	с. Пидлужье, Кременчугский р-н, Полтавская обл., р. Псел.	1/1		Нет	В южной широкой части большого рва, с уровня древнего горизонта и ниже найдены кость животного и развалы четырех крупных остродонных сосудов с хорошо выраженными высокими плечиками и уступчатыми переходами от отогнутого венчика к слегка вздутому горлу и от горла к тулову. Орнамент украшал верхние части зонально, в местах переходов венчика в горло и горла в тулово. Он представлял собой зигзаговидные и косые ряды тонких оттисков мелкого длинного гребчатого штампа. На одном из сосудов у дна видны слабые отпечатки нескольких рядов шнура. Диаметры сосудов колеблются от 32 до 34 см (Рис. 6). В юго-западной части малого рва отмечены невыразительные обломки костей животных и керамика.
28	с. Холмское, Арцизский р-н, Одесская обл..	1/9		Кремневый отщеп.	У черепа собраны пять фрагментов от лепного красноглиняного сосуда из хорошо отмученой глины и от серой лепной керамики с примесью ракушки.
29	хут. Ливенцовка, Ростовская обл., р. Дон.	1/8		Нет	В кротовине найден фрагмент венчика, очевидно, от разрушенного сосуда. Поверхность залощена до блеска. Под краем венчика нанесены две прочерченные параллельные линии (Рис.5, 16).

Таблица 1. Керамика из тризн и фрагменты сосудов из погребений (продолжение).

30	с. Федоровна (балка Квитяна), Верхнехортицкий р-н, Запорожская обл., р. Днепр	Большая закладка, разруш. погр., и погр. 3	См. публикацию в данной статье, рис. 1 и 2.	Нет	Описание в части 1.1 данной статьи (Рис. 2, 2,3).
31	с. Кичкас II (современный г. Запорожье), р. Днепр	Кург. 5	Автору еще не удалось найти точную информацию в архивных материалах.	Кремневый наконечник стрелы (?).	Фрагменты верхней части крупного лепного сосуда, с отогнутым венчиком и слегка вздутой высокой горловиной, переходящей еле заметным уступом в округлые плечики. Край венчика ровно срезан и имеет незначительные закраины с обеих сторон. Поверхность серого цвета, закрашена, на внутренней – следы горизонтального гребенчатого сглаживания, в тесте – обильная раковина. Орнамент покрывает всю верхнюю часть и состоит из двойных рядов длинных отпечатков шагающей гребенки под венчиком и при переходе горловины в тулово, между которыми нанесены вертикальные ряды из аналогичных, но более коротких отпечатков. В нижней части орнаментальная зона завершается двойным зигзагом из тех же отпечатков тонкой гребенки. Диаметр венчика около 35-37 см (Рис 4.1)
32	с. Вильногрушевка Вильнянский р-н, Запорожская обл., р. Вильнянка	Кург. 2	Основное погребение не обнаружено.	Нет	К югу от центра, у края первой насыпи, найдены фрагменты двух сосудов. Несколько фрагментов одного из них обнаружены также в заполнениях погр.3 и 4. Первый – фрагменты верхней части и стенок крупного лепного сосуда. Округлые плечи небольшим, еле заметным переделом переходят в высокое, слегка сужающееся горло, которое также переделом переходит в венчик с ровно срезанным краем и четко выраженной внутренней закраиной. Поверхность серого цвета, со следами сглаживания гребенкой, в тесте примесь ракушки. Четкие горизонтальные ряды гребенчатого сглаживания видны в верхней части внутренней поверхности. Орнамент украшал верхнюю часть и был нанесен тонким длинным, слегка изогнутым гребенчатым глиняным. Он состоял из двух двойных рядов этих отпечатков, разделенных рядами, состоящими из групп горизонтальных елочных композиций, размещенных на одинаковом расстоянии одна от другой. Такой же ряд ограничивает всю орнаментальную зону снизу. Двойные ряды отпечатков

Таблица 1. Керамика из тризн и фрагменты сосудов из погребений
(продолжение).

					гребенки имеют зоны накладки один на другой, а в местах переломов профиля - пустые промежутки, так как оттиски в этих местах не достигли поверхности сосуда. Размеры не восстанавливаются. Фрагменты стенок второго сосуда, обнаруженные также в заполнениях погребений 3 и 4, серого цвета, заглажены. В тесте примесь толченой ракушки. Размеры наиболее крупных 5 x 5 см, 6 x 3 см и 5,5 x 5 см (Рис.4,3).
33	с. Богуслав I, Павлоградский р-н, Днепропетровская обл., р. Самара	23/1	См. Табл.2, № 22.	Сосуд, медные трубчатые пронизи.	В СВ части, на дне ява, отмечены фрагменты сосуда с обильной примесью раковины в тесте, с расчесами на внутренней поверхности.
34	с. Золотая Балка, Нововоронцовский р-н, Херсонская обл., р. Днепр	Кромлех 1		Медная (?) гривна.	Фрагмент стенки лепного сосуда с примесью ракушки, орнаментированный рядами косых оттисков гребенчатого штампа, которые образуют „паркетную“ композицию. Размеры фрагмента 4x2,8 см (Рис.5,8).
35	г. Никополь, Днепропетровская обл., р. Днепр	2/4	Яма подпрямоугольной формы, с сильно закругленными углами, ориентирована по оси СВ-ЮЗ, длиной 2,0 м, шириной 1,3 м, гл.0,62 м от древнего горизонта (4,7 м от 0). Ко дну яма сужалась до размеров 1,57x1,12 м. Скелет разрушен, кости (таз, ребра, большая берцовая и фаланги, грудина, ключица, лопатки, лучевая и кости одной ноги) смещены к северной стенке. На костях отмечены незначительные следы охры.	Нет	В заполнении, с южной и юго-восточной внешних сторон кромлеха, найдены фрагменты керамики с примесью ракушки и кости животных. Насыпь со временем, частично оплыла, перекрыв камни кромлеха и участок святилища. <u>Святилище</u> примыкало к кромлеху с южной стороны. Оно зафиксировано на уровне материка и представляло собой 17 усеченно-конических углублений, 15 из которых размещались по квадрату, размерами 1,4x1,4 м, а еще две делили этот квадрат на две равные части (возможно, к святилищу относились еще два углубления с западной стороны квадрата, где фиксировались два темных пятна нечетких контуров). Углубления округлой формы, диаметром 0,5-0,6 м, гл. 0,6 м от уровня древнего горизонта. На этом уровне ямки были окружены кольцевыми выемками из мелких гранитных камней, часть которых была найлена в заполнениях ямок. В пяти из них отмечены остатки вертикально стоявших столбов, диаметром 0,2 м, вкопанных еще на 0,1 м глубже дна ямок. Столбы фиксировались на высоту 0,4 м. Остатки обожженного дерева, очевидно, от таких же столбов, отмечены и в заполнениях остальных ямок. Стенки и дно ямок

Таблица 1. Керамика из тризн и фрагменты сосудов из погребений (продолжение).

					<p>уплотнены под воздействием огня, а в заполнении фиксировались также, многочисленны угли и кальцинированные косточки. В одной ямке найден фрагмент черепа коня (?). В пределах этой столбовой конструкции, в СВ углу, на уровне древнего горизонта, лежала подработанная гранитная плита овальных очертаний, размерами 0,8x0,5 м, толщиной 0,15 м. Под ней, на гл. 0,4 м от древнего горизонта, обнаружена верхняя часть детского скелета - на спине, головой на З. Кости и дно обильно окрашены бурой охрой. Площадь святилища, особенно в северной части, насыщена фрагментами керамики (1) и створками раковин „Uplio“, а также костями животных - в основном, костями и фрагментами черепа лошади (?). Описание находок: 1. Фрагменты керамики от стенок и венчиков нескольких сосудов, с обильной примесью раковины в тесте. Поверхности серого или серо-бурого цвета, со следами полосчатого сглаживания. Два из них склеивались в небольшую часть прямого венчика с ровно срезанным краем и небольшой выступающей закраиной, украшенной рядом косых отпечатков тонкого гребенчатого штампа. На одном из фрагментов стенки отмечены два ряда аналогичных отпечатков, и еще на одном - край такого же ряда. Еще на одном фрагменте стенки были нанесены четыре ряда косых, коротких, прямо поставленных отпечатков четырехзубчатого штампа, отличающегося от штампа на двух других фрагментах (Рис. 5,9-10).</p>
36	с. Ясиноватка (Вовниги 5 – 1964), Вильнянский р-н, Запорожская обл., р. Днепр	Камен. закладка	<p>Погребение 2 – находилось в центре закладки, где камни почти отсутствовали, кроме нескольких мелких в насыпи. Яма овальной формы, заложена охристым грунтом, ориентирована по оси ЗЮЗ-ВСС, длиной 1,7 м, шириной 1,1 м, гл. 0,35 м. Скелет взрослого человека плоской сохранности, сохранились остатки черепа, обломки плечевых костей рук, берцовых и бедренных костей ног, по которым можно говорить о положении на спине, с подогнутыми ногами, склонившимися влево, головой на</p>	Нет	<p>Закладка размерами 8x9 м, сложена из природных обломков гранита, размерами от 0,15 до 0,5 м, и даже до 1 м. Закладка имела слабо гумусированную насыпь с камнями на поверхности, высотой до 0,5 м, диаметром 5 м, а с основанием закладки - 9 м. Отдельные камни закладки выступали на современной поверхности. В закладке выделяются три группы вымостов, разрывы между которыми с юга, севера и востока закрыты в один-два ряда камнями и</p>

Таблица 1. Керамика из тризн и фрагменты сосудов из погребений
(продолжение).

		<p>ЗЮЗ. Руки вытянуты. По дну прослежена посыпка охрой.</p> 	<p>суженными продолговатыми менигровидными камнями, лежавшие не плашмя, а под наклоном к центру, и стоявшие, очевидно, первоначально в вертикальном положении. В 1 м к северу от погр. 1, в направлении погр. 2, на древней поверхности, на глубине 0,6 м, найден фрагмент стенки сосуда без орнамента, с примесью ракушки в тесте. Всего исследовано 5 погребений эпохи неолита и ранней бронзы.</p> <p>Основным для закладки, очевидно, является погр. 2. В 0,35 м на ЮЗ от него, на древней поверхности, найдена кучка красной охры, диаметром 0,2 м. В 1 м к северу от погр. 1, в направлении погр. 2, на древней поверхности, на глубине 0,6 м, найден фрагмент стенки сосуда без орнамента, с примесью ракушки в тесте. Всего исследовано 5 погребений эпохи неолита и ранней бронзы.</p> <p>Погребение 5 – находилось в 0,8 м к ЮВ от основного погр. 2, под скопленным камнями закладки. Яма прорезала край неолитического могильника. Отдельные камни закладки попали в охристый заполнение погр. 5, вместе с остатками разрушенных неолитических погребений. Яма прямоугольной формы с округлыми углами, ориентирована по оси СВ-ЮЗ, длиной 1,7 м, шириной 1,15 м, гл. 1,25 м от современной поверхности, прорезав материк на 0,5 м. Скелет взрослого человека лежал на спине, с согнутыми ногами, склоненными вправо, головой на ССВ. Правая рука вытянута и откинута в сторону, левая согнута, кистью лежит на тазе. Череп склонен вправо. У черепа найдены два фрагмента сосуда (1). К этому же сосуду относится и упомянутый выше фрагмент нижней части, найденный на древнем горизонте.</p> <p>Описание находок:</p> <p>1. Фрагменты верхней части лепного тонкостенного сосуда кветянского типа. Переход от плечиков к высокому раздутому горлу подчеркнут незначительным перегибом. Венчик резко отогнут. Зона перехода от тулова к горлу</p>
--	--	---	--

Таблица 1. Керамика из тризн и фрагменты сосудов из погребений (продолжение).

					<p>орнаментирована тремя рядами наклонных отгисков мелкозубчатого штампа. Орнамент сильно затерт. В тесте обильная примесь толченых раковин. Фрагменты сосуда нельзя отнести к погр.5 (ямное). Они попали или были использованы при впуске могилы, так как этому же сосуду принадлежит и найденный в 1 м к северу от погр.1 фрагмент стенки. Предположительно, сосуд мог относиться к остаткам тризны, связанной, например, с погр.2, хотя для тризн обычны фрагменты от крупных сосудов. Этому предположению не противоречит нахождение фрагментов к югу и юго-западу от могилы. Но не исключены и другие предположения: разрушенность еще одного погребения или вообще случайность нахождения здесь этого сосуда (Рис. 16,1).</p>
37	с. Михайловка – 1957, Нововоронцовский р-н, Херсонская обл., р. Днепр	Погребение в обрыве берега	Чертеж какого-то погребения дан в дневнике, но данные по чертежу не совпадают с описанием.	Нет	<p>В обрыве Берста, под каменной закладкой найдена верхняя часть скелета, на спине, головой на запад. Возле головы – фрагмент отогнутого венчика с частью горловины, с примесью ракушки в тесте, украшен тремя рядами отгисков слегка изогнутого гребенчатого штампа, размещенных в елочку, а на горловину спускаются отдельные вертикальные ленты аналогичного орнамента (Рис.5,11). (По дневнику О.Г. Шапошниковой, скелет ориентирован на север, руки вытянуты, под черепом – охра, а фрагмент сосуда был найден в заполненной ямы с костями животного).</p>
38	с. Волошкое, балка Майорка – 1958, р. Днепр	Погребение	Документация отсутствует, В.Н.Даниленко ссылается на информацию А.В.Бодянского о погребении взрослого в неглубокой яме под каменным закладом прямоугольной формы, 3,2x1,2 м (деформированный ящик по предположению Даниленко), на спине, с подошнутыми ногами, головой на восток, с сосудом возле головы (Даниленко, 1974, 65).		<p>Лепной тонкостенный сосуд небольших размеров, с приостренным дном и несколько деформированной при обжиге верхней частью. Резко отогнутый венчик переходит в слегка вздутую высокую горловину, которая в свою очередь переходит в тулово с еле заметным уступом. В тесте обильная примесь ракушки. Верхняя часть украшена орнаментом из отпечатков тонкого гребенчатого штампа в виде одного ряда из вертикальных, но слегка скошенных отгисков под венчиком и зигзага из таких же отгисков на плечиках, ниже уступа, который с обеих сторон обрамлен двумя</p>

Таблица 1. Керамика из тризн и фрагменты сосудов из погребений (окончание).

				горизонтальными рядами отпечатков гребенки. Ниже зоны орнамента, на тулове нанесены в двух местах тонким гребенчатым штампом «лесенки». Высота сосуда 12,2 см, диаметр венчика 10 см (Рис.16,3).
39	г. Чигирин.	?	Место находки сосуда неизвестно, возможно, по предположению В.Н.Даниленко, он происходит из разрушенного погребения.	Небольшой лепной округлодонный сосудик с обильной примесью ракушки в тесте. Отогнутый венчик переходит в слегка вздутую высокую горловину, которая переходит в тулово слегка выраженным уступом. Верхняя часть украшена пятью горизонтальными рядами косо поставленного тонкого гребенчатого штампа, который в районе уступа заканчивается одним рядом из отпечатков такого же штампа, образующего зигзаг (Рис.16,2).

несохранившимися „вытянутыми« погребениями.

Связь керамики кватянского типа с «вытянутыми» погребениями наиболее ярко проявилась в материалах таких курганов, как к.1 «Цегельня»²⁹, Бузовка, XXIV, к.1 (Марина и др. 1982: 5-6, рис. 1, 16; 26) и особенно Новоалександровка I, к.6, где развал сосуда найден на пло-

щадке, окруженной кромлехом (Ковалева 1991: 31-32). Еще одной примечательной находкой являются остатки развала сосуда из кургана 11 у г. Каменка-Днепровская, но для ее объективной оценки необходимо привести материалы всех энеолитических комплексов этой курганной группы.

2.3. Энеолитические курганы у г. Каменка-Днепровская.

Компактная группа из четырех энеолитических курганов (№№ 8, 11, 12, 14) входила в группу из восьми насыпей, располагавшихся на мысовом отроге степного плато, возвышавшегося над Каменским подом, недалеко от впадения берега р. Белозерки в Белозерский лиман, к югу от города. Курганы исследованы Запорожской экспедицией ИА НАН Украины в 1986 году (Отрощенко и др. 1986)³⁰.

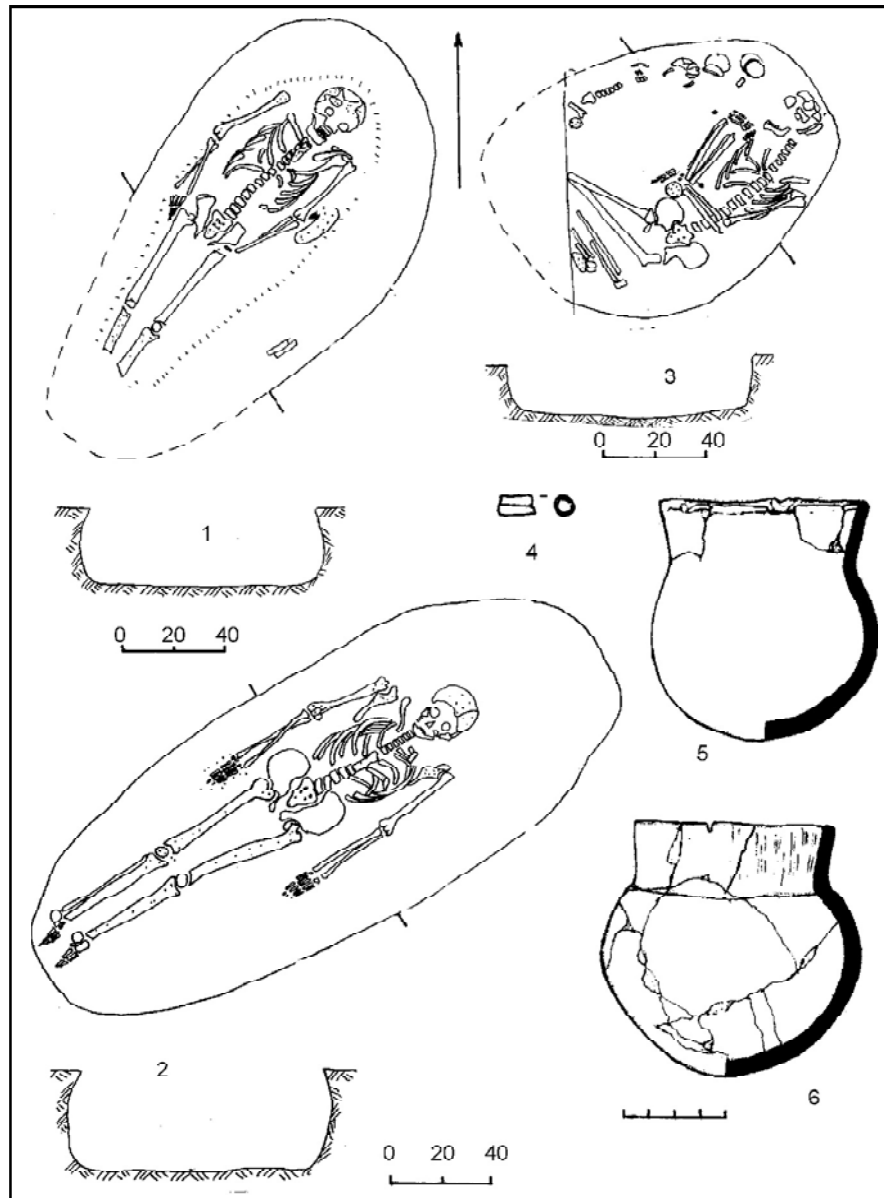
*Курган 8*³¹ — высотой 1,4 м от древнего горизонта, современным диаметром 24 м. Стратиграфия: курган имел две или три насыпи, первая из них, диаметром 8-9 м и высотой около 0,5 м, сооружена над двумя основными энеолитическими погр. 13 и 15. Насыпь окружал кольцевой ров, выкид из которого лег на ее склоны. Внутренний диаметр рва 12 м, ширина 0,5-0,6 м, глубина 0,6-0,8 м. В первую насыпь было впущено позднеэнеолитическое погр.12, перекрытое досыпкой мощностью до 0,5 м, которая фиксировалась только с северной стороны и поэтому ее диаметр установить не удалось. Ямные погр.4 и 9 расположены за пределами рва и возможно, что с ними связана следующая, последняя досыпка. Всего в кургане исследовано 15 погребений эпох энеолита и бронзы (рис.7).

Погребение 13 — основное, находилось в центре окружности рва и было окружено мате-

риковым выкидом, лежавшим на древнем горизонте. Яма вытянуто-овальной формы, ориентирована по оси СВ-ЮЗ, длиной 2,0 м, шириной 1,0 м, глубиной 0,97 м от древнего горизонта. Профиль ямы корытообразный, с выгнутыми стенками, на которых сохранились вертикальные следы от узкого желобчатого орудия. Скелет взрослого человека лежал на спине, в вытянутом положении, головой на СВ. Руки вытянуты вдоль тела, кисти на тазовых костях. Вдоль левой руки, полосой в 20 см, шириной 8 см, и под кистью правой, отмечены скопления порошка ярко-красной и бордовой охры. Рядом с охристым пятном — два кусочка смолы. Кости скелета, особенно череп, интенсивно окрашены охрой. Под скелетом прослеживался тонкий слой коричневого тлена от подстилки. У южной стенки найдено несколько костей животного (рис.8,1).

Погребение 15 — основное, расположенное к северо-западу от погр.15, почти у внутренней границы рва. Вокруг ямы фиксировался материковый выкид на древней поверхности. Яма вытянуто-овальной формы, ориентирована по оси СВ-ЮЗ, длиной 2,5 м, шириной 1,0 м, глубиной 0,9 м. Профиль аналогичный погр.13. В заполнении встречались остатки деревянного перекрытия со следами огня, лежавшего, оче-

Рис.8. г. Каменка-Днепровская: 1 — погр.13; 2 — погр.15; 3-6 — погр.12: 3 — погр.12; 4 — медная (?) пронизь; 5,6 — сосуды.

видно, поперек ямы. Скелет взрослого человека лежал на спине, в вытянутом положении, головой на СВ. Руки вытянуты вдоль тела. Кости окрашены охрой. Не исключено, что погр.15 могло быть совершено у края или частично в поле уже сооруженной насыпи над погр.13 с локальной подсыпкой над ним (рис.8,2).

Погребение 12 — впущено в центральную часть первой насыпи, к югу от ее вершины, фиксировалось с гл. 1,95 м от 0, в материке. Яма овальной формы, ориентирована по оси СВ-ЮЗ, длиной 1,3 м, шириной 1,0 м, гл. 2,17 м от 0. В заполнении встречались фрагменты дерева от перекрытия и древесные угольки. Погребение парное, взрослого и ребенка. Скелет взрослого лежал в скорченном положении на правом боку, головой на СВ. Левая рука согнута под прямым углом, уложена поперек тела, кистью под локтем правой руки, фаланги направлены вниз. Правая рука сильно согнута в локте, кисть

загнута в направлении нижней челюсти. Скелет ребенка лежал перед взрослым, в скорченном положении, на левом боку, головой также на СВ. Другие детали не восстанавливаются из-за плохой сохранности скелета. Возле локтя и кисти левой руки взрослого найдены две медных пронизи (1), а за черепом ребенка, перед лицом взрослого — два сосуда (2,3), между которыми находился обломок створки раковины «*Unio*». Под правой кистью взрослого отмечен также рассыпавшийся комок охры, размерами 5 × 6 см. Кости интенсивно окрашены охрой. Под скелетами фиксировался коричневый тлен от подстилки (рис.8,3).

1. Медные (?) трубчатые пронизи (2 шт.), свернутые из тонких пластин. Длина 0,6-0,7 см, диаметр 0,3 см (рис.8,4).

2. Лепной округлодонный сосуд с выпуклыми боками, прямой, слегка расходящейся горловиной и с закругленным краем венчика. Пе-

реход горла в тулово отмечен незначительным уступом-желобком. Поверхность темно-серого цвета, хорошо заглажена и подпощена. По горлу видны слабые вертикальные следы сглаживания. В тесте обильная примесь толченой ракушки. Высота 10 см, диаметр венчика 7,8 см (рис.8,6).

3. Лепной округлодонный сосуд с округлыми плечиками, плавно переходящими в высокую раструбную горловину с округлым краем венчика. Поверхность серого цвета, хорошо заглажена, но шероховатая. В тесте обильная примесь толченой ракушки. Высота 9,4 см, диаметр венчика 8,1 см (рис.8,5).

*Курган 11*³² — высотой 1,0 м от древнего горизонта, современным диаметром 36 м. Стратиграфия: древнейшая часть кургана представлена кромлехом, который окружал основное энеолитическое погр.18. Диаметр кромлеха 9 м. Кромлех представлял собой правильное кольцо, сложенное из известняковых, гранитных и

ракушечниковых небольших плит и камней различной величины. В основе кромлеха — вертикально вкопанные небольшие плиты, плоские стороны которых обращены внутрь и наружу, а приостренные на шип основания вкопаны на глубину до 0,4 м. Для устойчивости, между более крупными плитами были вклинены мелкие камни и плитки. Поверх вертикальных плит были горизонтально уложены плоские плиты в 2-3 ряда. Значительная часть этих плит осела внутрь кромлеха, что свидетельствует о том, что земля, его заполнявшая, не достигала верхнего края или сильно просела со временем. Размеры наиболее крупных плит 0,8 × 0,55 м, 0,65 × 0,35 м при толщине 0,15-0,1 м. Они могли возвышаться над древним уровнем максимально на 0,4 м. Значительная часть треугольных и подпрямоугольных плит достаточно хорошо обработана в верхней части и похожа на стелы. На двух плитах с южной и восточной сторон, находились в центре плоскости круглые чашевид-

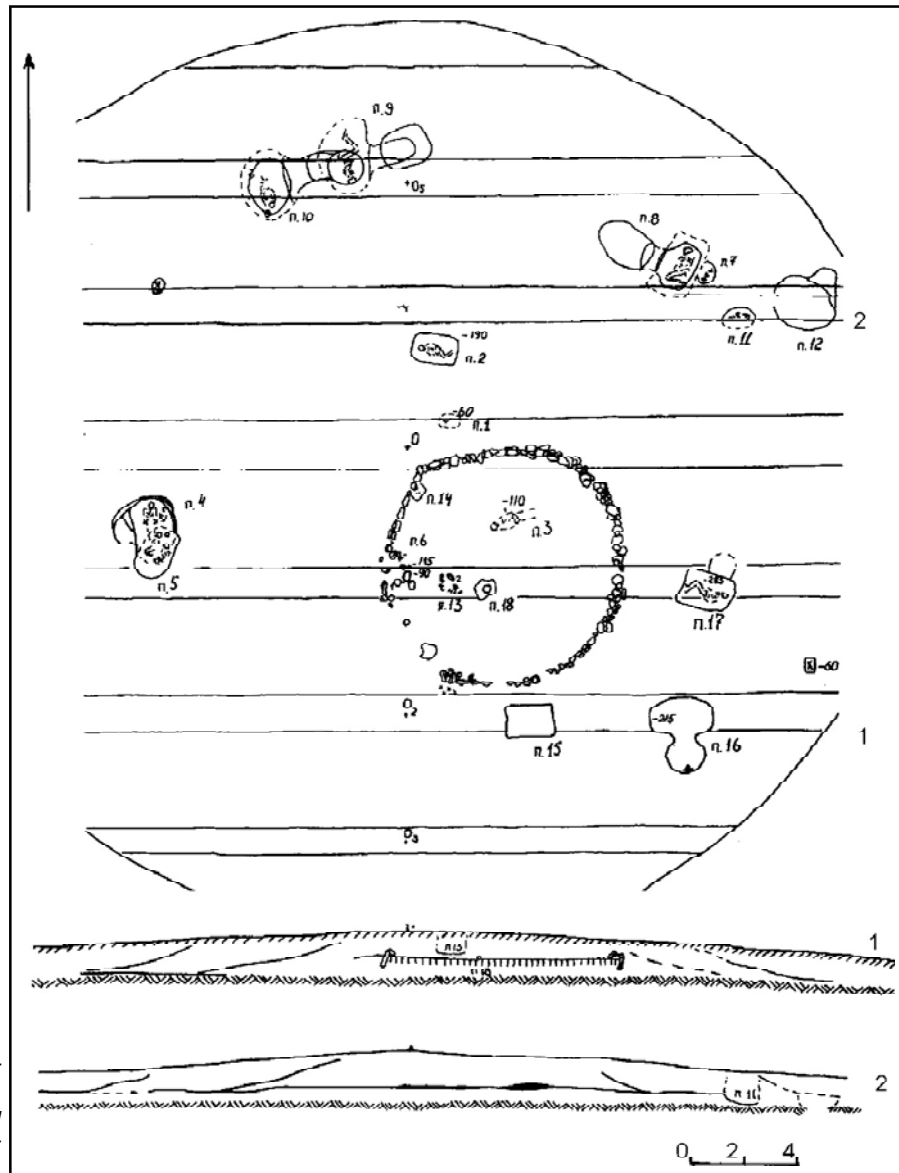
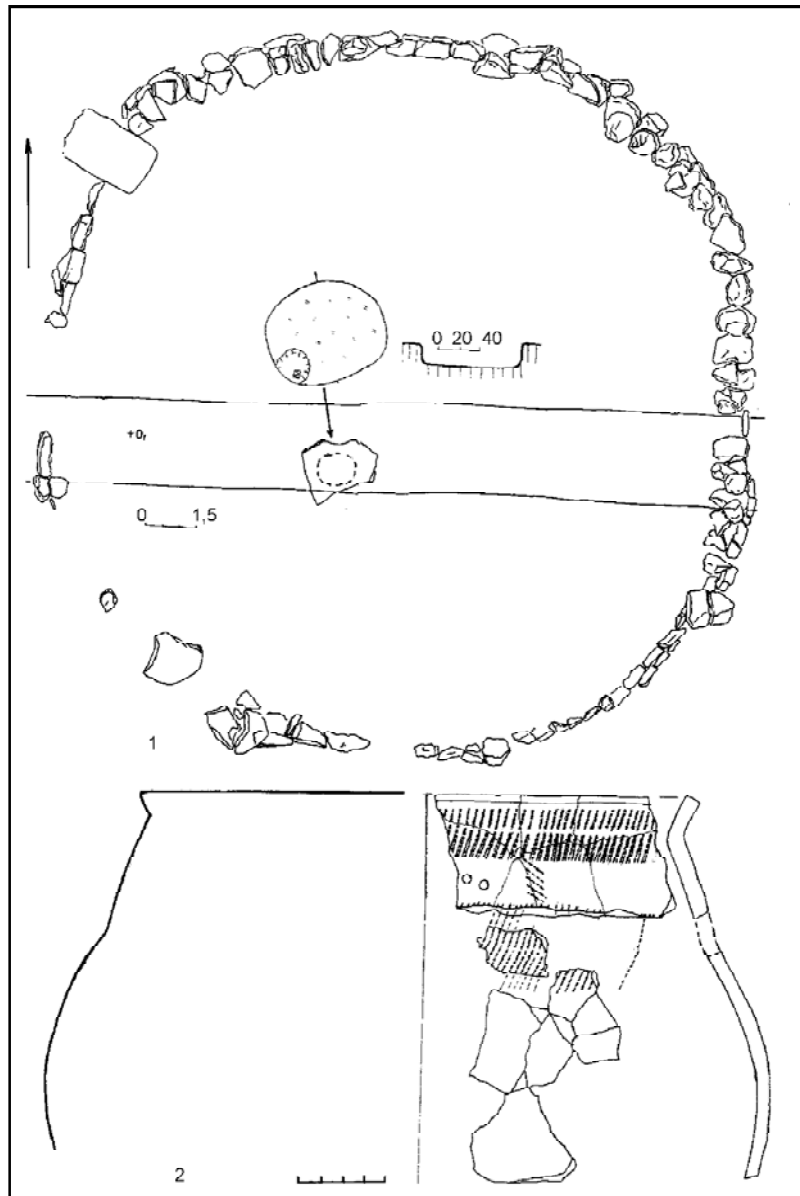

Рис.9. г. Каменка-Днепровская. Общий план и профили кургана 11.

Рис. 10. г. Каменка-Днепро-
вская, курган 11: 1 - кром-
лех с основным погр.18;
2 — сосуд квитянского
типа из тризны.

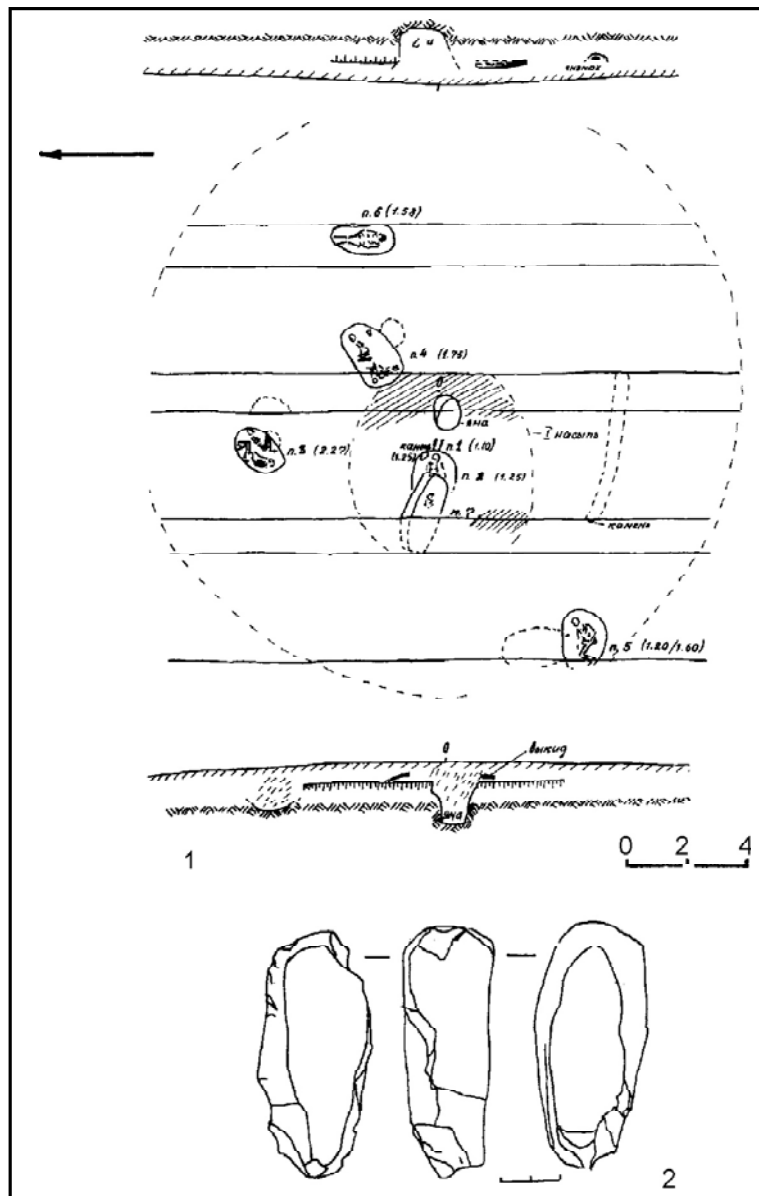

ные углубления, по одному на каждой плите. Одна из восточных плит кромлеха своей правильной подтреугольной формой напоминает букраний, размерами 0,35 × 0,3 м. **В юго-западной части кромлеха, в его основании, по различным затечным слоям земли, которая его заполняла, были собраны фрагменты одного большого сосуда (1), являвшегося частью тризны, несомненно относящейся к основному погребению.** Позже кромлех был перекрыт насыпью из плотного серого чернозема, диаметром около 18 м, высотой не менее 1 м. Полы этой насыпи на 0,6 м ниже уровня древнего горизонта, который фиксировался внутри кромлеха. В эту насыпь были впущены ямные погр. 13 и 14. При совершении последнего был разобран участок кромлеха. В северную полу насыпи было впущено затем ямное погребение 2, выкид из которого лег на край насыпи и окружающую поверхность. Мощная,

не менее 1 м, досыпка над этим погребением, имевшая пеструю черноземно-материковую пятнистую структуру, сместила первоначальный центр кургана к северу. С погр.2 связаны и фрагменты большого толстостенного, с грубыми расчесами сосуда позднеямного типа из тризны, найденные вблизи погребения, на уровне его впуска. Затем было впущено ямное погр.15. Следующая досыпка из плотного однородного грунта связана с одним из раннекатакомбных погребений. Всего в кургане исследовано 18 погребений эпох энеолита и бронзы, а также клад бронзовой узды и железных копий VIII-VII вв. до н.э. (рис.9; 10,1).

Для уточнения стратиграфии кургана необходимо добавить, что насыпь, которая перекрыла кромлех, несомненно, является, по существу, самостоятельным курганом, который был сооружен, скорее всего, над ямным погр.6, впущенным в западный край первой конструкции, при-

Рис. 11. г. Каменка-Днепровская:
1 — общий план и профиль
бровки кургана 12; 2 — ка-
менная стела из кургана 14.

мыкая изнутри к плитам кромлеха. Погребение имеет весьма архаичский вид со скорченным на спине и ориентированным на восток скелетом, интенсивно окрашенным охрой, но без уточняющих хронологических показателей.

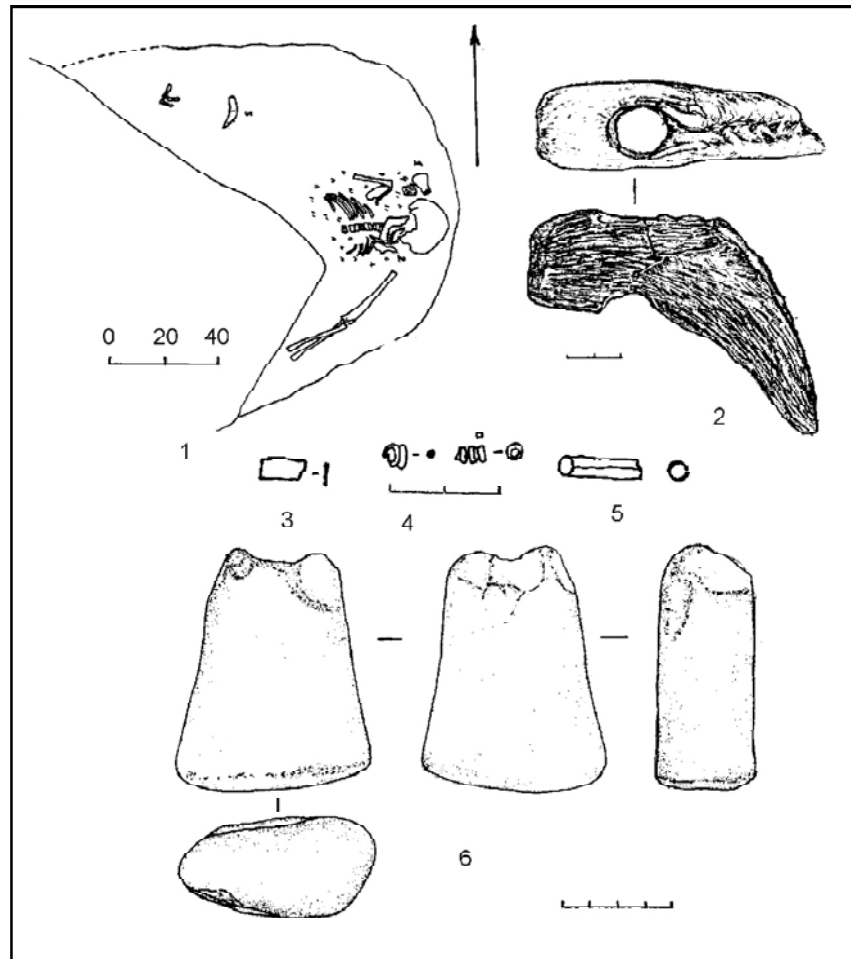
1. Фрагменты верхней части и стенок большого лепного сосуда кветянского типа. Тонкостенный, серого цвета, с примесью ракушки в тесте. На внутренней поверхности горла видны четкие следы горизонтальных расчесов, исчезающих на стенках. По фрагментам венчиков, стенок и орнаменту восстанавливается типичный для этого типа керамики трехчастный ломаный профиль — отогнутый венчик и уступчатый переход слегка выпуклой горловины в тулово. Орнамент нанесен в традиционной для этого типа керамики манере шагающей гребенки под венчиком и на его изгибе, а также при переходе к тулову. Это косые оттиски тонкого длинного штампа, составляющие несколько ря-

дов, слегка накладывающихся один на другой своими краями. Диаметр венчика около 30 см (рис.10,2).

Погребение 18 — основное, находилось почти в центре окружности кромлеха, немного сместившись к юго-западу. Яма была перекрыта массивной плитой в форме неправильного многоугольника, размерами 0,85 × 0,5-0,8 м, толщиной 0,2 м. Яма овальной формы, ориентирована по оси В-3, длиной 0,55 м, шириной 0,45 м, углублена в погребенный чернозем на 0,1 м. На дне отмечен белесый тлен подстилки, а у юго-западной стенки, в норке землероя, фрагмент черепа младенца (рис.10,1).

Курган 12³³ — высотой 0,5 м от древнего горизонта, с современным диаметром около 20 м. Выкид из основного энеолитического погр.2, мощностью до 0,2 м, лежал на древнем горизонте, на протяжении 1,8 м. Реальные размеры первой насыпи определить сложно. В южной

Рис.12. г. Каменка-Днепровская, курган 12: 1 — погр.2; 2 — роговой клевец; 3 — медная пластинка; 4 — медные спиральные пронизи; 5 — медная трубчатая пронизь; 6 — каменный пест.

части кургана по профилям бровок удалось частично проследить остатки неглубокого ровика, радиусом около 6,8-7,4 м от условного центра. В нем обнаружен необработанный известняковый камень. Ровик относится, очевидно, к основному погр.2. Следующим впускным было катакомбное погр.4. Всего исследовано 7 погребений эпох энеолита, бронзы и средневековья (рис.11,1).

Погребение 2 — основное, нижняя часть разрушена средневековым погр.7, сохранилась часть ямы с верхней частью скелета, по которым можно судить об обряде. Яма имела овальную форму, ориентированная по оси В-3, шириной 1,4 м, и фиксированной длиной также 1,4 м, глубиной 0,75 м от древней поверхности. У северо-восточной стенки ямы, на дне, наклонно к стенке, стоял на торце небольшой гранитный камень с грубо оббитой поверхностью, уплощенный, овальной формы, длиной 0,4 м, шириной 0,2 м, толщиной 0,08-0,1 м. На дне ямы — остатки скелета взрослого человека, на спине, головой на В. Левая рука вытянута и отведена от тела, от правой сохранилась часть плечевой кости и фаланги, по которой можно предположить ее аналогичное положение. Череп повернут влево. Положение ног не восстанавливает-

ся, но положение верхней части скелета позволяет предположить, что ноги могли быть разведены ромбом. Под костями прослеживался бурый тлен от подстилки. Справа, у затылочной части черепа, лежал каменный пест (1) и небольшой комок охры, диаметром около 5 см. Перед лицевой частью черепа были собраны медные пронизи и пластинка (2), справа от скелета, чуть выше фаланг правой руки, лежал роговой клевец (3) и фрагмент медного шила (4) (рис.12,1).

1. Каменный пест из мелкого плотного песчаника, трапецевидной формы, овальный в сечении. Верхняя суженная часть обломана в древности, нижняя, широкая, заокругленная. Поверхность песта хорошо заглажена, подшлифована. Длина орудия 8 см, ширина у слома 4,5 см, у основания — 7 см, толщина 3,5 см. Одна сторона окрашена охрой (рис.12,6).

2. Медные пронизи двух видов: а) трубчатые (3 целых и 15 фрагментов), изготовленные из свернутого тонкого листа, длиной 1,2 см, диаметром 0,3 см (рис.12, 5); б) спиральные в 1-1,5 оборота (1 целая и 6 фрагментов), из узких ленточек, шириной 0,1 см, диаметром 0,3 см и из тонкой, круглой в сечении проволоки (рис.12,4). Здесь же был один фрагмент плос-

кой подпрямоугольной пластинки, длиной 0,6 см, шириной 0,4 см (рис.12,3).

3. Роговой клевец, с резко загнутой за счет косого среза спинкой, переходящей в заостренный клюв. В месте изгиба — круглое отверстие для рукояти. Обухок круглый в сечении. Вдоль спинки просматривается паз или бороздка. Общая длина по хорде 11 см, диаметр отверстия 2 см, обушка 2,5 см, ширина спинки 2,5 см (рис.12,2).

4. Фрагмент медного острия шила, округлого в сечении, длиной 1 см и диаметром 0,1 см.

*Курган 14*³⁴ — высотой 0,3 м, современным диаметром 20 м. В южной поле кургане, но только в профилях бровок, отмечен неглубокий ровик с черноземным заполнением, едва входящий в материковую глину. При снятии насыпи, в отвале, был обнаружен менгир-стела овальной формы из ракушечника с одним зауженным концом, а вторым более широким, закругленным. Боковые стороны и верх обтесаны, лицевая и тыльная плоскости в верхней части заглажены. Высота менгира-стелы 0,8 м, ширина 0,66 м, ширина заглаженной передней плоскости 0,28, а задней — 0,22 м. Толщина 0,31 м (рис.11,2). В юго-западной поле кургана найден также фрагмент энеолитической керамики с примесью ракушки в тесте. В насыпи найдены также фрагменты амфоры и каменного блюда. Всего исследовано два погребения: энеолитическое и средневековое.

Погребение 2 — основное, к югу от ямы отмечена на древнем горизонте прослойка выкида из могилы. Яма овально-подпрямоугольных очертаний, ориентирована по оси В-3, длиной 2,25 м, шириной 1,35 м, глубиной 0,65-0,7 м от древнего горизонта. Яма расширялась ко дну. В ее заполнении отмечены кусочки дерева перекрытия. Скелет взрослого человека лежал на спине, в вытянутом положении, головой на В. Руки вытянуты вдоль тела. Пятки ног сведены, стопы направлены в противоположные стороны. Кости ног и рук слабо окрашены охрой. На дне фиксировались 4 узкие поперечные деревянные плашки, шириной 2-3 см. У левого виска лежал массивный формованный кусок розовой охры (1), а рядом с ним — каменный «молоток» (2), справа, у предплечья, собраны три медные пронизки (3) (рис.13,1).

1. Формованный кусок розовой охры в виде низкого цилиндра, диаметром 15 см, высотой 4 см (рис.13,4).

2. Каменное базальтовое навершие-«молоток», бочонковидной формы, с несколько уплощенным, слегка вогнутым основанием и круглым сквозным отверстием в центре. По окружности слегка выпуклых обухов просматриваются чуть заметные закраинки-ободки. Поверхность изделия хорошо заполирована. В нижней части с двух сторон видны дефекты заготовки в виде продолговатых углублений, впоследствии запо-

лированных, а сверху, у края идеально круглого отверстия, виден след его первоначального, но неправильного сверления. Длина навершия 10 см, высота по центру 4,3 см, ширина 5,1 см, диаметры обухов 3,8-4 см (рис.13,3).

3. Медные пронизки плохой сохранности, изготовлены из свернутых тонких полосок, диаметром 0,3 см, шириной 0,2-0,3 см (рис.13,2).

Все основные погребения энеолитических курганов, на мой взгляд, являются относительно синхронными. Во всяком случае, нет оснований в рамках такой компактной и небольшой группы распределять эти погребения по разным хронологическим горизонтам.

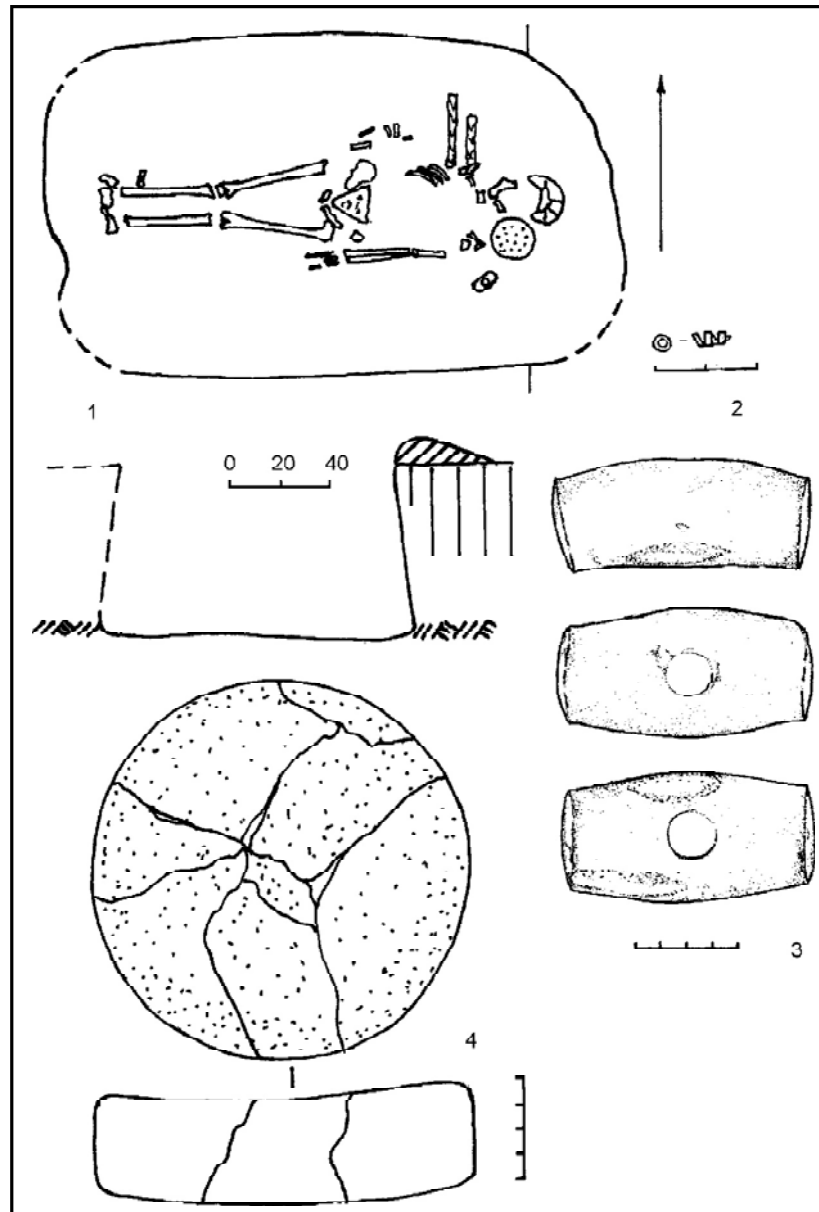
Специфические медные украшения из погребений в курганах 12 и 14 это подтверждают³⁵. Что касается обрядовых признаков, то если положение скелета в погр.2 кург.12 правильно реконструировано, то оно также вполне согласуется с «вытянутыми» погребениями в рамках одной погребальной традиции (Андросов и др. 1991: 16; Евдокимов, Рассамакин 1992: 115; Рассамакин 1993: 7; 10). К сожалению, положение скелета в погр.18, кург.11 не восстанавливается, но нет никаких оснований отделять его от других основных погребений данной курганной группы³⁶. Погр. 12, кург.8 относится к памятникам животиловско-волчанского типа и здесь рассматриваться не будет.

Таким образом, четыре энеолитических погребения под курганами с такими конструкциями, как рвы и кромлех, представляют относительно одновременный и культурно нерасчленимый комплекс культовых сооружений. Это значит, что:

1) — обнаруженный развал сосуда квитянского типа не только надежно связан с основным погребением в кургане (находился первоначально на поверхности сооружения, у края кромлеха, что полностью исключает другие варианты трактовки), но и определяет особенности культурной принадлежности всей группы;

2) — общая датировка энеолитических памятников, согласно найденному каменному «молотку» в погр.2, кург.14, определяется периодом Триполье С2, так как все известные аналогии известны в могильниках софиевского варианта позднейшего Триполья (см. новую публикацию материалов: Videiko 1995) и в других «вытянутых» погребениях, датировка которых также не выходит за пределы этого периода (Ковалева 1984: 31-32; 48-49; 1985: 51-52). Если и можно предположить наличие в группе относительно более древних погребений, то они, очевидно, не могут быть значительно удревнены и, скорее всего, относятся приблизительно ко времени Триполье С1-С2. Но даже их датировка периодом Триполье С1 будет определять значительно более поздний период для керамики квитянского типа в сравнении с общепринятой до настоящего времени датировкой.

Рис.13. г. Каменка-Днепровская, курган 14: 1 — погр. 2; 2 — медная спиральная пронизь; 3 — каменный «молоток»; 4 — формованный цилиндр охры.

2.4. «Вытянутые» погребения и керамика в качестве погребального инвентаря

В «вытянутых» погребениях представлены в качестве инвентаря также целые сосуды, контекст фиксации которых отражен в таблице 2. И.Ф.Ковалева оценивает помещение сосудов в погребения как заимствованную традицию, поскольку одним из «этнографических признаков» постмариупольских погребений, по ее мнению, является их бескерамичность (Ковалева 1984: 24), хотя такая же бескерамичность характерна для скорченных на спине «среднепестовских» и «новоданиловских» погребений, что отражает несвойственность этой традиции вообще для «степных пастушеских культур». Сосуды в качестве инвентаря совершенно правомерно не рассматривались в качестве основы для определения культурной принадлежности погребений, в отличие от обрядовых признаков и керамики

из тризн (Ковалева 1990: 42). Исследовательница отметила всего две находки сосудов в 127 «вытянутых» погребениях, известных к 1984 году в Орельско-Самарском междуречье (с.Верхняя Маевка XIV, кург.3, погр.3 и хут.Кабаки, кург. 1), к которым нужно добавить еще один сосуд (с.Верхняя Маевка XIV, кург.1, погр.16). Первый из этих сосудов был сопоставлен с керамикой азово-черноморской линии развития (по В.Н.Даниленко), хотя и отмечалась общая близость формы к сосудам ямной культуры. В качестве ближайшей аналогии приводится сосуд из раскопок Л.П.Крыловой на Ингульце — с.Широкое, кург.1, погр.18 (Ковалева 1979: 66; 1980: 45; 1984: 24; 46). Второй сосуд, по мнению И.Ф.Ковалевой, проявляет «некоторое сходство с остродонными кубками дереивского этапа среднепестов-

Таблица 2. Сосуды из «вытянутых» погребений.

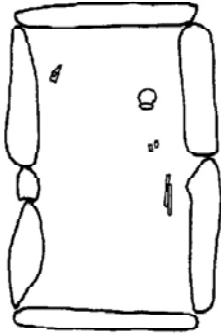
№	Пункт	Кург. / погр.	Обряд	Сосуд	Инвентарь
1	с. Новофилипповка, «Аккермень I», р. Молочная	13/3		Лепной, плоскодонный сосуд в виде широкогорлого кувшина с высоко поставленными плечиками и достаточно высоким слегка расходящимся горлом. Край венчика имеет специфическую закраину. Цвет подлощенной поверхности неравномерный, пятнистый, серо-черный. В тесте примесь толченого гранита и песка, в изломе глина черная, плотная. Высота сосуда 16 см, диаметр венчика 13,4 см, дна - 7 см (Рис.15,2).	Кремнев. орудие (скребок ?) и кусочек смолы.
2	с. Константиновка, Мелитопольский р-н, Запорожская обл. р. Молочная.	1/1		Округлодонный лепной сосуд, в округлыми плечиками и невысоким отогнутым венчиком. Поверхность серого цвета, подлощена, в тесте примесь ракушки. Высота 11,6 см, диаметр венчика 10 см (Рис.14,12).	Каменный молоток – клевец; два кремнев. наконеч. стрел; кремневое орудие.
3	с. Терпенье, Мелитопольский р-н, Запорожская обл. р. Молочная.	Кург. / 2	Мелкая овальная яма засыпанная охрой, была перекрыта каменной кладкой. Скелет ребенка лежал на спине, в вытянутом положении, головой на СВ. Сопровождался сосудом. Рядом с могилой найдены остатки кострища, обложенного камнями, а под ним - жертвенная ямка с остатками ритуального сожжения. Здесь же находились фрагменты сосуда с обильной примесью ракушки, украшенного мелкозубчатым гребенчатым штампом, обломки черепа быка и несколько черепов козлов.	Небольшой сосуд из песчанистой глины, овоидной формы, с невысоким отогнутым венчиком. (Графическая документация и рисунки отсутствуют. Дано по Даниленко, 1974, с.69).	Фр-нты сосуда в тризне (см. Табл.1).

Таблица 2. Сосуды из «вытянутых» погребений (продолжение).

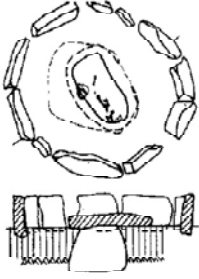
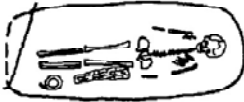
4	с. Орестополь, Велико-михайловский р-н, Днепропетровская обл., р. Волчья.	ЗБ/2		Лепной круглодонный сосуд с обильной примесью крупнотолченой ракушки и охры, с мешковидным туловом, с короткой, слегка отогнутой шейкой и ровно срзанным венчиком. Высота сосуда 13,5 см, диаметр венчика 11,5 см (Рис. 14,13).	Кремнев. орудие.
5	с. Орестополь, Велико-михайловский р-н, Днепропетровская обл., р. Волчья.	ЗА/5		Лепной округлотелый сосуд с несколько приостренным дном, изготовлен из глины с растительной примесью, с порами от выгоревшей травы. Внешняя поверхность палево-желтого цвета, заглажна; на внутренней - следы полосчатого сглаживания. Короткая, плавно отогнутая шейка заканчивается утонченным изнутри венчиком. У основания шейки тонким шнуром нанесен волнистый орнамент, больше напоминающий зигзаг, завершаемый в основании шейки одним горизонтальным оттиском такого же шнура. Край венчика рассечен короткими глубокими насечками, образующими зубчики. Высота сосуда 7,5 см, диаметр венчика 6,6 см (Рис. 14,14).	Кремнев. орудие.
6	с. Кабаки, Павлоградский р-н, Днепропетровская обл., р. Самара.	2/1	Яма овальной формы, ориентирована по оси СВ-ЮЗ, длиной 1,9 м, шириной 1,5 м, глубина от уровня фиксации 0,4 м. Погребение парное, взрослого и подростка. Скелеты лежали на спине, в вытянутом положении, головами на СВ. Руки вытянуты вдоль тела. Кисть левой руки взрослого касается правой руки подростка. На костях и дне отмечена посыпка розовой охрой. Справа, у черепа взрослого, найдены два сосуда, кремневый отщеп, кусочки	1. Лепной, остродонный сосуд с выпуклыми боками и плавно расширяющейся, относительно высокой горловиной. Поверхность желтого цвета с темными пятнами, подлощена. В тесте примесь ракушки. Высота 13,2 см, диаметр венчика 9,5 см (Рис.14,5). 2. Рядом лежали фрагменты маленького плоскодонного горшочка с большой примесью	Кремнев. отщеп; фрагмент медного (?) четырехгранного шила.

Таблица 2. Сосуды из «вытянутых» погребений
(продолжение).

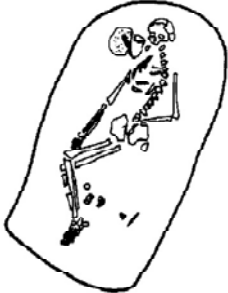

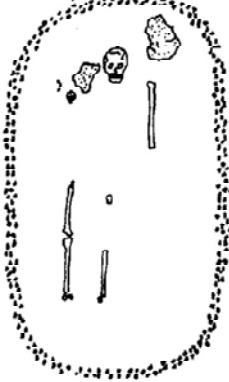
			разложившегося медного шила (?), и розовая охра в небольших кусках. (Графическая документация отсутствует).	ракушки в тесте (информация и рисунок отсутствуют).	
7	с. Верхняя Маевка XIV, Днепропетровский р-н, Днепропетровская обл., р. Кильчень.	1/16		Лепной округлодонный сосуд, с невысоким отогнутым венчиком и слабо выраженными плечиками, с примесью раковины в глине. Внешняя поверхность светло-серого цвета, подлощена; внутренняя - со следами сглаживания. Высота 12 см, диаметр 9 см (Рис.14,7).	Кремнев орудие на пластине; кремневое орудие на отщепе; медное (?) четырехгранное шило.
8	с. Верхняя Масвка XIV, Днепропетровский р-н, Днепропетровская обл., р. Кильчень.	3/3		Лепной округлодонный сосуд с высокой желобчатой горловиной и скошенным наружу, утонченным венчиком. Поверхность темно-серого цвета, лощеная, в глине - примесь раковины. Высота 10 см, диаметр венчика 9 см (Рис.14,8).	Нет
9	с. Орлик, Кобеляцкий р-н, Полтавская обл., р. Ворскла.	2/1		Глиняная лепная чаша конической формы на высокой, полый, конической ножке. Поверхность светло-коричневого цвета, ангобирована, местами отслоилась. В глине - примесь песка с значительным включением кварца и известняка. Верхний и нижний края оформлены ровными срезами с небольшими выступающими валиковидными закраинами. Высота чаши 11,3 см, диаметр 12,7 см, высота ножки 5 см, диаметр 8,8 см (Рис.15,3).	Нет

Таблица 2. Сосуды из «вытянутых» погребений (продолжение).

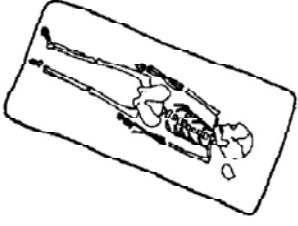
10	с. Млынок, Онуфриевский р-н, Кировоградская обл., р. Омельник.	44/8		Половина небольшого сосудика в большом куске охры. Реконструируется как округлодонный, со слабо выраженными плечиками и прямой головиной. Верхняя часть сосудика украшена 9-10 горизонтальными рядами из неаккуратно составленных горизонтальных оттисков тонкого и длинного гребенчатого штампа (размеры и характер теста в отчете не описаны). Высота по фото около 6 см. (Рис.14,1).	Кремнев. орудие.
11	с. Млынок, Онуфриевский р-н, Кировоградская обл., р. Омельник.	44/10		Лепной остродонный сосудик удлиненных пропорций, с яйцевидным туловом, плавно переходящим в невысокую шейку со слегка отогнутым венчиком. Поверхность шероховатая с вертикальными следами полосчатого сглаживания на тулове (размеры и характер теста в отчете не описаны, но на фото отчетливо видны поры от выгоревшей органики – раковины?). Высота по фото около 10 см, диаметр венчика около 6 см (Рис.14,2).	Нет
12	с. Нижняя Хортица, Запорожский р-н, Запорожская обл., р. Нижняя Хортица.	Кром- лех 2, основ. погр.	Кромлех 2 состоял из 19 плоских гранитных камней, поставленных вертикально, плотно между собой, хорошо сохраняя первоначальное положение. Диаметр кромлеха 3 м. В центре кромлеха выявлено темное пятно, одним концом уходившее под большой камень. Другой, меньших размеров, камень находился несколько в стороне от пятна. В заполнении ямы встречалось большое количество древесного угля и красной охры. На гл.0,4 м, в грунте, лежал скелет взрослого человека, на спине, в вытянутом положении, головой	Маленький остродонный лепной сосудик с примесью выгоревшей ракушки и дресвы. Тесто слоистое, обжиг неравномерный. Поверхность грубовато обработана, темно-серого цвета со светло-коричневыми пятнами. С внутренней стороны ассиметричен из-за неаккуратной формовки, с приотстранным дном. Венчик прямой и сужен к краю. Под ним нанесен орнамент из трех горизонтальных рядов	Фрагмент медного (?) предмета.

Таблица 2. Сосуды из «вытянутых» погребений
(продолжение).

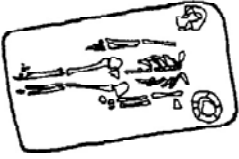

			<p>на В. У черепа стоял маленький сосудик, заполненный белой краской. У плеча, справа, найден кусок ярко-красной краски. На левой бедренной кости лежал маленький медный предмет, превратившийся в зеленый порошок.</p> <p>(Графическая документация отсутствует).</p>	<p>оттисков грубоватой веревки, от которых ко дну спускаются пять вертикальных рядов ногтевых вдавлений, сходящихся у дна. По краю венчика изнутри нанесен ряд насечек. Высота сосудика 4 см, диаметр венчика 5 см (Рис.14,3).</p>	
13	с. Вернетарасовка, Токмакский р-н, Днепропетровская обл., р. Днепр.			<p>Лепной плоскодонный сосуд биконической формы, с высокой, чуть отогнутой шейкой и обломанным в древности венчиком. Поверхность серого цвета, с черными пятнами, хорошо заглажена, местами подлощена. На внутренней поверхности четкие следы горизонтальных расчесов. Тесто с обильной примесью толченных раковин и растительных волокон. По ребру сосуд орнаментирован рядом ямок, полностью затертых почти по всей окружности. По краю дна, с внешней стороны по окружности нанесены короткие косые оттиски такого гребенчатого штампа, образующие круг, по диаметру которого в виде лесенки проходят такие же оттиски. Высота сосуда 8,5 см, диаметр шейки 7,5 см, дна 6 см, диаметр по ребру 12,5 см (Рис.15,4).</p>	Нет
14	г. Орджоникидзе, Никопольский р-н, Днепропетровская обл., группа Чкаловская, р. Днепр.	3/25		<p>Миниатюрный лепной округлодонный сосудик, с невысоким, немного приотстренным изнутри венчиком, плавно переходящим в плечики, на которых видна часть орнамента из ряда косых оттисков короткого гребенчатого штампа. Поверхность хорошо заглажена, местами подлощена, глина близка по составу статуэткам.</p>	Три целых и один фрагмент глиняных статуэток срезались. типа

Таблица 2. Сосуды из «вытянутых» погребений
(продолжение).

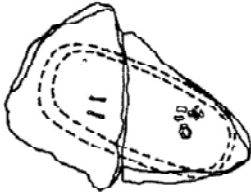

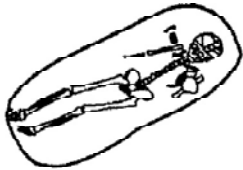
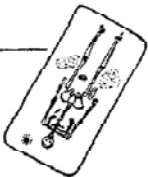
				Высота сосулика 6 см, диаметр венчика 3,7 см (Рис.14,9).	
15	г. Орджоникидзе, Никопольский р-н, Днепропетровская обл., группа Чкаловская, р. Днепр.	3/11		Округлодонный лепной сосуд небольших размеров, с округлыми плечиками и коротким слегка отогнутым венчиком. Тонкостенный, тесто слоистое, без видимых примесей. Верхняя часть украшена прочерченным орнаментом: под венчиком - пятью горизонтальными рядами, от которых на плечики до их максимального диаметра, спускаются вертикальные прочерченные линии, снизу ограниченные одной горизонтальной. Высота сосуда 6,9 см, диаметр венчика 5,1 см (Рис.14,10).	Фрагмент глиняной статуэтки серезлиев. типа.
16	с. Осокоровка, Нововоронцовский р-н, Херсонская обл., р. Днепр.	Раскоп П/7		Лепная полусферическая чаша со слегка загнутым внутрь краем венчика. Дно не сохранилось, но, вероятно, было округлым. Поверхность темно-серого цвета, заглажена. Высота 4,7 см, диаметр венчика 6,5 см (Рис.15,5).	Бронзовая (?) подвеска.
17	с. Широкое, Криворожский р-н, Днепропетровская обл., р. Ингулец.	1/18		Лепной округлодонный сосуд с высоким, расширяющимся горлом, в основании которого отмечается желобок в виде неглубокой проглаженной полосы, отделяющей горло от округлого тулова. Поверхность розоватая, с темнокоричневыми пятнами, заглажена. В тесте - примесь мелкотолченой ракушки. Высота сосуда 12,4 см, диаметр венчика 9 см (Рис.14,11).	Глиняная статуэтка серезлиев. ск. типа.
18	с. Валовое, Криворожский р-н, Днепропетровская обл., р. Боковая.	1/5		У черепа отмечены следы истлевшего деревянного сосуда, диаметром около 12 см	Нет

Таблица 2. Сосуды из «вытянутых» погребений
(продолжение).

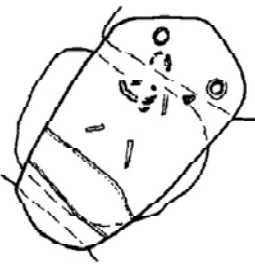
19	с. Чечелиевка, Петровский р-н, Кировоградская обл., р. Ингулец.	1/3		<p>Лепной сосуд, с широким раздутым биконическим туловом, небольшим плоским дном и с прямым, слегка расходящимся горлом, которое отделено уступом от тулова. Поверхность красного цвета, ангобирована, в тесте примесь мелкоструктурного песка. Высота сосуда 14 см, диаметр венчика 9 см, тулова 19 см, дна 4,6-5 см (Рис.15,1).</p>	Нет
20	г. Кировоград, р. Ингул		<p>Два скелета, на животе и груди одного из них находился детский костяк, а в его головах стоял небольшой горшочек. Скелеты лежали в вытянутом положении на правом боку, наискось, головами на З, очень близко один от другого. Правый лежал не прямо на боку, а скорее в поворота, на спине, с лицом повернутым к левому, череп которого правым виском лежал на зсмис и несколько ниже черепа правого, причем правая рука правого находится параллельно левой другого. Левая рука правого согнута в локте, протянута к горшочку в головах ребенка. Правая рука правого вытянута. Колени правого почти соприкасались, ступни фалангами направлены к левому костяку. Левая нога левого вытянута, ступня служит продолжением ноги на одной линии, правая повернута внутрь. Скелет ребенка лежал лицом вверх, в вытянутом положении, голова - у правой груди взрослого, где стоял горшочек. Под скелетом ребенка, у взрослого недоставало много костей: ребер, позвонков, конечностей рук (фаланг).</p>	<p>Небольшой круглодонный сосудик из черной, плохо обожженной глины, правильной формы и с довольно толстыми стенками, с налетом сажи, орнамента никакого. Высота 6,2 см, диаметр венчика 7 см (Рис.14,4).</p> <p>(Описание материалов дано по отчету: Рябов П.З. Раскопки курганов, произведенные П.З. Рябовым в мае 1916 года в Александрийском и Елисаветградском уездах // Научный архив ИА НАН Украины, фонд ВУАК, №109/9-а; 9-в, с. 13-18).</p> <p>(Чертежи отсутствуют, но представлены фотографии погребения и сосуда. На последнем виден орнамент из трех горизонтальных рядов двухзубчатого штампа по невысокому отогнутому горлу и неясно, почему об этом не написал автор раскопок). Неясно и положение ребенка, так как костяк сильно разрушен. Если основываться на четырех фотоизображениях погребения, то детский скелет мог быть и скорченным, видимо, на левом боку. На обратной</p>	Нет

Таблица 2. Сосуды из «вытянутых» погребений (продолжение).

				стороне стр.12 Отчета есть небрежный и неточный карандашный набросок сосуда.	
21	с. Ермолаевка, Первомайский р-н, Николаевская обл. р. Сухой Ташлык.	1/погр.	Скелет потревоженный распашкой, находился на незначительной глубине, лежал на спине, в вытянутом положении, головой на ЮЗ. (Графическая документация отсутствует, так же как и рисунок сосуда).	Сосуд лепной, плоскодонный, с широкими округлыми боками и невысоким венчиком. Изготовлен из желтой глины с примесью половецкой, со слабым неравномерным обжигом и следами пальцев на поверхности.	Каменный проушной молоток.
22	с. Богуслав I, Павлоградский р-н, Днепропетровская обл., р. Самара	23/1		Сосуд лепной с приотстранным дном и высоким расширяющимся горлом, внешняя поверхность которого покрыта вертикальными расчесами. Плечики округлые, внешняя поверхность серо-коричневого цвета, в тесте обильная примесь ракушек. Высота сосуда 15 см, диаметр венчика 13,5 см (Рис.14,6).	Медные трубчатые пронизи, ф-нты керамики из тризны, во рву.

кой культуры», но в некоторых случаях упомянуто также его сходство с вышеописанным сосудом (Ковалева 1980: 45; 1984: 24). Мнение о близости с остродонными кубками дереивского этапа среднестоговской культуры было высказано и в отношении третьего сосуда (Ковалева 1979: 66). Еще один сосуд с территории Орельско-Самарского междуречья был найден позже — с.Богуслав I, кург.23, погр.1. По формообразующим признакам этот сосуд также сопоставлялся авторами публикации с керамикой позднего этапа среднестоговской культуры, то есть, надо предполагать, с дереивским этапом, хотя при этом отмечались некоторые элементы (вертикальные расчесы по горлу и характер обработки поверхности), соответствующие керамике из Капуловского могильника, погр.40 (? — Ю.Р.) и «памятников типа Грушевка-Соколовка-Облои» (Андросов и др. 1991: 17).

Д.Я.Телегин основным аргументом при определении культурной принадлежности «вытянутых» погребений использовал 10 целых сосудов из погребений, которые были им разделены на два типа с двумя подтипами каждый (Телегин 1987: 23-24):

- первый тип (4 сосуда) — остродонные сосуды удлинённых пропорций с ровными (Млынок) — подтип 1а или плавно отогнутыми высокими венчиками (Кабаки, кург.2, погр.1; Верхняя Маевка XIV, кург.3, погр.3; Спасское³⁷) — под-

тип 1б. Сосуды без орнамента, поверхность хорошо заглажена, хотя есть и с расчесами (Млынок, кург.44, погр.10);

- второй тип (3 сосуда) — высокогорлые, с округлым туловом и дном, переход от тулова к шейке отмечен переломом (с. Широко, кург.1, погр.18; Орджоникидзе, кург.3, погр.11 и 25). Поверхность сосудов хорошо заглажена и подложена, один орнаментирован прочерченным орнаментом.

Отдельно упомянут плоскодонный ребристый сосуд из с.Верхняя Тарасовка³⁸ (Телегин 1987: 24).

В соответствии с этой весьма условной и противоречивой типологией и предположением, что, несмотря на общую типологическую близость, не только оба типа керамики, но и их подтипы, имеют различное происхождение и генетические связи, Д.Я.Телегин распределяет погребения по известным культурам. Так, сосуд подтипа 1а — Млынок, кург.44, погр.10 находит ближайшие аналогии среди керамики поселения Дереевка, что свидетельствует о принадлежности отдельной группы «вытянутых» погребений к «поздним проявлениям среднестоговской культуры в Поднепровье и на соседних территориях». Именно здесь привлекаются, как я отмечил выше, и находки отдельных фрагментов керамики из тризн: Млынок, 44/8; Зимогорье, 2/3; Булаховка III, 1/1; Верхняя Маевка XVIII, 2/6; Спасское XI, 3/14, а также фрагмент «дереивс-

кой керамики» возле разрушенного погребения у с.Вильногрушевка, кург.2 (Телегин 1987: 24). Сосуды типа 1б указывают на принадлежность другой части «вытянутых» погребений к раннеямной культуре, так как эти сосуды находят аналогии среди керамики второго слоя Михайловки на Днепре и даже Быково-Бережновка на Волге (Телегин 1987: 24). Подтверждение этому тезису Д.Я.Телегин видит и в находках костяных фигурных пронизях в ямных погребениях, в частности, с. Князево, 1/9, что абсолютно неверно, так как последнее относится к одной культуре с «вытянутыми» погребениями, представляя специфическую разновидность единой обрядовой традиции (погребальная группа II-C по Рассамкину 1993; Levine, Rassamakin et al. 1999: 73, Fig.3.4; см. также: Андросов и др. 1991: 16; Евдокимов, Рассамкин 1992: 115).

Сосуды второго типа, на примере погребений из с.Широкое, курган 1, показывают, по мнению Д.Я.Телегина, принадлежность третьей группы «вытянутых» погребений к широчанско-баратовскому этапу развития памятников нижнемихайловского типа (Телегин 1987: 25-26).

Предложенный подход Д.Я.Телегина не мог быть принят в силу ошибочности методического подхода, поскольку полностью игнорировалось безусловное обрядовое и территориальное единство «вытянутых» погребений, прежде всего, в тех географических рамках, откуда происходила упомянутая керамика. Сближение керамики с ямной культурой совершенно не имело оснований. Наличие же сосудов, сближаемых с памятниками нижнемихайловского типа и наличие на Правобережье Днепра обрядовых различных групп погребений требовало поиска других аргументов для объяснения этого феномена, тем более, что в Ореле-Самарском междуречье такой ситуации не наблюдалось. Направление поиска объяснения сложившейся ситуации на Правобережье было к этому времени уже предложено (Николова, Рассамкин 1985), но, по непонятным причинам, проигнорировано. Автор этих строк несколькими годами позже предложил даже для позднеэнеолитических памятников Правобережья термин «днепро-бугская позднеэнеолитическая группа» (Рассамакин 1988: 20-21). Это было не столько альтернативой широчанско-баратовскому этапу нижнемихайловских памятников, сколько заявка на принципиально другой подход к решению проблемы³⁹.

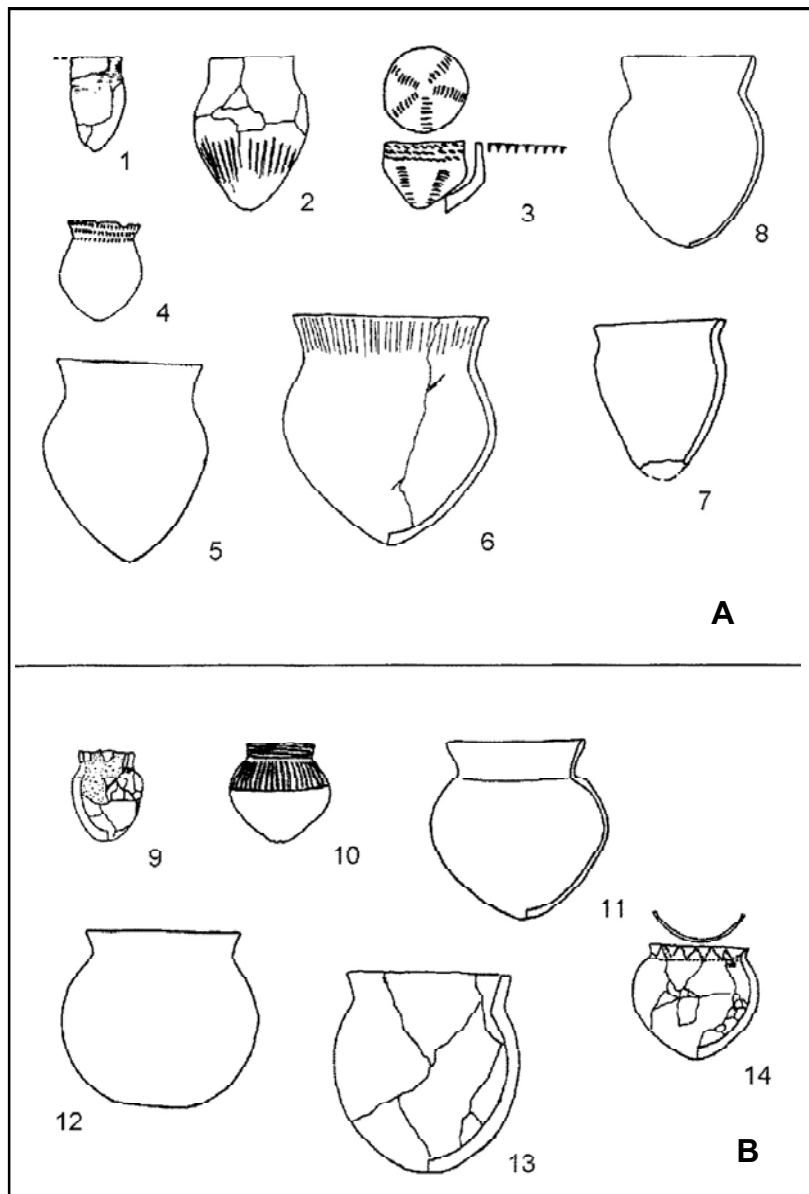
В настоящее время, используя, по сути, те же источники, но уже на фоне признания концепции И.Ф.Ковалевой относительно постмариупольской культуры, Д.Я.Телегин опять упоминает около десяти сосудов, пять из которых уже не могут быть квалифицированы как принадлежащие какой-нибудь из известных культур: Млынок, 44/10; Кабаки, 2/1; Орджоникидзе, гр.Чкаловская, 3/11 и 25, а также Игрень 1 (раскопки Д.Я.Телегина 1986 г.). Следовательно, первый

из этих сосудов уже не поздний среднестоговский, второй не ямный или раннеямный, два следующих — не нижнемихайловские. В то же время, все эти сосуды по форме напоминают среднестоговскую керамику и сосуды нижнемихайловского типа, но отличаются удлинёнными пропорциями, S-видным профилем и почти у всех отсутствует ракушка в тесте (так ли? — Ю.Р.). Именно эти сосуды исследователь называет принадлежностью постмариупольских погребений (Телегин 1999: 63-64), которые, надо полагать, и определяют культурный облик последних. Правда, Д.Я.Телегин оговаривает, что форма этих сосудов могла быть «наследованием нормам керамической технологии» среднестоговской и нижнемихайловской культур, так как керамика в постмариупольских погребениях отсутствует (Телегин 1999: 64). Но она отсутствует и в погребениях «среднестоговской» культуры. Во всяком случае, в могильниках типа Игрень, Деревка, Новоданиловка, Кайнары чаще представлена трипольская или другая импортная керамика земледельческих обществ. Только с появлением погребений нижнемихайловской культуры распространяется традиция помещения посуды в погребения, и особенно эта традиция распространяется в позднем энеолите, на фоне распространения позднейших трипольских и майкопских элементов (т.е. как исходная земледельческая погребальная черта).

Рассматривая приведенную в таблице 2 сводку сосудов, можно констатировать сложность их однозначной интерпретации (рис. 14-15). В оценке этих сосудов автор всегда стоял на позициях, близких к точке зрения И.Ф.Ковалевой, поскольку не рассматривал их в качестве культуроопределяющих для «вытянутых» погребений, пытаясь составить для них общие типологические ряды с сосудами из других групп погребений (Рассамакин 1987: 39-40; 1993: 6). Только на этом фоне можно придти к следующим выводам:

1 — среди сосудов в «вытянутых» погребениях можно выделить несколько условных групп, две из которых представлены круглодонными формами, а одна плоскодонными. Первая группа, при всех условностях, имеет черты, которые действительно сближают ее с керамикой дереивского типа — это высокие горловины, специфическое тулово с острым дном (рис.14,А). Наиболее выразительными из них являются два сосуда из с. Млынок, 44/8 и 10. Особенно выразителен первый из них, слабопрофилированный, с неаккуратно нанесенными горизонтальными рядами оттисков гребенчатого штампа (рис.14,1). Второй сосуд также близок к дереивскому, включая форму, характер теста с примесью ракушки и обработку поверхности полосчатым сглаживанием (рис.14,2). Еще два сосуда также близки так называемым «среднестоговским». Сосудик из погребения в кромлехе 2 у Нижней Хортицы не противоречит дереивской интер-

Рис.14. Сосуды из «вытянутых» погребений. А — группа с дереивско-квитянскими признаками: 1 — с. Млынок, 44/8 (прорисовка фото в отчете, масштаб по фото); 2 — с. Млынок, 44/10 (прорисовка фото в отчете, масштаб по фото); 3 — с. Нижняя Хортица, кромлех 2; 4 — г. Кировоград (рисунок по фото в отчете); 5 — с. Кабаки, 2/1 (по Телегину, 1987); 6 — Богуслав, 23/1 (по Андросову и др., 1991); 7 — с. Верхняя Маевка XIV, 1/16 (по Ковалева и др., 1977); 8 - с. Верхняя Маевка XIV, 3/3 (по Ковалева, 1984); группа В — группа нижнемихайловского типа: 9 — г. Орджоникидзе, гр. Чкаловская, 3/25; 10 - Орджоникидзе, гр. Чкаловская, 3/11; 11 — с. Широкое, 1/18; 12 — Константиновка, 1/1; 13 - Орестополь, 3Б/2; 14 — Орестополь, 3А/5 (по Ковалева, 1986).

претации (рис.14,3), а вот сосуд из Кировограда требует поиска более точных аналогий (рис.14,4)⁴⁰. Орнамент, которым он украшен — три ряда дуговидного двузубчатого штампа, имеет прямые соответствия в орнаментации керамики из Деревки, но он отсутствует на керамике из Стрильчей Скелы и Среднего Стога 2.

Еще несколько сосудов из «вытянутых» погребений напоминают также дереивские формы: Кабаки, 2/1 и Богуслав, 23/1, возможно, также и Верхняя Маевка XIV, 1/16 и 3/3 (рис.14, 5-8)⁴¹. Важно отметить, что подобная серия сосудов, с элементами, которые больше всего соответствуют дереивской керамике, нам не известна в других группах энеолитических погребений.

Вторую группу округлодонных сосудов я мог бы назвать импортом или же влиянием более южных, «нижнемихайловских» традиций, так как эта посуда распространена в той области, где

«вытянутые» погребения представляют лишь часть смешанных локальных явлений (рис.14,В). Это хорошо видно на примере Днепро-Бугской позднеэнеолитической группы. Среди этих сосудов встречен, например, сосуд, который изготовлен из глины, аналогичной глине серезлиевских статуэток, найденных в том же погребении (Орджоникидзе, гр.Чкаловская, 3/25) (рис.14,9). Возможно, это же относится и ко второму сосуду из другого погребения этого же кургана (3/11) (рис.14,10).

Сосуды, характерный образец которых представлен в с.Широком (рис.14,11), имеют сейчас уже более широкий круг аналогий, чем раньше (Николова, Рассамакин 1985; Рассамакин 1988; 1993), и эти сосуды можно считать наиболее устойчивым общим типом позднеэнеолитической посуды, который чаще всего сопоставляют с азово-черноморской линией развития степного энеолита, по терминологии В.Н.Даниленко. Новым

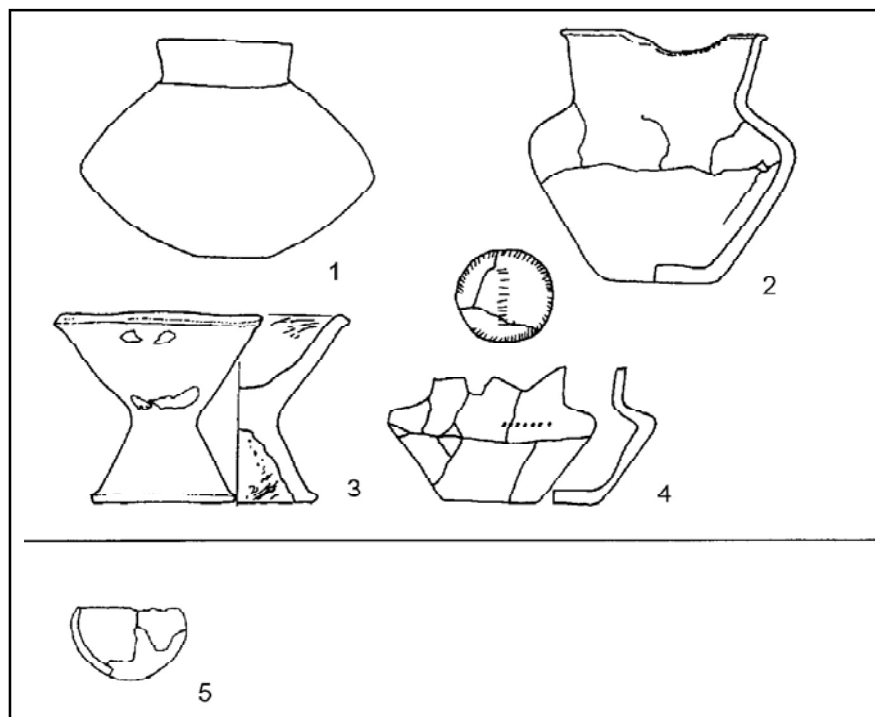
ярким примером могут быть и публикуемые здесь сосуды из Каменки-Днепровская, 8/12 (рис.8, 5,6). Наиболее представительная серия сосудов этого типа (группа VII) найдена в погребениях животиловско-волчанского типа (Rassamakin 1996: Fig.5). Другая часть представлена в нижнемихайловских погребениях (Николова, Рассамкин 1985). Есть основания рассматривать эту группу керамики изначально чуждой «вытянутым» погребениям, что вполне согласуется с мнением И.Ф.Ковалевой. Появление этой керамики фиксируется, с одной стороны, в контактной или в прилегающей к территории распространения нижнемихайловской культуры зоне, а с другой, в зоне распространения животиловско-волчанских комплексов (Rassamakin 1996). Относительно последних, важное значение имеет третья группа сосудов из «вытянутых» погребений.

Эта группа представлена плоскодонными сосудами, но это единственная черта, которая их объединяет (рис.15). Сосуд из Чечелиевки (рис.15,1) полностью соответствует биконическим сосудам, известным исключительно в погребениях животиловско-волчанского типа (Ковалева 1991; Rassamakin 1996: Fig. 4, group II), но без пролощенного или прочерченного орнамента на плечиках или шейке. Интересно, что именно с этими сосудами имеют формальное сходство некоторые сосуды предшествующей группы, особенно, сосуд из Орджоникидзе, гр. Чкаловская, 3/25. Он очень близок по форме, включая профиль тулова, близкого к биконичности, и наличием уступа в основании горла. Автор отмечал уже эту особенность и предполагал, что появление второй группы сосудов могло быть связано непосредственно с распространением

животиловско-волчанских комплексов (Рассамакин 1988: 22). Но это более широкая тема, которая связана еще и с такими проблемами, как распространение майкопско-новосвободненских и позднетрипольских гординештских (касперовских) традиций в пантийских степях, которых я здесь касаться не буду. Очевидно, что и сосуд из Новофилипповки, при его своеобразии формы и технологии, также связан с этими процессами (рис.15,2). Остальные два сосуда указывают либо на их импортное происхождение (чаша на полой ножке) (рис.15,3), либо на подражание (биконический сосуд) (рис.15,4). Последний, из Верхнетарасовки, 79/13, несомненно, указывает на влияние форм трипольских кубков (Рассамакин 1979: 40). Но если ранее я предполагал нижнемихайловскую технологию его изготовления, то сейчас я не могу уверенно это утверждать. Технологические признаки этого сосуда вполне сопоставимы, в целом, как с общими «среднепалеолитскими», так, в частности, и с квинянскими признаками, чему косвенно может служить орнамент на дне, нанесенный тонким гребенчатым штампом, включающим в композицию «лесенку»⁴².

Обобщая вышеизложенное, можно утверждать, что для «вытянутых» погребений более свойственны сосуды с ярко выраженными элементами поздней «среднепалеолитской» керамики по традиционной терминологии, а точнее, с элементами керамики дереивского типа и отдельными чертами, свойственными керамике квинянского типа, хотя часть из них несет влияние других культур (лощение или тщательное заглаживание поверхности при отсутствии орнамента). В целом это согласуется с преобладанием в тризнах керамики квинянского типа.

Рис.15. Сосуды из «вытянутых» погребений: 1 — с. Чечелиевка, 1/3 (прорисовка фотографии) (раскопки Н.М.Бокий, 1981); 2 — с. Новофилипповка, «Аккермень I», 13/3; 3 — с. Орлик, 2/1; 4 — с. Верхнетарасовка, 79/13; 5 — с. Осокоровка, раскоп III/7.

3. Проблемы абсолютной и относительной хронологии

Эта проблема рассматривалась в выше упомянутых работах И.Ф.Ковалевой, Д.Я.Телегина, автора данной статьи, а также В.Г.Збеновича (Збенович 1985: 8). Если датировка «вытянутых» погребений периодом Триполье С2 не вызывает сомнений, то определение более раннего периода существования этих памятников носит дискуссионный характер, поскольку отсутствуют для решения этой проблемы надежные аргументы⁴³. Такие находки, как костяные пронизи с боковыми вырезами и мелкие кольцевые бусы из раковин и гагата, которые И.Ф.Ковалева (Ковалева 1984: 34-35; 47), а вслед за ней и Д.Я.Телегин (Телегин 1999: 64-65) рассматривают в качестве доказательства более древней датировки, сравнивая их с неолитическими, не могут служить доказательством. Первые хронологический контекст которых долгое время был неясен (Рассамакин 1988: 18), наконец-то найдены в надежном датирующем контексте, в позднеусатовском погребении, в кургане на правом берегу Днестровского лимана, у с. Садовое (Малюкевич, Петренко 1993). Это полностью согласуется с теми относительными данными для датировки, которые дают другие категории инвентаря — серезлиевские статуэтки, каменные молотки и вещи, обнаруженные вместе с ними: некоторые типы керамики, медные украшения, специфические костяные проколки. Бусы из раковин и гагата соответствуют не неолитическим украшениям, а достаточно многочисленным находкам из усатовских погребений и из погребений животилловско-волчанского типа на широкой территории от Дуная и Прута до Нижнего Дона (Тараклия; Койсуг и др.) (Rassamakin 1996: 115, Fig.6,13-16). Такие бусы найдены в погребениях г.Орджоникидзе, гр. Чкаловская, к.3, п.19 (Николова, Рассамакин 1985) и Виноградное, к.3, п. 41 (Рассамакин 1987: 37, рис. 1,4,10).

Керамика из «вытянутых» погребений также не служит в качестве надежного хронологического репера. Большинство сосудов из погребений и их встречаемость с другими категориями инвентаря не противоречат синхронизации комплексов с периодом Триполье С2. В этом контексте весьма проблематичным выступает глубокая древность, которая приписывается керамике квитянского типа, встреченная в тризнах (Рассамакин 1996). Хотя И.Ф.Ковалева и считала эту керамику слабым основанием для хронологии (Ковалева 1984: 46), тем не менее использовала ее для установления наиболее древнего этапа развития этих памятников, что особенно хорошо видно по анализу находки из Новоалександровки (Ковалева 1991: 36). Я не отрицаю возможность более древнего возраста «вытянутых» погребений, но для определения этой древности мы не имеем данных. В целом же, если рассматривать «вытянутые» по-

гребения в рамках цельного самостоятельного явления (постмариупольская культура или квитянская культура), мы должны признать его относительно поздний энеолитический возраст, для углубления которого сейчас существует не так уж много возможностей:

- первое — поиски истоков керамики квитянского типа, что может привести к углублению датировки, но не ранее этапа Триполья В2. Здесь важное место может сыграть анализ развития неолитических культур Черкасского Поднепровья и лесостепного Левобережья Днепра, хронология которых определяется керамическими импортами Триполье В1 и В1/В2 (Палагута 1994; Титова 1994; неопубликованные исследования

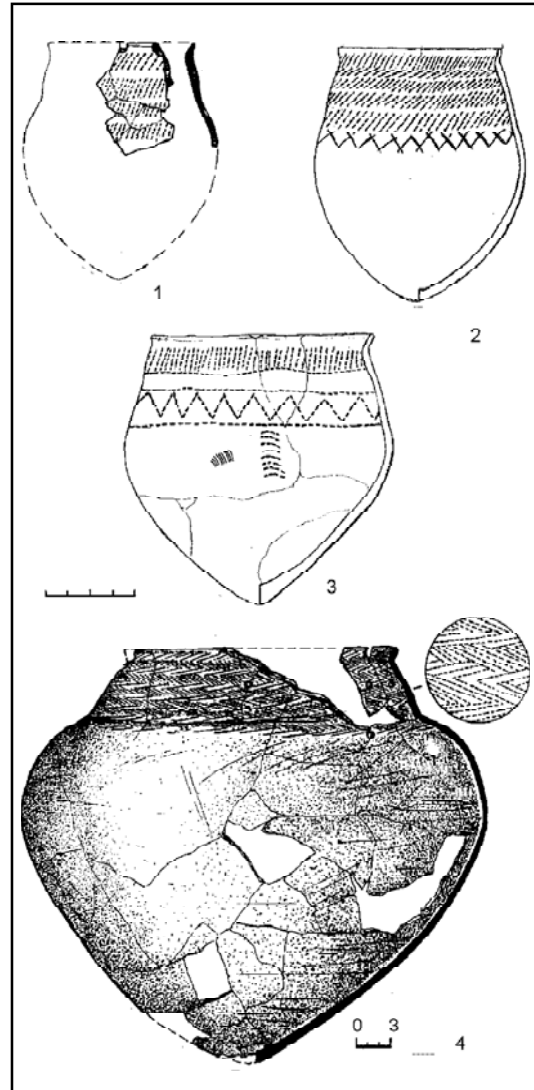
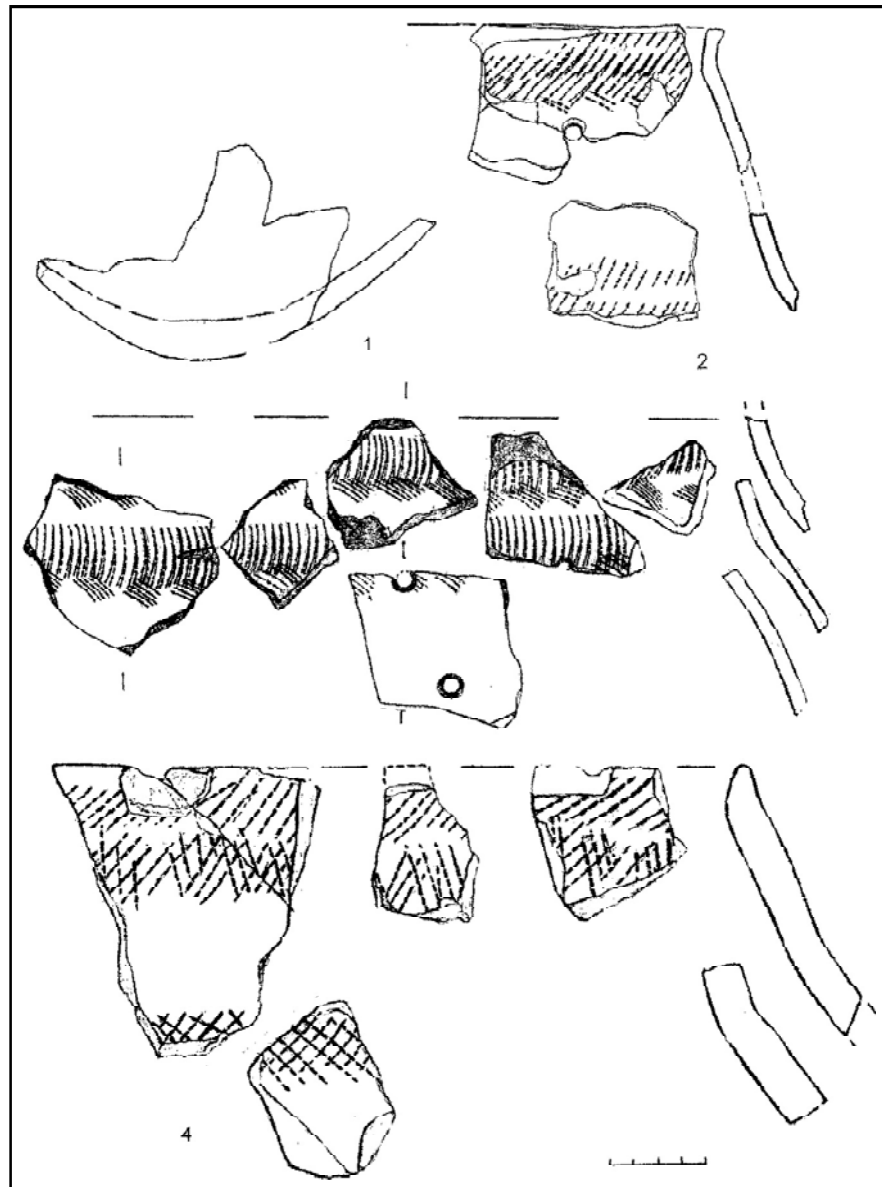

Рис.16. Сосуды квитянского типа; 1 — Вовниги 5, закладка 1 (ракопки А.В. Бодянского, 1964); 2 — г. Чигирин (случайная находка); 3 — балка Майорка (погребений, разведки А.В.Бодянского, 1958?); 4 — с. Черешневое, балка Бугаева, шурф (ракопки и рисунок В.А.Самара, 1993).

Рис.17. Керамика квинянского типа (находки развалов отдельных сосудов): 1-2 — с. Нижняя Хортица, ур. Соловьиная Роща (раскопки Н.С.Котовой и Ю.Я.Рассамакина, 1990); 3 — с. Вознесенка II (разведки Каховской экспедиции ИА НАНУ, 1970); 4 — Серогозская балка, ЮЗ-VII (разведки Каховской экспедиции ИА НАНУ, 1970).

А.Деткина). Эта территория частично накладывается на зону распространения «вытянутых» погребений в курганах и собственно квинянской керамики⁴⁴.

• второе — определение более точной датировки двух упомянутых выше сосудов: 1) чаши на ножке из с.Орлик, 2/1 (Лугова, Рассамакин 1985); 2) биконического сосуда из с.Верхнатарасовка, 79/13 (Николова, Рассамакин 1985). Первый пока достаточно сложно, если вообще возможно, сопоставить более точно, чем дано было в публикации (Лугова, Рассамакин 1985: 55-56), но исходя из синхронизации трипольской культуры с культурами Карпатского региона, вполне возможно, что можно будет говорить о времени не позднее Триполье С1. Второй сосуд, как и предполагал автор первоначально (Рассамакин 1979; Николова, Рассамакин 1985), близок по форме к трипольским биконическим кубкам, которые наиболее широко были рас-

пространены в период Триполье С1, Триполье С1/С2 и известны также в погребениях других степных культур, например в Серезлиевке, к.4, могильнике Игрень 8, погр.7-8 (раскопки М.А.Миллера), погребения на Южном Буге из раскопок О.Г. Шапошниковой — Прибужаны, 4/19; Константиновка II, погр.14, известные комплексы из Кошар и Хаджидер (Петренко 1993), а также Коржэуць. Такое сравнение может показаться и неубедительным, но другие варианты пока отсутствуют.

Таким образом, ни одна категория инвентаря из «вытянутых» погребений не дает оснований для их чрезмерного удреждения, особенно до времени хвалынской культуры или так называемого раннего периода среднестоговской культуры, по периодизации Д.Я.Телегина. При всех допущениях, мы не можем сейчас датировать культуру, представленную «вытянутыми» погребениями в курганах, древнее времени Три-

полье С1-С2, предположительно также С1. Это позволяет их синхронизировать с погребениями «нижнемихайловского» типа (группа III, А, В по Рассамкин 1993: рис.1; Levine, Rassamakin et al. 1999: Fig.3.4), но последние имеют более надежные данные для датировки, благодаря импортным сосудам в погребениях времени Триполье В2-С1; С1 (Петренко 1993). Поэтому хронологический приоритет «вытянутых» погребений в курганах по отношению к нижнемихай-

ловским весьма проблематичен (см. Рассамкин 1989; 1993: 7-8; 10; Рассамкин 1990: 71-73; Плешивенко, Рассамкин 1994).

Что касается абсолютных радиоуглеродных дат, то мы имеем здесь катастрофическую ситуацию, поскольку вынуждены использовать даты для синхронных культур, прежде всего, даты для Триполья С2 (Бурдо, Відейко 1998; Levine, Rassamakin et al. 1999: 127-129, Appendix 3.1)⁴⁵.

4. «Вытянутые» погребения и керамика из поселений

Находки квитянской керамики в тризнах «вытянутых» погребений привели к закономерному поиску аналогии этой керамике среди бытовых памятников. Оказалось, что подобных находок больше, чем, например, памятников с керамикой типа Средний Стог 2 и Стрильча Скеля, но они не представлены насыщенными и хорошо изученными слоями. Их территориальное рас-

пределение позволяет сделать некоторые важные выводы. То, что бытовая квитянская керамика аналогична найденной в тризнах, а также отдельным находкам сосудов, не вызывает сомнений. Об этом свидетельствуют не только устойчивые особенности формы и технология, но также техника нанесения и композиционные мотивы орнамента (рис.3;16-18). В свое время

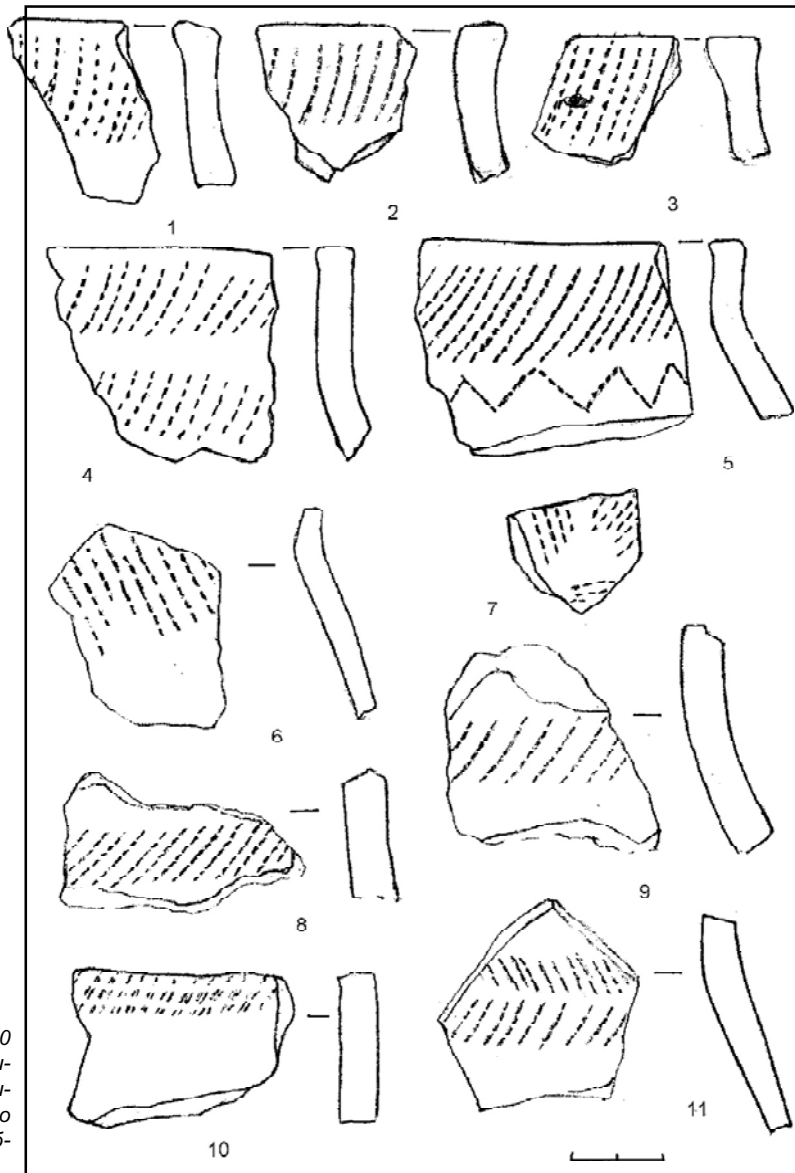
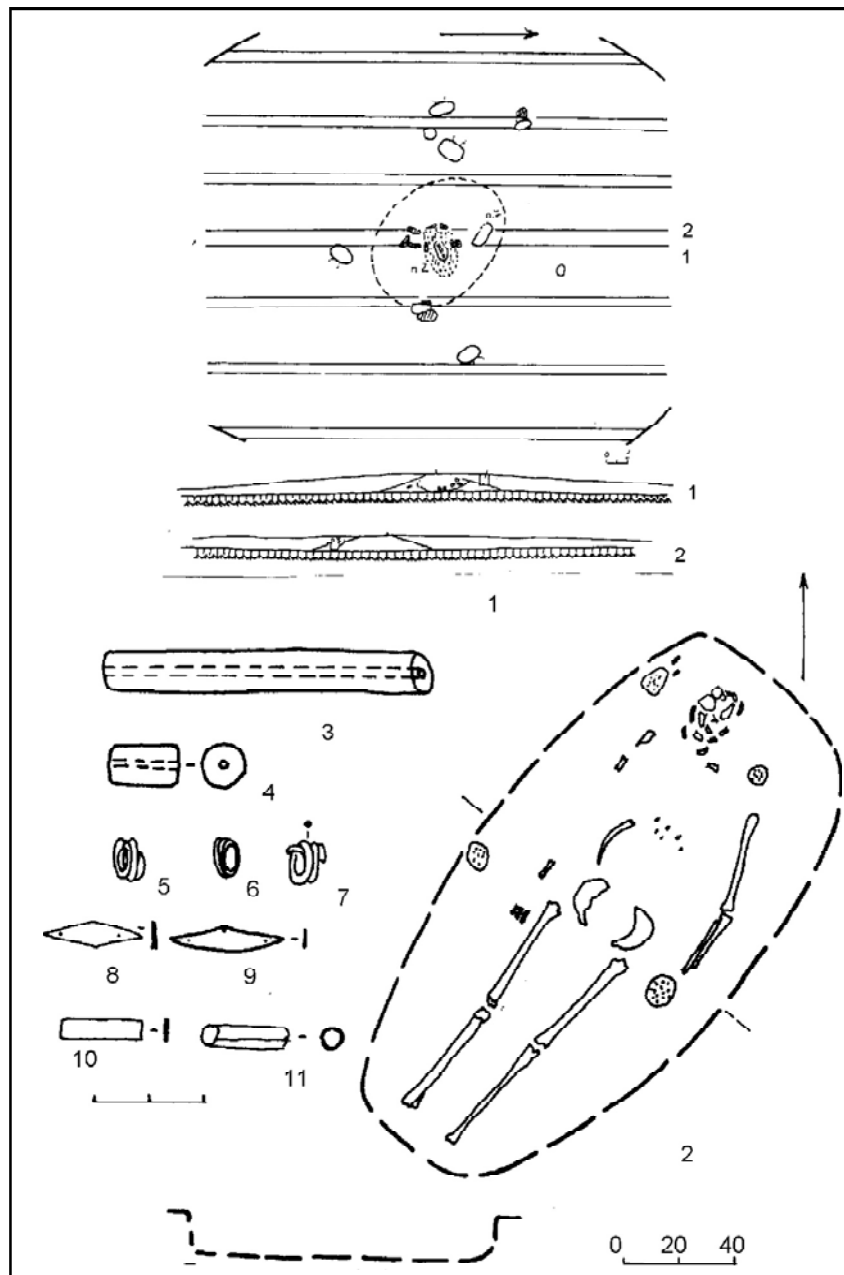

Рис.18. о-в Виноградный: 1-10 - фрагменты сосудов квитянского типа (часть рисунков представлена по рисункам в отчете А.Добровольского, 1929-30).

Рис.19. с. Любимовка I, 3/2: 1 — общий вид и профили бровок кургана 3 с культовой площадкой; 2 — план погр.2; 3-11 — находки из погребения: 3,4 — «прони-зи» из розовой охры; 5-7 — спиралевидные медные пронизи; 8-9 — нашивные медные пластинки; 10 — медная пластинка; 11 — медная трубчатая пронизь (раскопки Запорожской экспедиции ИА НАНУ, Рассамакин Ю.Я., Отрощенко В.В., Ляшко С.Н., Кравченко С.Н., 1982).

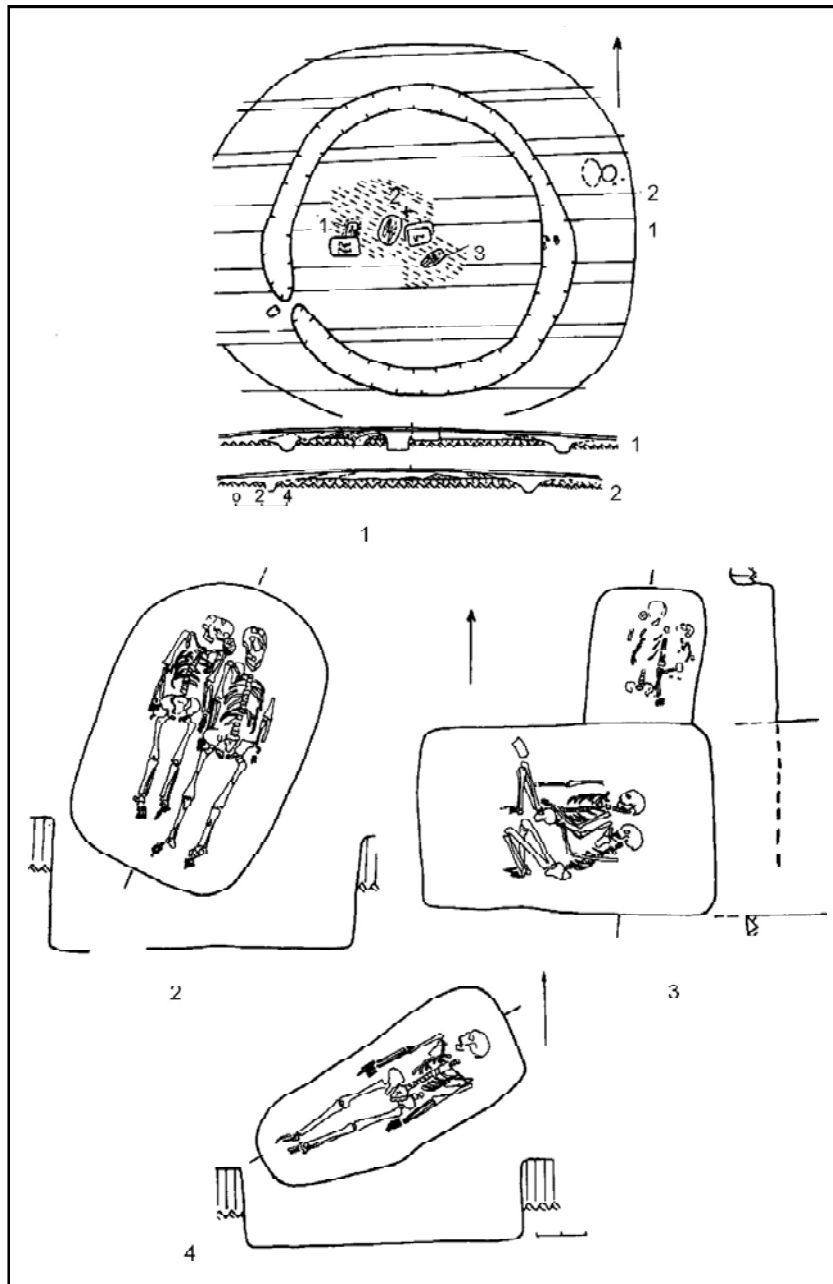

Д.Я.Телегин очертил территорию распространения керамики майорско-квитянской группы — Поднепровье от Каховки до Тясьмина и Приазовье — поселение Раздольное (Телегин 1973: 83-85). Сейчас эта территория может быть уточнена и расширена на основании находок из бытовых памятников до Присивашья на юге (Вознесенка II), бассейна Северского Донца на северо-востоке (Серебрянское поселение и др., раскопки последних лет С.Н.Санжарова) и почти широты Канева на севере (Келеберда, раскопки 1928-29 гг.). К сожалению, эта информация, за редким исключением, получена либо по находкам отдельных развалов сосудов или их фрагментов, либо по находкам фрагментов на многослойных поселениях без четкого распределения находок по слоям. Но я бы отметил

здесь важную особенность. Керамика квитянского типа отсутствует среди известных мне материалов на поселениях Средний Стог, Стрильча Скеля, Александрия, Молухов Бугор. Лишь несколько фрагментов представлено в Деревке. Территория распространения этой керамики не соответствует распространению других керамических групп, но в определенной степени напоминает характер распространения керамики репинского типа, найденной отчасти самостоятельно, а отчасти на поселениях с керамикой других типов.

Если сравнивать основную территорию распространения керамики квитянского типа с территорией распространения «вытянутых» погребений, то нетрудно заметить совпадение обоих ареалов⁴⁶. При этом я исхожу прежде всего из

Рис.20. с. Сергеевка II, курган 1: 1 — общий вид и профили кургана со рвом; 2 — погр.2 с медной (?) пластинкой; 3 — погр.1; 4 — погр.3 с медными (?) пронизьями (раскопки Херсонской экспедиции ИА НАНУ, Кубышев А.И., Шилов Ю.А., 1984).

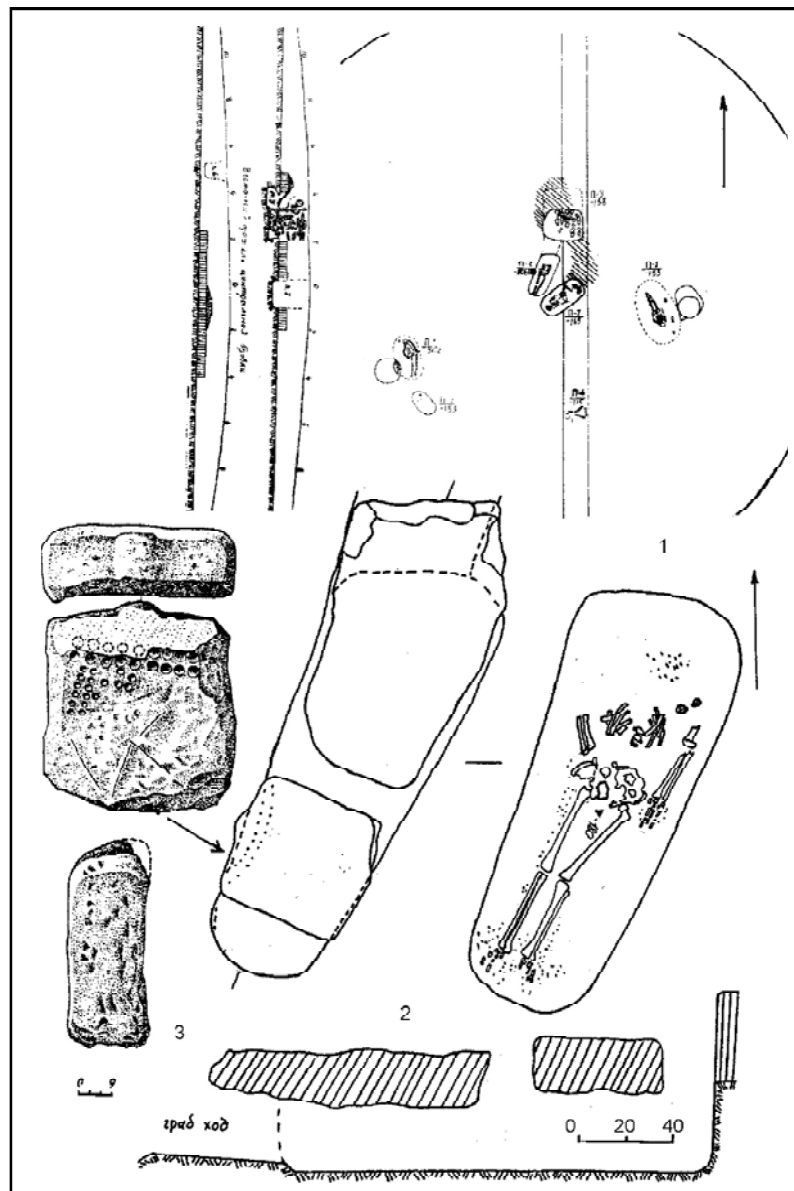

разделения территории распространения «вытянутых» погребений на основной ареал или ядро культуры и ее периферию. Система ядра и периферии культуры хорошо видна по концентрации погребальных комплексов и распределению того комплекса признаков, который был неоднократно описан для такого явления, как «вытянутые» погребения (Ковалева 1984: 4-53; 1992: 75; Рассамкин 1993: 5-6, 9-10; Рассамкин 1997: карта; Levine, Rassamakin et al. 1999: Fig.3.2a). На юго-востоке эта граница теряется в районе р.Кальмиус, и на Нижнем Дону мы, по существу, не знаем группы аналогичных памятников, за исключением нескольких плохо опубликованных погребений. Здесь не известна и классическая керамика квитянского типа, хотя возможно она не опубликована. Правда, близ-

кие формы известны среди керамики Константиновского поселения, судя по описанию автором раскопок морфологических особенностей первой группы сосудов, подгруппы А, а именно, со слегка вздутым горлом, несколько стянутым по отношению к сферическому тулову и слабоокруглым дном, со слегка отогнутой закраиной устья и украшенных рядами косых гребенчатых оттисков или шнуровым орнаментом (Кияшко 1994: 41, Рис.17,4,5).

На северо-востоке, в бассейне Северского Донца, границу распространения погребений маркируют комплексы Зимогорье, 2/2-3 (Славносербский р-н, Луганская обл.) и Николаевка, 2/8 (Станично-Луганский р-н, Луганской обл.). На севере, в Поднепровье, наиболее северные погребальные памятники представлены на ле-

Рис.21. с. Первомаевка I, курган 2: 1 — общий план и профили бровок кургана; 2 — погр.2; 3 — каменная стела с перекрытия погр.2 (раскопки Краснознаменной экспедиции ИА НАНУ, Евдокимов Г.Л., 1981).

вом берегу комплексами между реками Псел и Сула: курган 1 «Цегельня», погр.1 (Кременчугский р-н, Полтавская обл.) и Кагамлык 1/3 (Глобинский р-н, Полтавской обл.), а на правом — комплексами в курганах Большая Андрусовка, 1/1 (Ново-Георгиевский р-н, Кировоградской обл.) и Павлыш, 1/3 (Онуфриевский р-н, Кировоградской обл.). На юге представлены два комплекса: Маячка, 1/2 и Сергеевка, 1/1,2,3 (Новотроицкий р-н, Херсонской обл.). На западе, сохранение набора признаков еще можно наблюдать в лесостепном пограничье бассейна Южного Буга: Серезлиевка, курган 7 (Новоархангельский р-н, Кировоградской обл.); Ермолаевка, курган 1 (Первомайский р-н, Николаевская обл.), а также южнее: Петропавловка, 1/4, 6 (Братский р-н, Николаевская обл.), но в Днестро-Прутском междуречье и в низовьях Дуная этот комплекс признаков теряется, хотя появление костяных фигурных пронизей в упомяну-

том уже позднеусатовском погребении на Днестровском лимане у с.Садовое и наличие специфического сосуда в Усатовском грунтовом могильнике 2, погр.7-8 (Дергачев, Манзура 1991: 119-120, рис.74,16), имеющий сходство не только с Деревинской, но и, особенно по форме тулова, с квинтянской керамикой, указывают на возможное проникновение в эту зону населения с «вытянутым» обрядом.

В целом, распространение бытовых комплексов с керамикой квинтянского типа охватывает ту территорию, где для «вытянутых» погребений неизменно представлен не только весь комплекс обрядовых признаков, но и основной, определяющий набор погребального инвентаря: костяные фигурные пронизы, медные украшения, керамика в погребениях с дереивско-квинтянскими элементами, тризны с квинтянской керамикой, окраска розовой охрой, наличие формованных кусков такой же охры. Северная граница распростране-

ния «вытянутых» погребений еще точно не обозначена, поскольку эта территория слабо изучена, но раскопки последних лет позволяют смещать эту границу все дальше к северу. Это не удивительно, так как необходимо найти объяснение наличию специфических каменных молотков в двух разнокультурных комплексах вдоль Днепра — в могильниках софиевского типа и в «вытянутых» погребениях. Поэтому я не вижу противопо-

речия между несколько более северным расположением бытовых находок из Келеберды по отношению к самым северным из известных сейчас в Поднепровье погребениям.

Таким образом, я считаю, что бытовые памятники с керамикой квитянского типа и «вытянутые» погребения (ядро их распространения) с аналогичной керамикой в тризнах составляют один культурный комплекс.

5. «Вытянутые» погребения и керамика квитянского типа в системе «среднеэнеолитических древностей»

Не вдаваясь дальше в более подробное описание истории изучения данной проблемы, я бы хотел здесь выделить несколько аспектов интерпретации «вытянутых» погребений и керамики квитянского типа⁴⁷.

Первое — выделить «вытянутые» погребения в самостоятельную культуру изначально не представляло никаких проблем в силу их общей специфики и единства основных признаков, т.е. того, что И.Ф.Ковалева назвала «гомогенностью». В этом смысле не имело принципиального значения, выделять ли их, к примеру, в «особую ингулецкую энеолитическую культурную группу доямного времени» (по Л.П.Крыловой), в «постмариупольскую» культуру (по И.Ф.Ковалевой) или же оставлять эти памятники в рамках отдельной обрядовой группы, как долгое время делал автор данной статьи⁴⁸. Относительно изучения этих погребальных памятников в рамках самостоятельного явления у автора данной статьи также не было сомнений. Главная проблема заключалась не в механическом выделении новой культуры наряду с уже существующими, а в определении того общего культурно-хронологического контекста, в котором их нужно было рассматривать, хотя первоначально для этого использовалась азово-черноморская линия развития, согласно модели В.Н.Даниленко. Тем не менее, главная задача все же свелась к пересмотру уже существующих моделей и традиционных общих представлений о некоторых культурных явлениях, которые по непонятным причинам считались вне критики. Речь идет прежде всего о среднеэнеолитической культуре (Рассамакин, Будников 1993: 135-137; Рассамакин 1997; Рассамакин 1994; Рассамакин 1994: 31-33; 1999: 59-73; Levine, Rassamakin et al. 1999: 59-73). Это тот главный вопрос, который И.Ф.Ковалева не решила, дипломатично стараясь обойти его стороной. Да и для его решения возникли бы проблемы ввиду того, что И.Ф.Ковалева при интерпретации погребений использовала модель В.Н.Даниленко, тем самым автоматически отказываясь или отклоняя модель Д.Я.Телегина. Поэтому, с одной стороны, говорить о среднеэнеолитической культуре было весьма сложно, а совмещать все в одной системе — некорректно. В результате, исследовательница ограничилась весьма выразительной в этом от-

ношении фразой: «Является ли постмариупольская культура в очерчиваемых географических рамках⁴⁹ жизнеспособной единицей или же ей уготовано сыграть роль кратковременного феномена переходного периода? Ответ находится в связи с оценкой места среднеэнеолитической культуры в энеолите изучаемой территории» (Ковалева 1984: 52).

Интересно, что Д.Я.Телегин во второй статье много внимания уделяет различию постмариупольской культуры и среднеэнеолитической, используя это в качестве контраргумента моей позиции (Телегин 1999: 65). Но, с одной стороны, Д.Я.Телегин выступает прежде всего против своей же более ранней позиции; с другой стороны, я никогда не сопоставлял вытянутые погребения со среднеэнеолитической культурой, а скорее даже наоборот. Здесь явно проявляется либо непонимание, либо игнорирование проблемной ситуации и нежелание понять суть разногласий. Очевидно и другое — мы говорим на совершенно различных и несопоставимых языках и исходим из разных методических предпосылок. На мой взгляд, достаточно очевидно, что речь идет о несоответствии новых материалов (да и старых также) модели среднеэнеолитической культуры по Д.Я.Телегину, что, собственно, и подтверждается нынешним противопоставлением последней «вытянутым» погребениям. Правда, чтобы сохранить ее статус, исследователь не признает связь «вытянутых» погребений и тризенной керамики. Если это будет им признано, следовательно, либо «вытянутые» погребения — суть среднеэнеолитическая культура, либо нужно вносить в понимание последней принципиальные изменения.

Итак, если следовать новой позиции Д.Я.Телегина, то «вытянутые» погребения с керамикой из тризн должны составлять часть среднеэнеолитической культуры и образовывать древнейший этап ее развития, что противоречит источникам. Если же выделять погребения в отдельную культуру, что и делает теперь Д.Я.Телегин, то, соответственно, необходимо ставить вопрос о принадлежности керамики из тризн вместе с погребениями к другой культуре, а не объяснять это сосуществованием или влиянием среднеэнеолитической культуры (какой?). Совершенно неправ Д.Я.Телегин и в том, что предлагаемая

мной модель основана на старых материалах. Во-первых, сама постановка вопроса совершенно некорректна и изучение старых материалов может привести к принципиально новым выводам, тем более, что уровень их изученности и публикации оставляет желать лучшего⁵⁰. Во-вторых, сам упрек совершенно необоснован, поскольку появились многочисленные новые материалы, прежде всего, погребальные, но также и бытовые (например, поселения Раздор-

кое и Самсоновское на Нижнем Дону, Семеновка, новые раскопки на Раздольном в Приазовье, на Стрельчей Скеле и Моллюховом Бугре в Поднепровье и др.), которые диктовали необходимость проверки старых и разработки новых концепций. Это не отрицает и сам исследователь (Телегин 1999: 61).

Я изначально поставил проблему следующим образом: в какой степени концепция средне-стоговской культуры соответствует новым

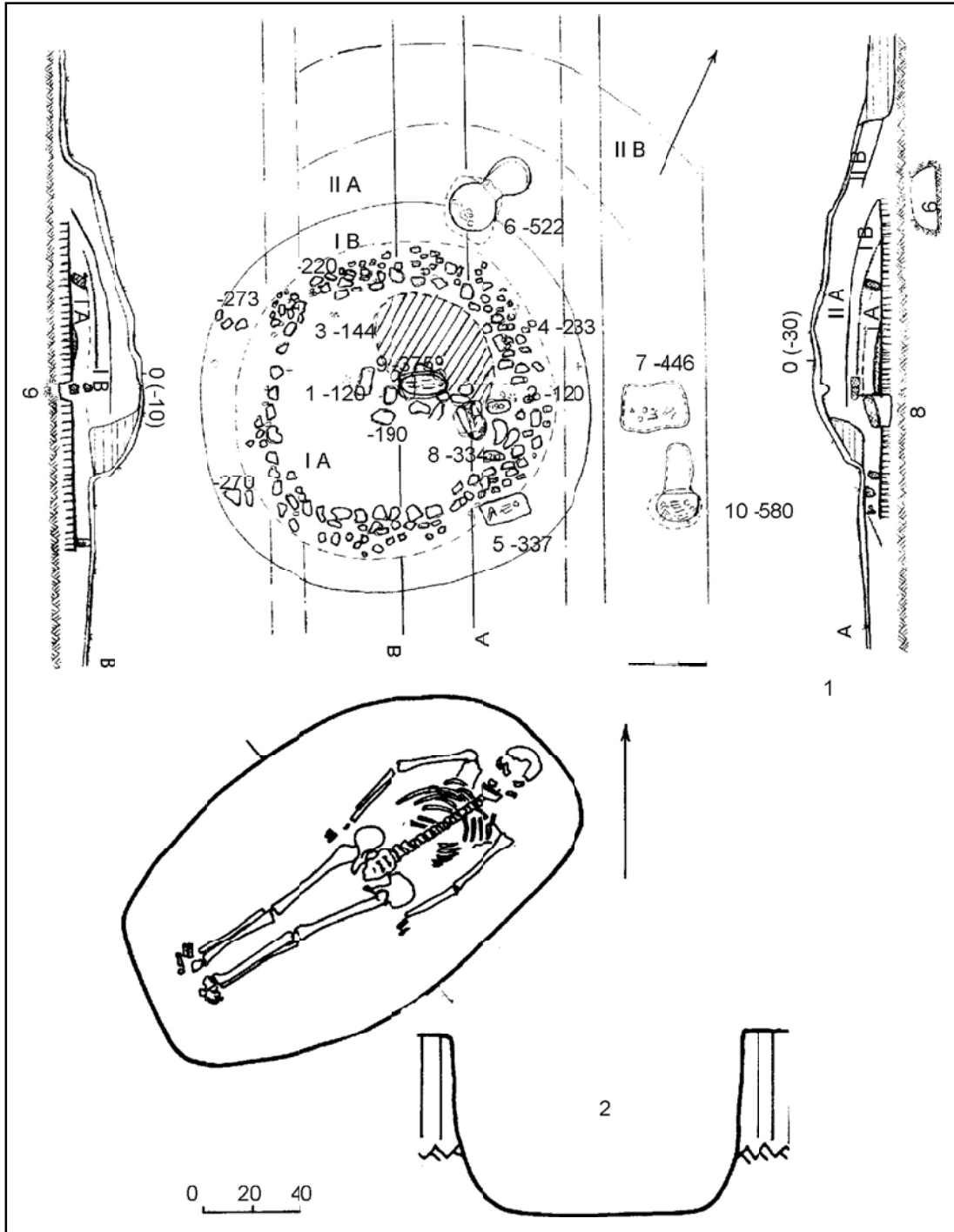
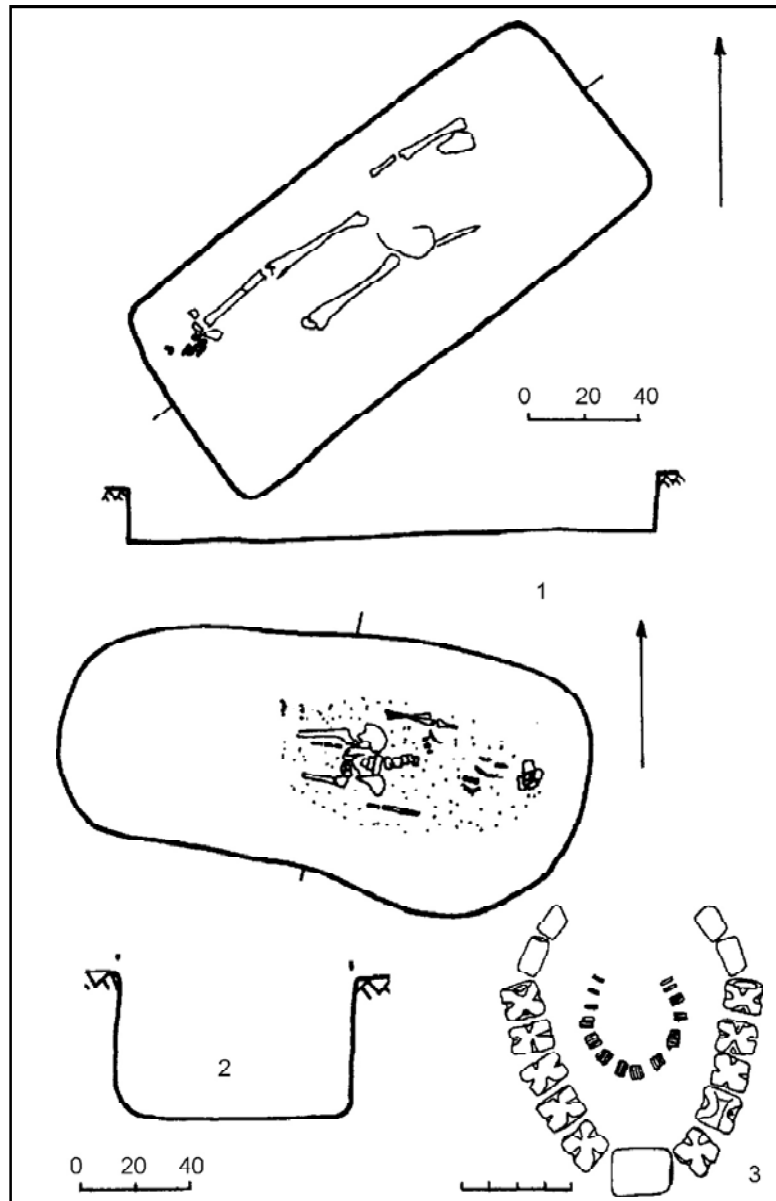

Рис.22. г. Васильевка, курган 16: 1 — план и профили кургана с кремлем; 2 — погр.9 (раскопки Плишевко А.Г., 1990).

Рис.23. 1 — с. Кагамлык, 1/3 (раскопки Л.Н.Луговой, 1988); 2-3 — с. Вишневатое, курган 2: 2 — погр.2; 3 — костяные фигурные и медные спиральные пронизи (раскопки В.А.Самара и А.Л.Антонова, 1996).

памятникам. Реальная оценка «вытянутых» погребений была возможной только при сравнительном изучении их с другими группами энеолитических погребений, классификация которых вообще не была разработана⁵¹. Но поскольку выделение «постмариупольской» культуры не сопровождалось решением подобных задач, то и ее место во всех аспектах, кроме констатации появления очередного нового культурного явления на фоне уже существующих, осталось неясным и дальнейшее ее изучение смотрелось малоперспективным.

Я думаю, что как раз в силу того, что при выделении постмариупольской культуры не были затронуты основы устаревшей модели среднестоговской культуры, Д.Я.Телегин в конечном итоге принял характеристику «вытянутых» погребений в трактовке И.Ф.Ковалевой (т.е. «постмариупольскую» культуру), действуя по принципу — из двух зол принимает меньшее.

Я не вижу эклектики или фантазии в предложенной мной концепции квитянской культуры, тем более, что это лишь одна из частей общей модели и ее критика без оценки последней не может быть конструктивной. Эклектика заключена скорее всего в существующих еще схемах, включая предложенную Д.Я.Телегиным (Телегин 1999: 68), поскольку к старым терминам добавляются новые или же наоборот, из старых терминов механически выделяются новые, как например, «новоданиловские» или «засухские», причем их выделение происходит совершенно по разным принципам, на основании разных по характеру источников. Эта мозаика и является эклектикой, точно так же, как и выделение отдельных линий развития, в одной из которых новоданиловская сведена вместе с постмариупольской, т.е., с «вытянутыми» погребениями (Телегин 1999: 67).

Что касается погребальных памятников кви-

тянской культуры, то при их оценке нельзя оперировать только погребением в балке Квитяной, неправоммерно приписывая ему к тому же среднестоговский обряд (Телегин 1999: 65). Нельзя при этом ссылаться и на В.Н.Даниленко (Ковалева 1998: 58; 60), поскольку последний не обладал достаточным количеством достоверных памятников. Сочетание одной ведущей для какого-то региона погребальной традиции с другими обрядовыми традициями в определенном контексте вполне естественно, особенно для степного энеолита, точно так же, как и появление разных по происхождению сосудов и других категорий инвентаря при них. На примере

курганов с «вытянутыми» погребениями (квитянской культуры) это особенно хорошо видно. Так, на территории ядра культуры нам практически не известны ни смешанные могильники, ни наличие разных по обряду умерших в коллективных погребениях (например, Ореле-Самарское междуречье, отчасти, пограничье степи и лесостепи Правобережья Днестра и бассейна Северского Донца). Иная картина в более южных зонах Правобережья Днестра и в Приазовье. Здесь представлены и подкурганные могильники с разнообразными погребениями и коллективные погребения с разным положением умерших (рис. 24). Очевидно, эту ситуацию необходимо

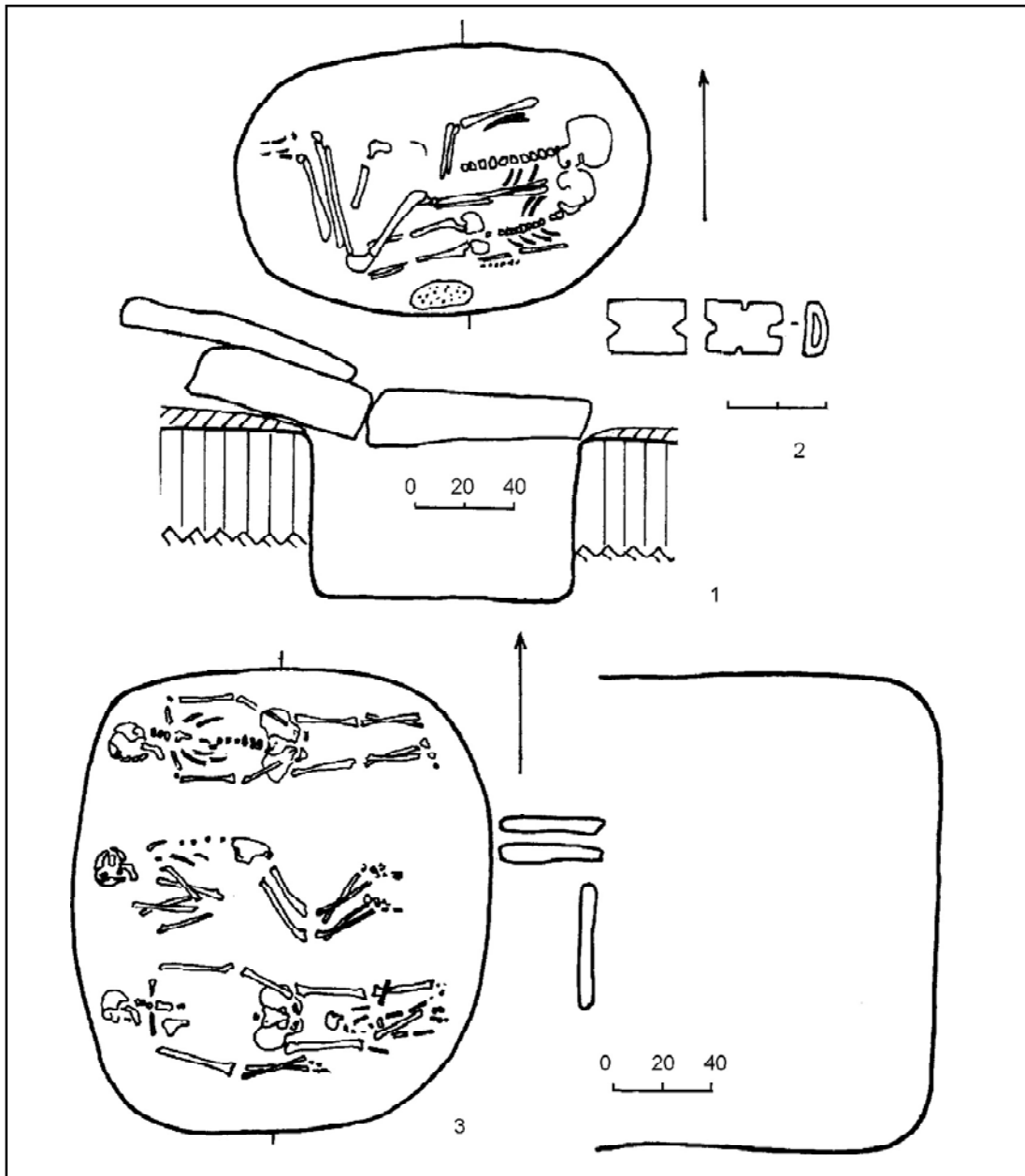

Рис.24. Погребения, сочетающие различные погребальные традиции: 1-2 — г. Орджоникидзе, Никопольский р-н, Днепропетровская обл., гр.«Завадские Могилы», курган 9 (раскопки А.В.Николовой, 1991): 1 - погр.37; 2 — костяные фигурные пронизи при детском скелете; 3 - _пос. Авилровка, Енакиевский р-н, Донецкая обл., кург.VII, погр. 3 (раскопки В.Ф.Клименко, 1969).

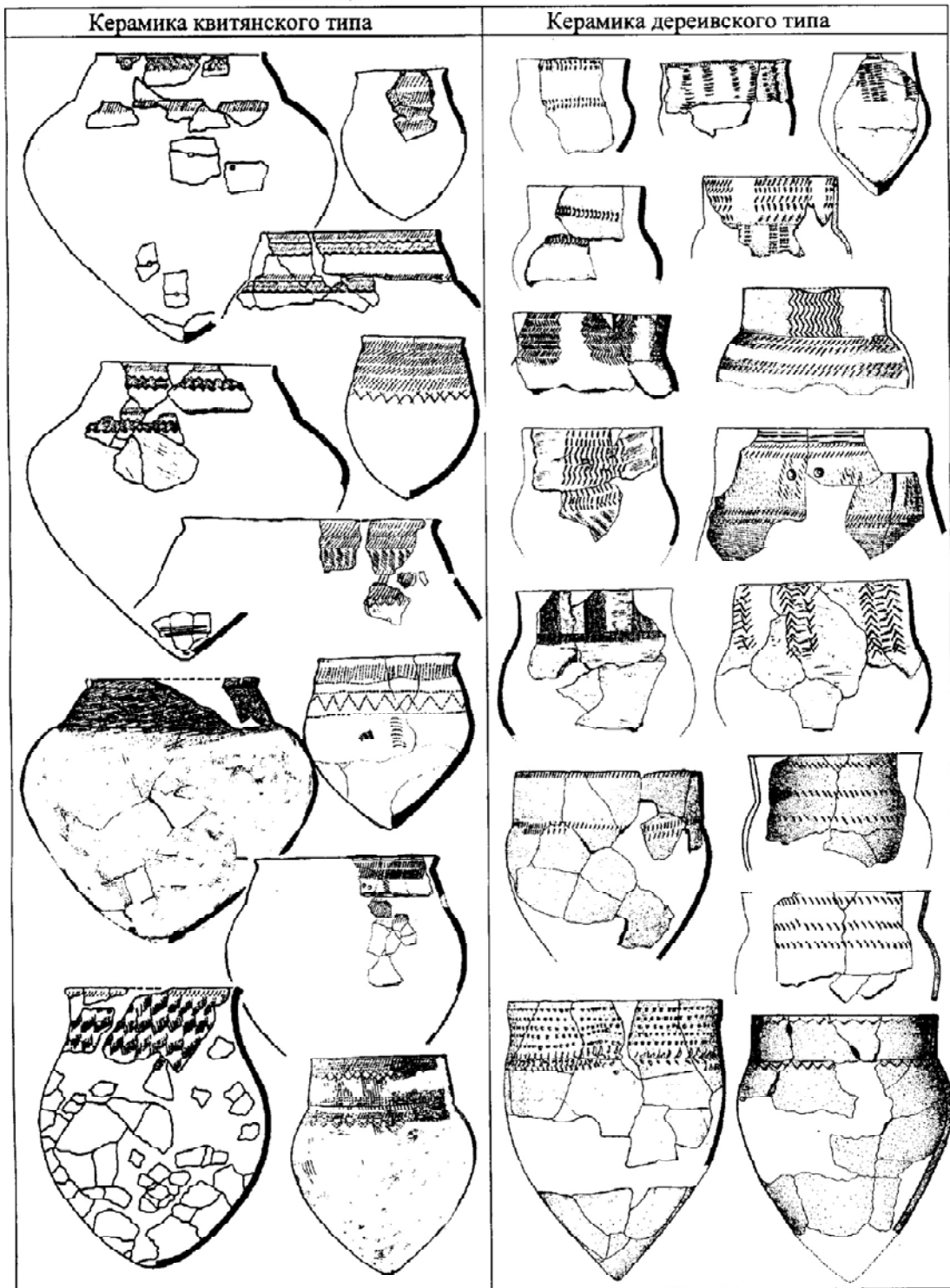

Рис.25. Сравнительная таблица керамики квитянского и дереивского типов.

изучать сквозь призму сложившихся социальных (брачных и пр.) отношений обществ с различными погребальными традициями, с учетом поло-возрастных характеристик комплексов⁵². Тогда скорченные погребения на спине или на боку в составе могильников с «вытянутым» обрядом не будут вызывать удивление, точно так же, как «вытянутые» в составе могиль-

ников со «скорченными» захоронениями. Один из интереснейших комплексов этого типа недавно опубликован В.Ф. Клименко (рис.24,3). На этом фоне скорченное на боку погребение из балки Квитяной может найти объяснение, точно так же, как находки костяных фигурных пронизей, свойственных «вытянутым» погребениям, в комплексах других погребальных тради-

ций, например, усатовском (Озерное, погр.33) и животиловско-волчанском (Танковое, 9/15).

В целом же, достаточно хорошо выделяются четыре основные обрядовые традиции, развитие каждой из которых хорошо прослеживается во времени и пространстве. Каждая из них, несмотря на наличие «чужеродных» элементов, всегда характеризуется набором не только ей свойственных черт ритуала, но устойчивого набора предметов. Это и позволило сопоставить их с бытовыми памятниками и предложить новую культурно-хронологическую модель развития (Рассамакин 1997; Rassamakin 1994; Levine, Rassamakin et al. 1999), что стимулировало и других исследователей для создания близких схем. Например, Т.Г.Мовша весьма оперативно откликнулась на предложенную мной модель, и так же, как автор в свое время (Рассамакин, Будников 1993: 136-137; Рассамакин 1994; 1997), поставила вопрос о среднестоговской общности, состоящей из двух линий развития — квилянско-дереивской и скелянско-стоговской (Мов-

ша 1998: 118). Это во многом перекликается с моей позицией, тем более, что и круг аналогий керамике из Солончен II был приведен тот же, что автор упоминал в публикациях и приводил в качестве иллюстративных материалов в совместных с Н.С.Котовой докладах на конференции в Тяльнянках в 1993 г, и на заседании отдела эпохи меди-бронзы Института археологии НАНУ при обсуждении разделов «Древней истории Украины» в 1995 году в качестве аналогий керамике скелянского типа. Но Т.Г.Мовша не рискнула связать обе линии развития с определенными погребальными группами, прежде всего, так называемого новоданиловского типа и с «вытянутыми» погребениями. Если бы это произошло, то исследовательница представила бы во многом кальку модели, предложенную автором данной статьи. А ведь из известных материалов достаточно отчетливо проявляется преемственность между более ранними скелянскими и более поздними стоговскими бытовыми памятниками и связанными с ними погребальными

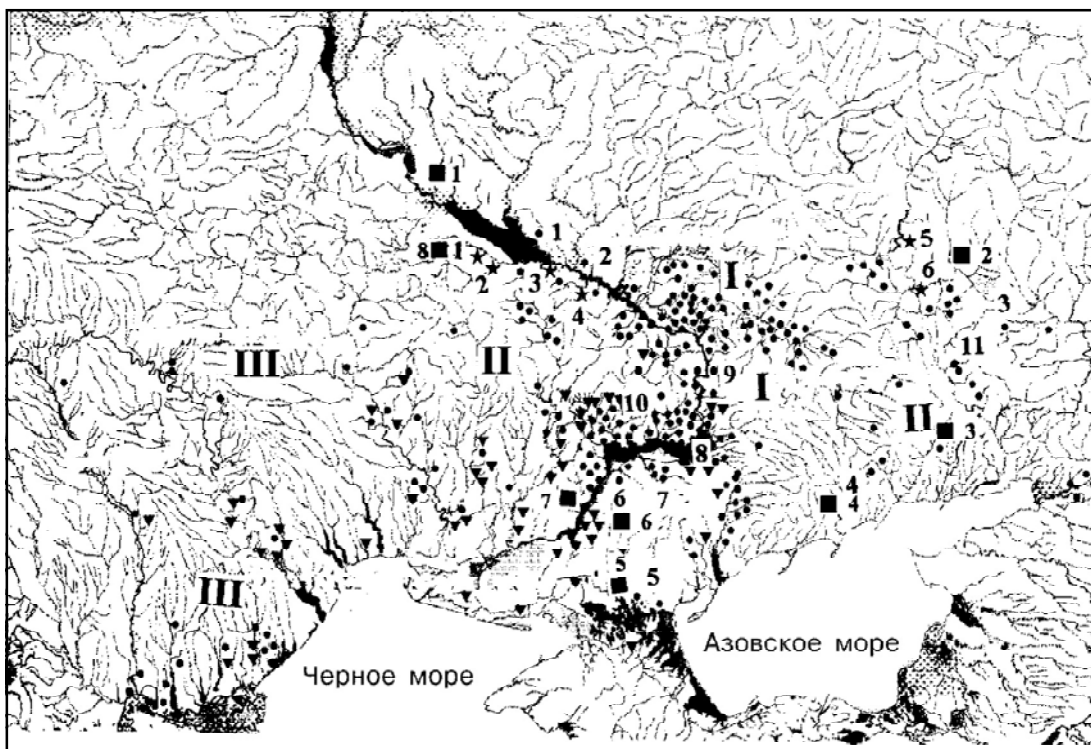

Рис.26. Карта распространения «вытянутых» энеолитических погребений:

● — курганы с «вытянутыми» погребениями квилянской культуры (группа I по Ю.Я. Рассамакину, 1993; 1997; 1999): 1 — Кагамлык, 2 — Пидлужне; 3 — Зимогорье; 4 — Вишневатое; 5 — Сергеевка; 6 — Первомаевка; 7 — Каменка-Днепровская; 8 — Васильевка; 9 — Любимовка; 10 — Орджоникидзе; 11 — Авиловка;
 ■ — поселения и отдельные развалы сосудов квилянского типа, которые очерчивают границы распространения бытовых памятников квилянской культуры: 1 — Келеберда; 2 — Серебрянское; 3 — Раздольное; 4 — Черешневое, балка.Бугаева; 5 — Вознесенка II; 6 — Серогозская балка; 7 — Леонтьевка; 8 — Чубовка;

И — поселения с керамикой дереивского типа: 1 — Тетянчино; 2 — Моллохов Бугор; 3 — Каменные Поток; 4 — Дереивка; 5 — Александрия; 6 — Миневский Яр;

▼ — курганы с погребениями III группы (варианты А и В) нижнемихайловской культуры (по Рассамакину, 1993; 1997; 1999).

I — предполагаемое ядро квилянской культуры;

II — область «ближней периферии» квилянской культуры;

III — область «дальней периферии» квилянской культуры.

традициями грунтовых могильников в Поднепровье, которые были включены мной в группу II, варианты А и В, с одной стороны, а с другой, можно наметить связь между синхронными квитянскими и дереивскими бытовыми памятниками и «вытянутыми» погребениями, но насколько дереивские памятники соответствуют квитян-

ским сказать пока трудно и я не хотел бы объединять эти компоненты до появления новых памятников, прояснивших бы их соотношение. Сравнение керамических дереивских и квитянских комплексов действительно показывает их близость по ряду параметров, прежде всего, в орнаментальных композициях (рис.25).

Заключение

В связи с современной проблемной ситуацией в изучении степного энеолита я хотел бы привести в заключение некоторые общие теоретические выводы, приведенные Ю.Н.Захаруком в одной из своих работ относительно проблемных ситуаций и научной критики. Как ни странно, это прямо относилось к работам В.Н.Даниленко и Д.Я.Телегина относительно изучения неолитических культур. Ю.Н.Захарук задался вопросом, значит ли, что концепции обоих исследователей при их неизменном повторении в различных изданиях на протяжении длительного периода (с конца 60-х до сер.80-х гг.) прошли проверку временем и являются доказанными и общепринятыми? Исследователь скептически к этому отнесся, отмечая первичность этих концепций. «Поэтому для того, чтобы дать ответ на вопрос, какая из наличных концепций представляется более обоснованной, необходимо подвергнуть их критическому ана-

лизу и оценке. К сожалению, именно такому критическому исследованию наличные решения проблем днепро-донецкой культуры подвергнуты не были. И это касается не только одной днепро-донецкой культуры, а равно и других археологических культур» (Захарук 1988: 11-12).

Но времена меняются. Предлагаемая мной концепция, включая выделение квитянской культуры, является лишь одной из таких попыток критического исследования и требует дальнейшего совершенствования.

Я хотел бы поблагодарить моих коллег за предоставленные материалы: Г.Л.Евдокимова, А.И.Кубышева, Л.Н.Луговую, С.Н.Ляшко, А.В.Николову, В.В.Отрощенко, А.Г.Плешивенко, В.А.Самара, А.А.Андреева, Л.А.Черных.

Значительная часть работы была подготовлена при поддержке Alexander von Humboldt-Stiftung.

Примечания

¹ А.В.Бодянский считал, что погр.2, относимое им к раннему железному веку, разрушило основное погребение, над которым и была сооружена закладка (Бодянский 1951в: 40; Бодянский 1954: 95).

² В архивных материалах А.В.Бодянский ошибочно отметил ориентацию скелета на СВ, но в публикации и на чертеже указана ориентация на СЗ.

³ А.В.Бодянский также отмечает, что он собрал еще несколько фрагментов этого сосуда во время предшествующих раскопкам летних разведок (Бодянский 1951а: 50). К сожалению, план закладок с сеткой квадратов раскопа отсутствует.

⁴ Положение скелета хорошо видно по фотографии в альбоме отчета, по которой можно предположить также, что погребение могло быть совершено и в подбое.

⁵ Оба сосуда хранятся в Научных фондах Института археологии НАН Украины. Автор изучил их, но здесь приводит рисунки, опубликованные А.В.Бодянским, хотя рисунок сосуда из тризны неполный, поскольку в коллекции представлены также фрагменты нижней части этого сосуда с округлым дном.

⁶ А.В.Бодянский упоминает в Дневнике еще одну маленькую закладку, в 1,8 м к СЗ от периферии большой закладки, четырехугольной формы, размерами 0,9 × 0,6 м, сложенную из камней размерами 0,2 × 0,25 м, удлиненную по оси С-Ю, а также неисследованный кремлек, расположенный в 23 м к СЗ от большой закладки (Бодянский 1951а: 46; 53). Кроме того, в дневнике исследователь приводит описание случайных находок, среди которых представляют интерес кремневый наконечник стрелы треугольной формы с

прямым основанием, размерами 3,5 × 1,8 см (рис.2,4), и кремневый нож на пластине, с ретушью у вершины, длиной 10 см, шириной 1,8 см, толщиной 0,6 см (рис.2,5). Наконечник вместе с тремя кремневыми орудиями на пластинках и каменным «утюжком» найдены возле размытых раковинных куч, под большой закладкой и ошибочно рассматривались исследователем как одновременные погребению 3, поскольку последнее он не связывал с закладкой. Место находки кремневого ножа исследователь не уточнил (Бодянский 1951а: 52-53).

⁷ А.В.Бодянский в публикации упоминает о находках рядом с сосудом кремневых скребка и ножа (Бодянский 1954: 95), но в Дневнике он писал, что в квадрате 83, где был найден сосуд, раскопки не дали никаких больше результатов (Бодянский 1951а: 50). Не упомянуты эти находки и в тексте отчета. Возможно, к ним относятся некоторые из случайных находок, в частности, упомянутый в сноске 6 кремневый нож.

⁸ А.В.Бодянский считал, что погр.3 не имеет отношения к закладке и оно случайно попало под нее, так как связано с более ранними стоянками, сопровождавшимися раковинными кучами. Исследователь отмечает при этом близость сосудов керамике из многослойных днепровских поселений (Бодянский 1951а: 51; 1954: 95-97).

⁹ На этих островных поселениях достаточно хорошо представлена керамика типа балки Квитяной, поэтому неясно, какую керамику имел в виду исследователь. Если С.Н.Братченко прямо не сказал о близости с керамикой типа Средний Стог 2, следовательно, имелся в виду другой тип посуды.

¹⁰ Более детальный анализ различных концепций см.: Levine, Rassamakin et al. 1999: 59-73.

¹¹ Стоговский или среднестоговский тип культуры рассматривался исследователем в качестве локальной культуры, распространенной, прежде всего, в области Днепровского Надпорожья. Ее северную границу очерчивали поселения или стоянки Игрень и Кодачек, а южную — Средний Стог (Даниленко 1974: 74).

¹² Очевидно, речь идет о с.Троицком, где при исследовании четырех курганов в пойме р.Молочной в 1951 году Троицким отрядом Скифской степной экспедиции ИА АН СССР под рук. Л.С. Клейна, действительно, были найдены фрагменты керамики квитянского типа. Но ни шурфовка местности вокруг курганов участниками раскопок, ни более поздняя проверка участка вокруг сохранившихся останцов курганов автором статьи (в начале 90-х гг.) не дали положительных результатов относительно наличия энеолитического слоя, но хорошо фиксировался слой эпохи поздней бронзы. Рисунки найденных фрагментов керамики представлены в полевых дневниках (см. Клейн 1951; 1960: 142.). Попытки найти фрагменты в Фондах ИА НАН Украины не увенчались успехом.

¹³ В статье предшествующего времени к этому этапу было отнесено и поселение Стрильча Скеля (Волошское) (Telegin 1969; Телегин 1970; 1971), но в последующих публикациях Стрильча Скеля отмечена в хронологических таблицах среди памятников этапа б первого периода (Телегин 1973: 224; Телегин 1985: 306; Telegin 1986).

¹⁴ Существуют некоторые изменения в таблицах 1973 и 1986 гг. В поздней версии материалы из поселения Александрия не разделены по разным периодам в соответствии с классом керамики А (период II а) и В (период I б) и включены в период II а. Также в поздней версии отсутствует деление материалов Молохового Бугра на два горизонта, и поселение отнесено к периоду II б (Telegin 1986).

¹⁵ Д.Я.Телегин в рамках среднестоговской культуры выделил еще два класса керамики — В и С, отличающиеся от класса А примесями, орнаментацией и обработкой поверхности (Телегин 1973: 81-83), но которые, на мой взгляд, не имели изначально прямого отношения к выделенной культуре.

¹⁶ В связи с этим необходимо подчеркнуть, что не всегда на практике можно по отдельным фрагментам восстановить первоначальную форму сосудов квитянского типа с присущим им своеобразным трехчастным строением верхней части. Такая форма образуется благодаря двум своеобразным «переломам»: один — в основании отогнутого венчика, по которому часто нанесен орнамент; второй — в основании высокой «взднутой» горловины, переходящей уступом в округлое тулово, заканчивающееся приостренным или округлым дном. По этому переходу также часто нанесен орнамент. Отмеченные элементы формы верхней части сосудов имеют разную степень выразительности и иногда настолько сглажены, что не всегда могут быть отмечены. При реконструкции этих сосудов по отдельным фрагментам, в частности, по венчикам, может сложиться впечатление, что сосуд не имел горловины, что собственно и привело к выделению майорского типа (см. Телегин 1973: рис.44).

¹⁷ Д.Я.Телегин указывает и небольшое количество фрагментов майорского типа на поселениях Стрильча Скеля и Средний стог 2, но изучение коллекций этих поселений показало отсутствие в их слоях керамики квитянского типа. Среди материалов поселения Средний Стог 2, хранящихся в фондах Национально-

го музея истории Украины, есть два небольших, но выразительных фрагмента венчика и горловины от сосудов квитянского типа, но судя по их инвентарным номерам, они не относятся непосредственно к слою поселения и, очевидно, были найдены на поверхности или в ближайших окрестностях (рис.3,1,2). В коллекцию поселения случайно попал также и большой фрагмент верхней части сосуда квитянского типа вместе с кремневым наконечником стрелы, обнаруженными, судя по шифрам, в одном из курганов (№ 5) группы Кичкас II в 1928 году (рис.4,1).

¹⁸ Правда, Тетянчино в хронологических таблицах перечислено среди памятников наиболее раннего этапа дошнурового периода (Телегин 1970; 1971; Телегин 1985).

¹⁹ Здесь хотелось бы отметить, что в рамках раннего этапа дошнурового периода развития среднестоговской культуры в последних версиях Д.Я.Телегина отмечены памятники исключительно с квитянской керамикой, что равноценно, на мой взгляд, выделению их в самостоятельное явление. К тому же, отсутствуют объяснения, каким образом из этих памятников сформировались памятники следующего этапа дошнурового периода, т.е. типа Стрильчей Скели и Среднего Стога 2.

²⁰ Правда, Д.Я.Телегин критиковал периодизационно-фазовую модель В.Н.Даниленко, но эта критика касалась скорее бездоказательности выделения отдельных фаз (например, выделение бережновской фазы) и некоторых других спорных моментов, нежели всей схемы. Интересным можно считать и критическое замечание Д.Я.Телегина по поводу выделения в модели В.Н.Даниленко отдельного квитянского периода в отрыве от скелянской фазы, для которых характерно отсутствие шнуровой орнаментации, хотя и в периодизации Д.Я.Телегина майорско-квитянская керамика и Стрильча Скеля отнесены к разным этапам дошнурового периода (Телегин 1973: 121; Табл. V). Но и схема Д.Я.Телегина имела также изначально ошибки, так как погребения типа Новоданиловки, Чапли, Петро-Свистуново, Яма были отнесены к наиболее позднему (период IIб), что уже для того времени не соответствовало действительности. Эта позиция повторяла более раннее предположение А.Добровольского относительно хронологического места могильника Чапли, который он считал более поздним чем могильники Игрень 8 и о.Виноградный лишь потому, что в Чаплях были каменные закладки и медные изделия (Добровольский 1954: 117). Нужно сказать, что принципы исследований В.Н.Даниленко и Д.Я.Телегина, но на примере неолитических памятников, включая их периодизацию, подверглись позже справедливой критике А.А.Формозовым (Формозов 1977). Эту критику вполне можно распространить и на разработку проблематики эпохи энеолита.

²¹ Деление каждого из энеолитических слоев обих поселений на два периода не доказано, хотя очевидной является продолжительность существования поселений. Скорее всего, оба поселения были синхронными, так же, как и Александрия, на котором шнур и гусеничка представлена незначительным процентом (см. подсчеты Телегин 1973: Табл. III; IV).

²² Например, погребение из Михайловки (раскопки 1957 года). В отчете описано полуразрушенное погребение (сохранилась верхняя часть скелета) в береговом обрыве, на территории поселения эпохи поздней бронзы, в суглинке, под каменным перекрытием, на спине, головой на запад, с фрагментом сосуда квитянского типа у головы и с костями быка в засыпке

ямы (Шапошникова, Бодянский, Щепинский 1957: 4). Но в дневнике О.Г.Шапошниковой написано, что под каменной закладкой, на гл.1,3 м от поверхности, при переходе от темного в светлый суглинок, зафиксирована верхняя часть скелета на спине, головой на север, руки вытянуты, череп на затылке, под ним — охра. В засыпке ямы встречались кости и фрагменты керамики с примесью ракушки. Тут же, на берегу, были собраны фрагменты керамики типа балки Квитяной (дневник Шапошниковой к отчету, с.15-16). Судя по фото в альбоме (Табл. XI, 3-7), фрагменты из засыпки и с береговых сборов относятся к разным сосудам квитянского типа, и не исключено, что это остатки небольшой стоянки, не имеющей отношения к погребению. Прямая связь последнего с этой керамикой не установлена.

²³ Правда, необходимо отметить, что керамика квитянского типа, по существу, была единственной, которая не находила прямого сопоставления с трипольской периодизационной шкалой, в отличие от других типов керамики (или фаз у В.Н.Даниленко). Скелянская и стоговская (среднестоговская), моллюководеревинская в соответствии с находками этой керамики на трипольских поселениях или трипольской керамики на поселениях в Поднепровье, могли быть сопоставлены между собой, что отмечали В.Н.Даниленко и Д.Я.Телегин, и чему были посвящены специальные работы Т.Г.Мовши (Мовша 1961; 1972; 1981; 1984). Но так как керамика квитянского типа отсутствовала в материалах Стрильчей Скели, Среднего Стога, Александрии, Моллюхового Бугра и не была выделена в Деревке, хотя на последнем и есть несколько фрагментов венчиков, определение ее хронологического места действительно было затруднено.

²⁴ Интересно, что в отличие от В.Н.Даниленко, погребения в Капуловском могильнике О.Г.Шапошниковой относят к наиболее ранним нижнемихайловским (Шапошникова 1985: 325; 1987: 12).

²⁵ В данной работе я не ставлю задачей анализ взглядов О.Г.Шапошниковой на характер нижнемихайловских памятников, а отмечаю лишь шаткость ранней хронологии последних.

²⁶ И.Ф.Ковалева в первых работах по изучению «вытянутых» погребений рассматривала их в рамках отдельной обрядовой группы, представлявшей одну из локальных культур азово-черноморской линии развития (Ковалева, Волковой и др. 1977: 75-78; Ковалева 1978: 40).

²⁷ Правда, приемы орнаментации в описании также отличны в разных публикациях, особенно в отношении наличия или отсутствия отступающих наколов и прочерченных линий (сравните: Ковалева 1979: 67; 1980: 45 с 1990: 42).

²⁸ Необходимо отметить, что в работах И.Ф.Ковалевой наблюдалась периодическая путаница в определении слоев поселений, но нигде не приводилась обоснованность их выделения.

²⁹ Проведенный детальный анализ стратиграфии и, особенно, системы рвов в этом кургане, позволил получить более реальную картину, чем представлено Ю.Шиловым (Шилов и др. 1992; Шилов 1993). Но относительно святилища и стоянки, составлявших, по мнению автора раскопок, одну систему еще до сооружения насыпи, есть сомнения. Прежде всего, эта часть кургана не была исследована профессионалами, о чем свидетельствуют отрывочные записи на отдельных листках бумаги, приложенные к дневнику раскопок (по этим записям ясно, что Ю.А.Шилов именно в период раскопок западной половины кургана отсут-

ствовал). В этих записях отмечено появление скопления керамики, отщепов кремня и костей животных в 13 м на 3 от центра, на гл.5 м, далее отмечено появление в материке к ЮЮВ от этого скопления контуров прямоугольной ямы, размерами 2,5x2 м с керамикой и отщепами кремня в заполнении, а затем, в материке, в 1 м на ЮВ от скопления керамики, отмечена траншея длиной 6 м, шириной 0,8 м, гл.0,3 м, в заполнении которой найдены фрагмент керамики и кремневые предметы. Исходя из этого, следует сделать вывод, что вся реконструированная часть энеолитического кургана является лишь субъективным представлением автора раскопок, тем более, что ни один ров не был зафиксирован в плане. Во всяком случае, этот вывод складывается при чтении дневника. Для реконструкции действительной картины надежные данные отсутствуют. Исходя из анализа энеолитических памятников такого типа, можно предположить, например, наличие системы двух примыкающих один к другому рвов, которые были сильно срезаны при работе бульдозера. Аналогичные случаи хорошо известны в Орельско-Самарском междуречье с «вытянутыми» погребениями (раскопки И.Ф.Ковалевой), а также на Южном Буге с погребением нижнемихайловского типа (раскопки Г.Т. Ковпаненко). По существу, таким конструкциям близки и примыкающие один к другому кромлехи. Стоянка относится к более раннему времени (неолит) и ее культурный слой был просто уничтожен в траншеях при работе бульдозера. Об этом говорит и запись в дневнике, где отмечено, что находки встречены в черноземном слое. Необходимо отметить и отсутствие фиксации находок со стоянки. Что касается четырех сосудов квитянского типа, то их отмечаемое компактное расположение, да и само наличие подобных развалов, соответствует аналогичным находкам других курганов с «вытянутыми» погребениями, и они не имеют прямого отношения к стоянке, являясь частью погребальной тризны. Не исключено, что со рвом, отмеченным как святилище, могло быть связано еще одно энеолитическое погребение, которое было уничтожено. Незначительная глубина погр. 1 (-0,3 м, в древнем горизонте) и его частичное разрушение, а также отсутствие профессиональных наблюдений при работе бульдозера в западной части кургана, подтверждают такую возможность. Первая насыпь над погр. 1 не выходила за пределы рва и, очевидно, оплыла со временем. То же относится и к погр. 2, досыпка над которым должна была находиться в пределах кольцевого рва. Что касается конфигурации всех рвов, то в отчете не приведены доказательства фиксации их в плане. Чертежи, видимо, сделаны уже в кабинетных условиях и проводились в соответствии с фантазией автора раскопок.

³⁰ Предварительная информация об энеолитических погребениях этой группы см.: Рассамкин 1991.

³¹ Раскопками кургана руководила С.Н.Ляшко при участии В.В.Отрощенко.

³² Исследован В.В.Отрощенко при участии Ю.Я.Рассамакина и Л.А.Черных

³³ Исследован Л.А.Черных при участии Ю.Я.Рассамакина.

³⁴ Исследован В.В.Отрощенко при участии Ю.Я.Рассамакина.

³⁵ Здесь уместно вспомнить о выводах Н.В.Рындиной, приведенных в недавно вышедшей книге относительно металла из «вытянутых» погребений (т. н. постмариупольский очаг) и их хронологического разделения в зависимости от химического состава ме-

тапла (наличия медных и медно-серебряных или изделий из меди и мышьяковой бронзы) (Рындина 1998: 170-179). В сводке исследовательницы представлены и материалы из Каменки-Днепровской (курган 12, п.2) в качестве более ранних, в то время как погр.2 кургана 14 более позднее (Рындина 1998: 172). Возможно, что такая общая тенденция и существует, но подобный подход не дает оснований для четкого размежевания памятников при наличии на позднем этапе также медных изделий, т.е. при этом подходе не исключен элемент случайности. К сожалению, полные сводки не только химических составов предметов, но и металлографические данные о поздних 33 предметах не опубликованы. Поэтому, у меня нет серьезных оснований для значительного хронологического размежевания погребений в кург.12 и 14. Возможно, что наличие каменного молотка в последнем случае дало повод для этого, так как хронологическая позиция подобных находок не выходит за пределы Триполья С2.

³⁶ Погребения младенцев могут составлять определенный процент отклонений от стандартных положений в рамках разных погребальных традиций, при этом представляя определенный стандарт. Весьма часты, например, погребения младенцев на спине с раскинутыми, слегка и несимметрично подогнутыми в коленях ногами, что соответствует больше естественному положению младенцев при жизни. Но эта тема мало изучена.

³⁷ Нужно отметить путаницу с названием пунктов, откуда происходят сосуды из раскопок И.Ф.Ковалевой, внесенную исследовательницей в публикации. Сосуд из Спасского, очевидно, является по первой публикации, сосудом из с.Верхняя Маевка XIV, кург.3, погр.3 (Ковалева и др. 1977: 43), затем он стал сосудом из с.Спасское XIV, кург.3, погр.3 (Ковалева 1980: 43; Ковалева 1984: 24). В данной статье я использую первый вариант. Д.Я.Телегин называет оба варианта и естественно, ошибочно фигурирует дважды один и тот же сосуд, правда на рисунке дан сосуд с первоначальным названием (Телегин 1987: рис.1,2), а в таблице (рис.7) схематично показаны два варианта, но и здесь присутствует ошибка, так как сосуд в таблице под номером 7 из Верхней Маевки напоминает контурами находку не из кург.3, погр.3, а из кург.1, погр.16. Сосуд из Спасского отмечен группой XI, что также не верно, так как в этой группе, в кург.3, погр.14, был найден фрагмент киянского венчика. Непонятно также, какой маленький сосуд с небольшими ушками и слегка приплюснутым дном из о-ва Виноградный имеет в виду Д.Я.Телегин (Телегин 1987: 23). Если это сосудик из с.Виноградное, кург.2, погр.4 на р.Молочной из раскопок автора (а я думаю, это именно так), то здесь также явная ошибка, так как этот сосуд найден не при «вытянутом» погребении, а в погребении животиловско-волчанского типа (Рассамакин 1987: рис.2, 5-7).

³⁸ Курган и погребение в тексте не уточнены, а в таблице — кург.18, погр.6 и схематично показан округлоданный сосуд ямного типа (Телегин 1987: Рис.7,3), который явно не соответствует описанному в тексте плоскодонному ребристому приземистому сосуду. Речь явно идет о сосуде из с. Верхнетарасовка, кург.79, погр.13 (Николова, Рассамакин 1985).

³⁹ Последующие новые находки только подтвердили предложенный подход и характеристику памятников степного Правобережья Днепра (раскопки Орджоникидзевской экспедиции ИА НАНУ — С.В.Полин, А.В.Николова и экспедиции Днепропетровского государственного университета — И.Ф. Ковалева).

⁴⁰ К сожалению, отсутствует оригинал, а рисунок является прорисовкой фотографии из отчета. Эта прорисовка не может служить надежным источником, так как при этом нельзя исключить отклонение от истинной формы сосуда и профиля его венчика. В отчете П.З.Рябкова (см. Табл.2, № 20) на обратной стороне одной из страниц отчета (с. 12) приведен схематический набросок формы сосуда, с сантиметровыми отметками по вертикали и горизонтали, которая отличается от формы, получаемой по прорисовке фотографии. Кроме того, неясны размеры сосуда, поскольку его высота, судя по фотографии, превышает диаметр венчика. Возможно, сосуд имел деформированную форму, что часто встречается для неолитической керамики из погребений, и сосуд на фото дан в одном ракурсе, а набросок и размеры сосуда даны по другому ракурсу. Что касается орнамента, то в тексте отчета он почему-то не отмечен. Возможно, это было связано с тем, что орнамент был закрыт упоминаемым в отчете слоем сажи. Но по фотографии хорошо просматривается характер и стиль его нанесения в виде двузубчатого изогнутого штампа.

⁴¹ Рисунки последнего сосуда представлены разными вариантами, поэтому автор использует для данного предположения фото сосуда в отчете, но с оригиналом, включая и другие материалы из раскопок ДГУ, к сожалению, не знаком.

⁴² Кстати, возвращаясь к сосуду из Орджоникидзе, гр. Чкаловская, 3/11, нужно отметить остатки орнамента на переходе горла к плечикам, представленного одним рядом из косых оттисков тонкого гребчатого штампа, что характерно для керамики деревицкого и киянского типов.

⁴³ Автор пытался удревнить возраст «вытянутых» погребений поисками стоговских или скелянских элементов в керамике (Рассамакин 1993: 6, 10), но они оказались в процессе дальнейшего сравнительного изучения материалов неубедительными, о чем свидетельствует приведенный здесь анализ керамики.

⁴⁴ В определенной степени это созвучно с предположением И.Ф.Ковалевой о большей близости «вытянутых» погребений в курганах могильникам мариупольского типа черкасского и донецкого районов, хотя этот тезис не был объяснен (Ковалева 1984: 52). Собственно, керамика киянского типа, точно так же, как и погребальный обряд, имеет другие истоки формирования, чем керамика типа Стрильчей Скелы и Среднего Стога и обряд, связанный с этим кругом памятников, что и не позволяет включать их в одну культуру.

⁴⁵ Б. Говедарица получил первые даты для «вытянутых» погребений, но они еще не опубликованы.

⁴⁶ В данной статье я привожу иллюстративные материалы серии новых погребальных комплексов [Любимовка I, 3/2 (Вольнянский р-н, Запорожская обл.); Васильевка, 16/9 (Васильевский р-н, Запорожская обл.); Сергеевка II, 1/1,2,3 (Новотроицкий р-н, Херсонская обл.); Вишневатое, 2/2 Розовский р-н, Запорожская обл.) и Кагамлык, 1/3 (Глобинский р-н, Полтавская обл.), которые дополняют сведения о рассматриваемых погребальных памятниках, а некоторые из них маркируют сейчас границы основного ядра всего явления (рис.19-23).

⁴⁷ Эта тема подробно изложена в историографическом разделе объемного монографического исследования, которое проводилось автором в качестве стипендиата Фонда Александра фон Гумбольдта в Берлине, в Немецком археологическом Институте, при поддержке проф. Г.Парцингера.

⁴⁸ Удивление вызывало неприятие подобного под-

хода у других исследователей, которые пытались рассматривать эти памятники в рамках различных, но традиционных культур — среднестоговской, ямной, памятников нижнемихайловского типа (Телегин 1985; Шапошникова 1987).

⁴⁹ Пограничье левобережной лесостепи.

⁵⁰ Выделение новых групп памятников, типа типа «Засухи» или новоданиловского типа тоже основано не на новейших материалах.

⁵¹ В упомянутом в сноске 47 исследовании автора представлена характеристика всех групп энеолитических погребений, сведенных затем к четырем ос-

новным погребальным традициям, которые имеют четкие материальные, хронологические и территориальные характеристики, получившие в конечном итоге, на фоне материалов поселений, культурную интерпретацию.

⁵² В качестве примера можно привести погребение из Орджоникидзе, гр. «Завадские могилы», 9/37, в котором взрослый был похоронен в скорченном на боку положении, согласно традиции нижнемихайловской культуры, а ребенок — в вытянутом положении, причем именно он сопровождался специфическими костяными фигурными пронизиями (рис.24,1).

ЛИТЕРАТУРА

- Андросов А.В., Марина З.П., Загородний Д.И. 1991. Энеолитический курган у села Богуслав в Присамарье // Ковалева И.Ф. (отв.ред.). Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск: ДГУ, 4-19.
- Бодянский О. 1951а. Щоденник археологічних дослідів на нижньому Дніпрі та Дніпрових порогах 1951 року // Науковий архів ІА НАН України, № 1951/12.
- Бодянский О. 1951б. Коротке повідомлення за археологічні досліді в 1951 році на території нижнього Дніпра та Дніпрових порогів // Науковий архів ІА НАН України, № 1951/12.
- Бодянский О. 1951в. Відчити за археологічні досліді 1951 року // Науковий архів ІА НАН України, № 1951/12.
- Бодянский А.В. 1954. Древнейшее ямное погребение в Южном Поднепровье // КСИА АН УССР 3, 95-98.
- Братченко С.М. 1969. Багатошарове поселення Лівенцівка I на Дону. Археологія, XXII. Київ: 210-231.
- Братченко С.Н. 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наукова думка.
- Бурдо Н.Б., Відейко, М.Ю. 1998. Основи хронології Трипілля-Кукутені // Археологія, (2). Київ: 17-29.
- Даниленко В.Н. 1955. О ранних звеньях развития степных восточноевропейских культур шнуровой керамики // КСИА АН УССР 4, 126-128.
- Даниленко В.Н. 1959. Археологические исследования 1956 года в Чигиринском районе // КСИА АН УССР 8, 13-21.
- Даниленко В.Н. 1969. Неолит Украины. Киев: Наукова думка.
- Даниленко В.Н. 1974. Энеолит Украины. Киев: Наукова думка.
- Дергачев В.А., Манзура И.В. 1991. Погребальные комплексы позднего Триполья. Кишинев: Штиинца.
- Добровольський А. 1954. Могильник в с.Чаплі // Археологія IX, 106-117.
- Захарук Ю.Н. 1988. Проблемная ситуация и научная критика // Проблемная ситуация в современной археологии. Генинг В.Ф. (отв.ред.). Киев: Наукова думка, 10-25.
- Збенович В.Г. 1985. До проблеми становлення енеоліту // Археологія (51), 1-11.
- Евдокимов Г.Л., Рассамкин Ю.Я. 1988. Два позднеэнеолитических могильника на юге Херсонщины / / Шапошникова О.Г. (отв.ред.). Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. Киев: Наукова думка, 79-92.
- Евдокимов Г.Л., Рассамкин Ю.Я. 1992. О некоторых погребальных традициях в энеолите степной Украины // История и археология Слободской Украины. Тезисы докладов. Харьков, 114-115.
- Кияшко Н.Я. 1994. Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V-III тыс. до н.э). Донские Древности 3. Азов.
- Клейн Л.С. 1951. Отчет о раскопках у с.Троицкое Мелитопольского района Запорожской области в 1951 году // Научный архив ИА НАН Украины, 1951/5е.
- Клейн Л.С. 1960. Кургани біля с. Трійцького // Археологічні пам'ятки УРСР VIII, 141-163.
- Ковалева И.Ф. 1978. Погребения энеолитических литейщиков из Присамарья // Археологические исследования на Украине в 1976-1977 гг. Тезисы докладов. Ужгород, 40-41.
- Ковалева И.Ф. 1979. Вытянутые погребения Днепровского ареала Волго-Днепровской культурно-исторической общности эпохи энеолита // Ковалева И.Ф. (отв.ред.). Курганные древности Степного Поднепровья III – I тыс. до н.э. 3. Днепропетровск, 61-79.
- Ковалева И.Ф. 1980а. Кильченская группа энеолитических вытянутых погребений и общие вопросы их датировки // Ковалева И.Ф. (отв.ред.). Курганы степного Поднепровья. Днепропетровск: ДГУ, 42-49.
- Ковалева И.Ф. 1980б. К вопросу о культурной принадлежности вытянутых подкурганых энеолитических погребений // Ковалева И.Ф. (отв.ред.). Курганы степного Поднепровья. Днепропетровск: ДГУ, 50-55.
- Ковалева И.Ф. 1983. «Вытянутые» энеолитические погребения Днепровского ареала // Кияшко В.Я. (отв.ред.). Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону: из-во Ростовского университета, 21-24.
- Ковалева И.Ф. 1984. Север степного Поднепровья в энеолите – бронзовом веке. Днепропетровск: ДГУ.
- Ковалева И.Ф. 1985. Курган у с.Вербки и другие энеолитические памятники Присамарья // Ковалева И.Ф. (отв.ред.). Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск: ДГУ, 40-54.
- Ковалева И.Ф. 1990. Культурная принадлежность и относительная хронология энеолитических подкурганых погребений северостепного Поднепровья // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Тезисы докладов. Куйбышев, 41-44.
- Ковалева И.Ф. 1991. Новоалександровский энеолитический курган в Днепровском Надпорожье // Древности степного Причерноморья и Крыма II. Запорожье, 30-38.
- Ковалева И.Ф. 1992. Энеолитические курганы у села Чкаловка Днепропетровской области // Проблемы археологии Поднепровья. Ковалева И.Ф. (отв.ред.). Днепропетровск: из-во ДГУ, 66-75.
- Ковалева И.Ф. 1998. Усть-Каменский курган в системе древностей степного Приднепровья // История та культура Подніпров'я. Дніпропетровськ: Дніпропетровський державний університет, 54-66.
- Ковалева И.Ф., Волкобой С.С., Марина З.П., Лихачев В.А., Попцов В.А. 1977. Исследование курганых мо-

- гильников у с. Верхняя Маевка в степном междуречье рек Орели и Самары // Ковалева И.Ф. (отв.ред.). Курганные древности степного Поднепровья III – I тыс. до н.э. Днепропетровск: ДГУ, 8-113.
- Кравец Д.П., Посредников В.А. 1990. Методические указания к организации самостоятельной работы на археологической практике: «Раскопки курганов в зонах новостроек Донбасса». Донецк: ДонГУ.
- Крилова Л.П. 1971. Археологічні розкопки стародавніх курганів на Криворіжжі у 1964-1966 рр. // Ватченко Г.Ф. (гол.ред.). Наш край. Дніпропетровськ: Промінь, 19-27.
- Лугова Л.М., Рассамакін Ю.Я. 1985. Енеолітичне поховання в кургані поблизу с. Орлик Полтавської області. Археологія, 49. Київ, 53-57.
- Малюкевич А.Е., Петренко В.Г. 1993. Усатовский комплекс с фигурными пронизьями из кургана в низовьях Днестра // Древнее Причерноморье. Охотников С.Б. (отв.ред.). Одесса: Одесское Археологическое Общество, 25-30.
- Марина З.П., Ковалева И.Ф., Ромашко В.А. 1982. Курганы эпохи бронзы у с. Колпаковка – Бузовка // Ковалева И.Ф. (отв.ред.). Древности степного Поднепровья (тыс. до н.э.). Днепропетровск, 4-18.
- Марина З.П., Костенко В.И., Никитин С.В. 1981. Курганный могильник у с. Бузовка // Ковалева И.Ф. (отв.ред.). Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках. Днепропетровск: ДГУ, 4-18.
- Мовша Т.Г. 1961. О связях племен трипольской культуры со степными племенами медного века // СА (2), 186-199.
- Мовша Т.Г. 1972. Періодизація і хронологія середнього та пізнього Трипілля // Археологія 5, 3-24.
- Мовша Т.Г. 1981. Проблемы связей Триполья-Кукутени с племенами культур степного ареала // SP 5-6, 61-72.
- Мовша Т.Г. 1984. Хронология Триполья-Кукутени и степные культуры эпохи раннего металла в ее системе // Ковалева И.Ф. (отв.ред.). Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск: ДГУ, 60-73.
- Мовша Т.Г. 1998. Зв'язки Трипілля-Кукутени з степовими енеолітичними культурами (до проблеми індоєвропейзації Європи) // Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Т. ССXXXV. Праці археологічної Комісії. Львів, 111-153.
- Николаева А.В., Рассамакин Ю.Я. 1985. О позднеэнеолитических памятниках Правобережья Днестра. СА, (3): 37-56.
- Отрошенко В.В., Рассамакин Ю.Я., Ляшко С.Н. и др. 1986. Отчет о раскопках Запорожской экспедиции в 1986 году. Научный архив ИА НАН Украины, № 1986/11.
- Палагута І.В. 1994. Нові дані про східні зв'язки трипільської культури // Археологія (1), 134-137.
- Петренко В.Г. 1993. Относительно места в степном энеолите ряда памятников Днестровско-Дунайского региона // Древнее Причерноморье. Охотников С.Б. (отв.ред.). Одесса: Одесское Археологическое Общество, 16-19.
- Плешивенко А.Г. Рассамакін Ю.Я. 1994. Про одну з груп енеолітичних поховань Дніпровського Лівобережжя // Археологія (4), 98-107.
- Рассамакин Ю.Я. 1979. О группе энеолитических погребений из раскопок Верхнетарасовской экспедиции // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тезисы докладов. Донецк, 40-41.
- Рассамакин Ю.Я. 1981. Древнейшие энеолитические погребения в курганах юга Украины // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Тезисы докладов. Киев, 28-29.
- Рассамакин Ю.Я. 1987а. Энеолитические погребения бассейна р. Молочной // Шапошникова О.Г. (отв.ред.). Древнейшие скотоводы степей юга Украины. Киев: Наукова думка, 31-43.
- Рассамакин Ю.Я. 1987б. К проблеме изучения энеолитических подкурганных погребений // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Тезисы докладов. Киев: Наукова думка, 138-139.
- Рассамакин Ю.Я. 1987в. Проблемы изучения энеолитических погребений степного Приазовья // Проблемы археологии степной Евразии. Тезисы докладов, часть 1. Кемерово, 68-71.
- Рассамакин Ю.Я. 1988. Относительная хронология позднеэнеолитических погребений бассейна р. Молочная // Шапошникова О.Г. (отв.ред.). Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. Киев: Наукова думка, 14-27.
- Рассамакин Ю.Я. 1989. О памятниках нижнемихайловского типа и постмариупольской культуре // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. Тези доповідей. Київ: Наукова думка, 189-190.
- Рассамакин Ю.Я. 1990. Енеолітичні поховання Північно-Західного Приазов'я // Археологія (1), 64-74.
- Рассамакин Ю.Я. 1991. Энеолитические погребения степного Днепровского Левобережья // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.), Тезисы докладов. Киев, 67-69.
- Рассамакин Ю.Я. 1993. Энеолит степного Причерноморья и Приазовья (по погребальным памятникам) // Gergieva P. (ed.). The Fourt Millennium BC. Sofia; New Bulgarian University, 5-28.
- Рассамакин Ю.Я. 1994. Среднегетовская культура: миф и реальность // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. – V в. н.э. Тезисы докладов. Тирасполь, 27-30.
- Рассамакин Ю.Я. 1996. Проблемы хронологии и периодизации некоторых «среднегетовских» памятников // Северо-Восточное Приазовье в системе Евразийских древностей (энеолит-бронзовый век), часть 1. Горбов В.Н. (отв.ред.). Донецк, 9-13.
- Рассамакин Ю.Я. 1997. Світ скотарів // Давня історія України. Т.1. Толочко П.П. (відповід.ред.). Київ: Наукова думка.
- Рассамакин Ю.Я., Будников О.Б. 1993. Проблеми раннього степового енеоліту у світлі вивчення нових пам'яток // Археологія (3), 128-142.
- Рындина Н.В. 1998. Древнейшее металлообработывающее производство Юго-Восточной Европы (историки и развитие в неолите – энеолите). Москва: Эдиториал УРСС.
- Самар В.А. 1992. Курган эпохи энеолита-бронзы вблизи Михайловского поселения // Древности степного Причерноморья и Крыма. III. Запорожье, 40-48.
- Телегин Д.Я. 1959. Энеолитическое поселение и могильник у хутора Александрия // КСИА АН УССР 9, 10-20.
- Телегин Д.Я. 1970. Основні риси та хронологія середньостоговської культури // Археологія XXIII, 3-21.
- Телегин Д.Я. 1971. Середньостоговська культура // Археологія Української РСР. Т.1. Київ: Наукова думка, 221-231.
- Телегин Д.Я. 1973. Середньостоговська культура епо-

- хи міді. Київ: Наукова думка.
- Телегін Д.Я. 1985. Среднепалеолитическая культура и памятники новоданиловского типа в Поднепровье и степном Левобережье Украины // *Археология Украинской ССР*. Т.1. Киев: Наукова думка, 305-320.
- Телегін Д.Я. 1987. Про культурну належність і датування випростаних енеолітичних поховань степового Подніпров'я // *Археологія* (60), 17-30.
- Телегін Д.Я. 1999. До питання про культурну атрибуцію поховань постмаріупільського типу та виділення так званої «квитянської культури» в степовому енеоліті України // Ковальова І.Ф. (відповідальний ред.). *Проблеми археології Подніпров'я*. Вип. 2. Дніпропетровськ: Дніпропетровський державний університет, 61-69.
- Титова О.М. 1994. До питання про етнокультурні контакти дніпро-донецьких племен Середнього Подніпров'я та трипільського населення межиріччя Південного Бугу та Дніпра // *Проблеми хронології культур енеоліта-бронзового века України и Юга Европы*. Тезиси докладов. Дніпропетровськ: ДГУ, 59-62.
- Формозов А.А. 1977. О критике источников в археологии // *СА* (1), 5-17.
- Шапошникова О.Г. 1970. Багатощарове поселення поблизу с.Раздольне на р.Кальміус // *Археологія XXIII*, 142-151.
- Шапошникова О.Г. 1985. Памятники нижнемихайловского типа // *Археология Украинской ССР*. Т.1. Киев: Наукова думка, 324-331.
- Шапошникова О.Г. 1987. Эпоха раннего металла в степной полосе Украины // Шапошникова О.Г. (отв.ред.). *Древнейшие скотоводы степей юга Украины*. Киев: Наукова думка, 3-16.
- Шапошникова О.Г., Бодянский О.В., Щепинский А.О. 1957. Звіт про роботу Дніпровського загону Дніпровської експедиції за 1957 рік // *Науковий архів ІА НАН України*, № 1957/106.
- Шилов Ю.А. Курган-святилище «Цегельня». 1993 // *Археологічні дослідження на Україні 1992 року*. Київ, 142-144.
- Шилов Ю.А., Шкляр П.Н., Стахив Н.П., Еремеев С.А. 1992. Отчет о раскопках кургана «Цегельня» у с. Пидлужне Кременчугского р-на Полтавской обл. *Научный архив ИА НАНУ*, № 1992/27.
- Чурилова Л.Н., Нор Е.В. 1986. Отчет о раскопках курганов на землях колхоза «Аврора» Никопольского района Днепропетровской области в 1986 году // *Научный архив ИА НАН Украины*, 1986/50.
- Levine M., Rassamakin Yu., Kislenko A. and Tatarintseva N. (with an introduction by C.Renfrew). 1999. *Late Prehistoric Exploitation of the Eurasian Steppe*. McDonald Institute Monographs, University of Cambridge, 216 pp.: pp.59-182.
- Rassamakin Y.Y. 1994. The Main Directions of the Development of Early Pastoral Societies of Northern Pontic Zone: 4500-2450. A. Koško (ed.). *Nomadism and Pastoralism in the Circle of Baltic-Pontic Early Agrarian Cultures: 5000-1650 BC*. *Baltic-Pontic Studies* 2., Poznań: 29-70.
- Rassamakin Yu.Ya. 1996: On the Early Elements of the Globular Amphora Culture and Other Central European Cultures in the Late Eneolithic of Northern Black Sea Region. In: *Eastern Exodus of the Globular Amphora People: 2950-2350 BC*. *Baltic-Pontic Studies*, Vol.4. Ed. A.Kosko. Poznan: Adam Mickewicz University, Eastern Institute, Institute of Prehistory, pp.112-132.
- Telegin D. Ja. 1969. Das Mitteldneprgebiet und die östlich anschließende Ukraine in der Epoche des Neolithikums und der frühen Metallzeit // *Zeitschrift für Archäologie* (3), 1-15.
- Telegin D. Y. 1986. Dereivka: a Settlement and Cemetery of Cooper Age Horse Keepers on the Middle Dnieper // *British Archaeological Reports International Series* 287. Oxford: BAR.
- Videiko M.Y. 1995. Archaeological Characteristics of the Sofievka Type Cemeteries // Koško A. (ed.). *Cemeteries of the Sofievka Type: 2950-2750 BC*. *Balti-Pontic Studies* 3, 15-134.